СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Ответственный редактор серии
д-р экон. наук
Аболтин В. Я.

Члены редколлегии:
д-р истор. наук
Дилигенский Г. Г.,
чл.-корр. АН СССР
Милейковский А. Г.,
д-р экон. наук
Чепраков В. А.

Издательство «Мысль»

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ответственный редактор
книги
д-р экон. наук
Аболтин В. Я.

Москва 1976

33.049
К 82

Авторский коллектив

Предисловие —
Аболтин В. Я.
Глава I —
Милейковский А. Г.
Глава II —
Гаузнер Н. Д.
Глава III —
Дилигенский Г. Г.
Глава IV —
Шейнин Ю. М.
Глава V —
Чепраков В. А.
Глава VI —
Кочеврин Ю. Б.
Глава VII —
Маклярский Б. М.
Глава VIII —
Вильховченко Э. Д.
Глава IX —
Назаревский В. А.
Глава X —
Волков М. Я.
Глава XI —
Проэктор Д. М.

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Критика буржуазных концепций научно-техниче-
К 82 ской революции. Отв. ред. В. Я. Аболтин. М., «Мысль», 1976.

271 с. (Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. Соврем. капитализм и идеол. борьба).

В книге дан анализ новых явлений в развитии капитализма, критикуются буржуазные теории, апологетически трактующие экономические и социально-политические последствия научно-технической революции; анализируется роль непроизводственной сферы, характер сдвигов в социально-классовой структуре. Разбираются концепции экономического роста, проблемы взаимодействия человека и окружающей среды.

К $\frac{10702\text{-}021}{004(01)\text{-}76}$ 49-76

33.049

© Издательство «Мысль». 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никакая эпоха, никакой этап истории капиталистического способа производства не порождал такого разнообразия и такого множества апологетов эксплуататорского общества, как вторая половина XX в. По мере того как соотношение сил социализма и капитализма меняется в пользу социализма, бурно возрастает активность идеологических оруженосцев империализма. Теперь уже не сотни и не тысячи, а целые легионы буржуазных ученых доказывают преимущества капитализма, пытаясь в то же время очернить социалистическое общество. Поборники осужденного историей общественного строя, естественно, не могли пройти мимо скачкообразного, бурного развития науки и техники во второй половине нашего столетия, справедливо получившего название научно-технической революции. Они стараются при помощи научно-технической революции найти панацею от бед капиталистического строя. Чуть ли не каждый из них предлагает свою интерпретацию того или иного аспекта научно-технической революции, притягивая технический прогресс для доказательства правоты своей позиции. Буржуазные концепции научно-

технической революции — это одна из областей идеологической борьбы, и сейчас, как никогда, актуальны критика и разоблачение буржуазных воззрений, касающихся воздействия научно-технической революции на все стороны жизни общества.

«Мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы» [1] — эти слова Л. И. Брежнева относятся и к идеологическим построениям буржуазных апологетов, и к воззрениям марксистов-ленинцев, исследующих проблемы научно-технической революции. Ставя задачей исследование проблем, порожденных стремительной поступью научно-технического прогресса, коллектив сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР стремился охватить важнейшие аспекты научно-технической революции, построить на базе марксистско-ленинской теории свой анализ и дать оценку буржуазным построениям, искажающим сущность научно-технической революции, обнажить классовые истоки спекуляций и псевдонаучность отдельных концепций. В этом труде советские исследователи противопоставляют буржуазным, враждебным теориям и домыслам марксистско-ленинскую систему взглядов о характере и содержании научно-технической революции. Вскрывая господствующую идеологию монополистической буржуазии — антикоммунизм и антисоветизм, авторы подвергают критике взгляды и тех буржуазных апологетов, которые проявляют гибкость, предлагают улучшение, «исправление» капиталистического способа производства, тем не менее практически оставаясь на позиции защиты государственно-монополистического капитализма.

Нет необходимости перечислять всех буржуазных теоретиков, взгляды которых рассматриваются в этой монографии. Однако целесообразно упомянуть имена некоторых из них, чтобы показать многочисленные оттенки буржуазных концепций научно-технической революции. Среди них Д. Белл и У. Ростоу, Р. Арон и Р. Гароди, О. Тоффлер, Ж. Фурастье, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, А. Турен, Дж. Форрестер, А. Лефебр, Дж. Бэрнхем, Р. Дарендорф, Г. Кан и др.

Авторский коллектив этого труда следовал общей концепции о том, что в наше время существует тесная связь между социальным революционным процессом и научно-

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, стр. 81.

технической революцией. Монография показывает, что связь между социалистической революцией и чрезвычайно быстрым научно-техническим прогрессом реализуется не механически, а со своей стороны существенно ускоряет изменение общественных отношений. В антагонистическом же обществе научно-техническая революция усложняет существующие и вызывает новые социальные проблемы, которые не могут быть разрешены в рамках капиталистического общества.

Наряду с этим волей-неволей даже многие буржуазные исследователи признают в той или иной степени неспособность империализма эффективно использовать созданные в условиях научно-технической революции новые производительные силы. Порожденные научно-технической революцией новые противоречия и осложняющиеся старые пороки монополистического капитализма растут и еще быстрее развиваются и углубляются. Авторы буржуазных концепций научно-технической революции, несмотря на все усилия, неспособны выполнить свою миссию — убедить мыслящих людей, что государственно-монополистический капитализм может своими средствами и силами устранить противоречия капитализма.

Первые главы монографии посвящены концепциям и теориям, имеющим глобальное социально-экономическое значение, последующие главы — отдельным, но важным аспектам научно-технической революции. Коротко, где необходимо, в монографии прослеживается связь и преемственность буржуазных концепций научно-технической революции с рядом теорий, выдвинутых в прошлые этапы, пройденные капитализмом. Установлены закономерности развития идеологической борьбы по рассматриваемой проблеме и ее социальные последствия. Подвергнуты анализу социально-экономические аспекты соревнования двух систем в условиях научно-технической революции. Значительное внимание уделено теории «постиндустриального общества» и ее разновидностям. Раскрывается необоснованность утверждений о принципиальной «новизне» социальной природы современного эксплуататорского общества, а также теории «супериндустриальных революций». В этой связи подвергнута анализу проблема соотношения научно-технической революции и социальной революции в идеологической борьбе. Не оставлено без внимания критики и такое важное направление буржуазной и ревизионистской мысли, как «технологический детерминизм», ко-

торый придает технологии решающую роль в общественном развитии, по сути дела игнорируя классовую борьбу и движение трудящихся масс к социализму и коммунизму, хотя именно этот фактор прогресса человечества является определяющим.

Сущность ревизионизма, приспосабливающегося к научно-технической революции, попытки подорвать с помощью клеветы марксизм-ленинизм, общие воззрения буржуазных теоретиков, оправдывающие деятельность монополий; проблемы окружающей среды, порожденные научно-технической революцией, и появившиеся на свет буржуазные концепции труда и положения эксплуатируемого человека на капиталистических предприятиях; разные теории организации и управления производством при капитализме в обстановке протекающей научно-технической революции; специфические проблемы, свойственные развивающимся странам, и связанная с ними буржуазная апологетика — все это является объектом марксистско-ленинского анализа данного коллективного труда.

Действительность убеждает в том, что буржуазные концепции научно-технической революции, как и другие многочисленные современные социально-экономические теории, являются попыткой монополистической буржуазии отразить нарастающий из года в год натиск демократического движения на систему государственно-монополистического господства. Усилия защитников этой системы в условиях, когда социализм стал самым активным фактором мировой политики, безусловно, обречены на поражение.

Следуя ленинским курсом, советская научная общественность, выступающая на идеологическом фронте, считает своим долгом «оберегать чистоту марксистско-ленинской теории, творчески обогащать ее в соответствии с конкретно-историческими условиями общественного развития, вести принципиальную, непримиримую борьбу против любых проявлений буржуазной идеологии» [1]. Встречая XXV съезд КПСС, марксисты-ленинцы считают своим долгом подвергнуть убедительной критике декларативные постулаты буржуазной общественной науки, разоблачить витиеватые апологетические рассуждения, относящиеся к научно-технической революции.

[1] «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Постановление ЦК КПСС. М., 1968, стр. 23.

Глава
первая

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1. Необходимость идеологической борьбы в современном мире

Научно-техническая революция открыла человечеству новые горизонты, дала ему возможность проникнуть в космические дали Вселенной и глубины микромира, использовать энергию атома, производить электронно-вычислительные машины и создавать материалы с заранее заданными свойствами. Развилась техника, позволяющая избавить человека не только от тяжелого физического труда, но и монотонных операций у поточных линий, требующих большой нервной нагрузки. Помощниками человека стали «думающие машины», управляющие движением других машин и ходом технологических процессов, освободившие его для творческого труда. Была создана техника, которой может управлять только человек, овладевший основами науки.

В странах социализма в условиях научно-технической революции победивший рабочий класс доказал свою способность не только управлять современной экономикой, но и овладевать высшими достижениями науки и культуры, поднять все общество на более высокий уровень идейного развития. Рабочий класс всем ходом исторических

событий, логикой соревнования двух систем поставлен перед необходимостью «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [1].

Первая в мире страна социализма и содружество социалистических государств ведут экономическое соревнование с капитализмом на базе использования достижений научно-технической революции. В наше время произошло совпадение эпохи социалистической революции, освобождающей производительные силы от оков отживших производственных отношений, с эпохой научно-технической революции, обеспечивающей развитие производительных сил, адекватных коммунизму.

Эпоха становления коммунистической формации и развертывания научно-технической революции ознаменована небывалым усилением идейной борьбы рабочего класса против всех догм, постулатов и концепций эксплуататорских классов, борьбы, проявляющейся в многообразии форм классовой конфронтации монополистической буржуазии и широких трудящихся масс.

В нашу эпоху все факторы, определяющие динамику революционного процесса, характеризуются ускоренным развитием. Это относится не только к производительным силам, важнейшим элементом которых стала наука. Не в меньшей мере это касается и обыденного сознания, которое в силу закономерностей гносеологии, как правило, отстает от реальной действительности. Дело в том, что уменьшению разрыва между сознанием и действительностью в огромной степени содействует современная научно-техническая революция с порожденной ею системой коммуникации (радио, телевидение, кино), способствующей быстроте передачи информации.

Динамичность перемен вызывает не «шок перед будущим», как это утверждает американский социолог О. Тоффлер [2], не затмение сознания и чувство растерянности перед могуществом сил научно-технического прогресса. Наоборот, она способствует пробуждению сознания, усиливает устремление к социальному прогрессу, который только и может устранить закрепленное эксплуататорским

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 382.
[2] См. подробнее в гл. III.

обществом вопиюще несправедливое распределение благ между людьми. Не «шок перед будущим», а устремленность в будущее все больше руководит сознанием широчайших народных масс, вовлеченных в мировой революционный процесс.

Могучим ускорителем роста политической сознательности масс, подготавливающей предпосылки для революционных преобразований в масштабе всего человечества, являются в наши дни стратегические победы социализма. Создаются небывало благоприятные возможности, чтобы еще более наглядно доказать преимущества социалистического образа жизни перед капиталистическим, переживающим глубокий идейный и духовный кризис.

Историческая задача состоит в том, как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии, чтобы **«органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства»** [1].

Охваченные страхом перед утратой власти и обретенных привилегий, реакционные классы прибегают к фальшивой интерпретации объективных закономерностей развития научно-технической революции. Затемняя научные истины псевдонаучными измышлениями своих апологетов, они создают концепции научно-технической революции, основанные на манипулировании представлениями, привычными для обыденного сознания.

«Империализм, — как отмечал Л. И. Брежнев, — не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов» [2].

Буржуазные концепции научно-технической революции, направленные против коренных положений марксистско-ленинской теории, используются для отрицания основного экономического закона капитализма — закона прибавочной стоимости и неизбежности завершения классовой борьбы в капиталистических странах установлением власти пролетариата. В разработке апологетических концепций научно-технической революции основная роль отво-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 57.

[2] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 78.

дится буржуазной политэкономии и тесно связанной с ней социологии.

Современные буржуазные идеологи создают такие теории не на пустом месте. Они опираются на определенные традиции, выработанные их предшественниками еще в тот период, когда буржуазия выковала свое идеологическое оружие для утверждения капиталистического способа производства и духовного порабощения рабочего класса. Эти теории, предшествовавшие марксизму, отчасти используются для построения современных утопий, искажающих тенденции развития научно-технической революции. Но важнейшей методологической основой современных буржуазных теорий научно-технической революции служат вульгарная политэкономия и социология, сложившиеся в борьбе с марксизмом. Для них характерно стремление вывести закономерности общественного развития из императивов, якобы присущих самой научно-технической революции. На этом в значительной мере покоятся теории конвергенции двух систем.

Целям апологетики капитализма служит также попытка отождествить закономерности природы и общества, основанная на ложном истолковании новейших открытий биологии, подкрепляемом использованием методов кибернетики и системного анализа.

Учитывая эклектический и многослойный характер буржуазных концепций научно-технической революции, необходимо прежде всего выявить общие черты, определяющие их методологию.

Для этого следует кратко рассмотреть исторические предпосылки развития современных буржуазных концепций научно-технической революции. Надо иметь в виду, что в борьбе с марксистской трактовкой научно-технической революции наши идеологические противники широко используют метод антиисторизма. Он чаще всего выступает в оболочке новейших концепций структурализма, где в анализе социальных структур причинно-следственные связи их развития подменяются выяснением функционального взаимодействия элементов этих структур, чтобы доказать возможность их выживания и улучшения.

2. Непримиримость методологических основ марксистско-ленинской и буржуазной теорий научно-технического прогресса

Выход рабочего класса на политическую арену уже в 30-х годах XIX в. привел к отказу буржуазных экономистов от теории трудовой стоимости А. Смита и Д. Рикардо. Научную политэкономию А. Смита и Д. Рикардо заменила угодливая апологетика вульгарных экономистов, извративших их учение. Противопоставление овеществленного труда живому труду, вещи — человеку, явившееся исходным моментом буржуазной апологетики, К. Маркс подверг уничтожающей критике. Анализ К. Маркса имеет отношение к разоблачению всех буржуазных технологических и технократических теорий научно-технической революции.

К. Маркс отмечает, что у Мак-Куллоха, одного из первых извратителей теории Рикардо, «исчезает не только различие между человеком и животным, но даже и различие между живым и вещью» [1]. Критикуя вульгарную фетишизацию производительных сил и недооценку человека как носителя живого труда, К. Маркс в противоположность буржуазным экономистам считал качество труда, его квалификацию, «степень искусности наличного населения... главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде» [2].

Буржуазная политэкономия рассматривает человека лишь как один из факторов производства. Больше того, материальным факторам производства — орудиям и предметам труда — отдается предпочтение, ибо они принадлежат капиталисту, являются воплощением его силы и богатства. Это находит свое отражение в теории производительности капитала, принятой на вооружение в буржуазных концепциях научно-технической революции. Она доказывает, что поскольку выработка продукции зависит от капиталовооруженности труда, то значение самого труда убывает в соответствии с растущей мощью капитала и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 276.
[2] Там же, стр. 306.

неуклонное увеличение прибыли владельца средств производства представляет собой необходимое условие общественного прогресса. Место рабочего в системе производства буржуазная политэкономия определяет технологическими пропорциями и функциональными взаимозависимостями самих производственных факторов.

Упрощенный технологический подход к оценке роли живого труда по сравнению с трудом овеществленным, представляющим собой узурпацию капиталом результатов живого труда, как отмечал К. Маркс, характерен для всех буржуазных политико-экономов [1].

Уже в то время, когда К. Маркс создавал «Капитал», рабочее движение противопоставило утилитарно-технологическому подходу буржуазных идеологов к рабочему лишь как к фактору производства защиту человеческих интересов трудящихся, их права на гармоничное физическое и духовное развитие. В недрах рабочего движения зарождалась пролетарская политэкономия, пытавшаяся еще до появления марксизма использовать в борьбе с вульгарной политэкономией научную теорию трудовой стоимости, созданную Рикардо.

Анализируя полемику пролетарских политико-экономов Т. Годскина, Дж. Ф. Брея и других с вульгарной буржуазной политэкономией, К. Маркс при всей своей симпатии к идеологам пролетариата отмечает научную несостоятельность обеих сторон. Он указывает: «Для того чтобы и *технологически* оправдать ту *специфическую общественную форму,* т. е. *капиталистическую форму,* в которой взаимоотношение труда и условий труда оказывается перевернутым, так что не рабочий применяет эти условия, а условия труда применяют рабочего, политико-экономы приписывают предметному моменту труда некую ложную важность в противовес самому труду. И именно *поэтому* Годскин, наоборот, настаивает на том, что этот предметный момент, — стало быть, все овеществленное богатство, — чрезвычайно незначителен по сравнению с живым процессом производства и в действительности обладает ценностью только как момент живого процесса производства, а сам по себе никакой ценности не имеет. При этом Годскин несколько недооценивает, — но это естественно в противовес фетишизму политико-экономов, — то значение, какое прошлое труда имеет для его настоящего» [2].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 284—285.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 285—286.

К. Маркс впервые в политэкономии стал рассматривать рабочего не только как фактор производства, как элемент производительных сил, но и в качестве главной производительной и социальной силы общества. Маркс отверг узкотехнологический подход и к анализу развития производительных сил, характерный для буржуазной политэкономии. Для него рост производительных сил — это не только увеличение материального богатства, но и прежде всего создание условий для расцвета человеческой личности, которое капитализм не может обеспечить. В противоречии, существующем при капитализме между растущими производительными силами и сковывающими их развитие производственными отношениями, усугубляемом научно-техническим прогрессом, Маркс видел движущую силу мировой социалистической революции, неизбежность смены капитализма социализмом.

В. И. Ленин, развивая Марксову теорию социалистической революции и роль в ней закона обязательного соответствия производительных сил производственным отношениям, подверг уничтожающей критике доктринерски ревизионистскую концепцию К. Каутского, который предрекал гибель Советской власти на том основании, что социалистическая революция раньше срока одержала победу в экономически отсталой России. Ленин исходил из того, что, в то время, как изживающие себя производственные отношения капитализма будут тормозить развитие его производительных сил, передовые производственные отношения социализма будут ускорять их развитие. На этой теории базировался выдвинутый Лениным план электрификации России, в котором была заложена идея соединения преимуществ социалистического планового хозяйства с новейшими достижениями науки и техники. Эта стратегия легла в основу экономического соревнования первого в мире государства рабочих и крестьян с неизмеримо более могучим капиталистическим окружением.

Целостной, логически и исторически оправданной марксистско-ленинской диалектико-материалистической трактовке научно-технического прогресса буржуазные идеологи противопоставляют все время обновляемые ими эклектические концепции, основой которых служит смесь вульгарного материализма, идеализма и метафизики.

Вульгарный материализм, особенно характерный для буржуазной политэкономии, создает внешнюю видимость материалистического подхода к анализу общественных яв-

лений. Буржуазные теоретики отождествляют технику с производительными силами, отрывая их от производственных отношений, которые образуют экономический базис общества. Они утверждают, что современное мировое развитие не определяется борьбой двух систем, а подчинено в первую очередь императивам научно-технической революции.

Наиболее типичную модель такого развития, где производительные силы рассматриваются как автономная система, развивающаяся в полном отрыве от производственных отношений, представил один из видных теоретиков антикоммунизма, американский социолог З. Бжезинский, в книге «Между двумя эпохами. Роль Америки в технотронной эре». В ней он противопоставляет научно-техническую революцию, которая, по его утверждению, порождена индустриальным развитием США, социалистической революции, происшедшей в экономически отсталых странах. Главная мысль его заключается в том, что решающую роль в развитии современного мира играет новейшая техника, основанная на электронике, которая глубоко преобразует жизнь человечества и тем самым устраняет необходимость социальных революций. Игнорируя величайшие исторические преобразования, вызванные в мире победами социализма и теми стимулами, которые они создали для развития самой научно-технической революции, З. Бжезинский называет США «социальной лабораторией мира» [1].

З. Бжезинский и подобные ему теоретики исключают из своего анализа не только воздействие более передовых производственных отношений на производительные силы, но и влияние надстройки на экономический базис общества. Именно поэтому буржуазные теоретики оказались близорукими в оценке возможностей социализма в развитии научно-технической революции и использовании ее результатов. С этим же связаны и их ошибочные прогнозы исключительно благотворного влияния научно-технической революции на капитализм, их иллюзии о ее использовании для стабилизации капитализма на основе установления «социальной гармонии» и «классового мира».

В буржуазных концепциях научно-технической революции наряду с вульгарным материализмом уживается

[1] *Z. Brzezinski.* Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1970, p. 196.

философия идеализма, основанная на сочинении социальных утопий при полном игнорировании реальных факторов материальной жизни общества.

Буржуазные теоретики при построении утопий, предусматривающих возможность исключить социальные революции из жизни капиталистического общества, придают в современных условиях особое значение кибернетике, вызвавшей качественные изменения в системе управления производством. На этой основе модернизируются старые, идущие еще от Платона утопии о создании общества, управляемого мудрецами, способными лучше всего познать его потребности и осуществить наиболее рациональное использование его ресурсов. В роли носителей высших принципов рациональности изображаются теперь менеджеры, распоряжающиеся мощными информационными системами, которые будто бы делают их независимыми от собственников капитала. Как выразители надклассовых интересов, они якобы могут стать беспристрастными посредниками между трудом и капиталом, способными примирить акционеров — собственников капитала с наемными рабочими, обеспечить такой арбитраж, при котором рабочие ради собственного блага будут отказываться от забастовок, приносящих ущерб производству.

Научно-техническая революция, сочетаемая с менеджеризмом и применением методов социальной психологии, изображается как мощный рычаг социальной трансформации капиталистического общества, ведущей к исчезновению рабочего класса, который, согласно измышлениям буржуазных идеологов, либо вымывается из производства, либо превращается в «средний класс», утрачивающий революционные устремления в связи с перспективой обрести право участия в управлении производством в качестве владельца акций.

Метафизический, антиисторический подход характерен для всех буржуазных концепций научно-технической революция. Все они базируются на увековечении частной собственности на средства производства, находящейся под защитой различных форм государственного протекционизма, без которого в новых условиях капитализм уже не может осуществить процесс воспроизводства.

Итак, к чему же сводится непримиримость и коренная противоположность марксистско-ленинской и буржуазных трактовок научно-технической революции?

В буржуазных концепциях техника противопоставляется человеку, овеществленный труд, узурпированный капиталом в качестве средств производства, — живому труду. Рабочий класс рассматривается не главной производительной и социальной силой общества, а лишь как фактор производства. Стоимость товаров определяется не общественно необходимым трудом, а так называемой предельной производительностью факторов производства. Измерителем цены служит не стоимость, а психологический фактор предельной полезности. На этой основе современная вульгарная маржиналистская буржуазная политэкономия строит теорию распределения доходов, призванную доказать отсутствие эксплуатации в капиталистическом обществе и решающую роль капитала в их создании.

В буржуазных концепциях научно-технической революции вульгарная политэкономия все более широко дополняется вульгарной социологией, которая, признавая возрастающую роль человеческого фактора в производстве, уделяет большое внимание необходимости целенаправленного воздействия на психологию рабочего, на его духовные потребности, чтобы сделать еще более эффективной систему капиталистической эксплуатации. Буржуазные концепции научно-технической революции колеблются от крайнего оптимизма, рисующего воображению идиллические картины бесконфликтного «общества благосостояния», до мрачного пессимизма, проникнутого духом технофобии, предрекающей гибель человечеству, если оно не вернется к более простому образу жизни, избавляющему его от демонической власти машин. И в том и в другом случае подлинно научный анализ закономерностей научно-технической революции ради манипулирования массовым сознанием подменяется использованием фетишистских представлений внешней видимости, которые порождаются капиталистическими производственными отношениями.

Во всех этих буржуазных теориях человек не субъект, а объект управления, подчиненный господству машин и кибернетических автоматизированных систем.

Не трудно заметить, что круг представлений авторов таких концепций определяется специфическими особенностями технологической базы современного этапа научно-технической революции, которая в качестве фазы машинного производства основывается на комплексной автоматизации. В соответствии с этим среди всех естественных наук, являющихся непосредственной производительной си-

лой, лидирующее положение в качестве компонента таких концепций продолжают занимать математика, физика и механика.

Известно, что развитие естествознания оказывает непосредственное влияние и на методы, применяемые в общественных науках. Это накладывает отпечаток на бо́льшую часть буржуазных концепций общественного развития, стремящихся создавать такие модели этого развития, в которых путем применения методов математики, механики или физики можно было бы обосновать постулаты, обеспечивающие равновесие системы, и отвергнуть марксистскую теорию классовой борьбы.

3. Идеологические и социально-политические аспекты экономического соревнования двух систем в условиях научно-технической революции

Современная научно-техническая революция — результат мирового развития. Причины, ее породившие, ее внутренняя динамика, а также взаимосвязь характеризующих ее процессов не могут быть поняты без учета борьбы двух систем, определяющих это мировое развитие.

Вместе с тем необходимо помнить, что в странах капитализма научно-техническая революция развивается прежде всего на основе его внутренних закономерностей. Этот способ производства, движущей силой которого является накопление капитала, по словам Маркса, не может существовать, не вызывая переворотов в технике и технологии производства [1].

Импульсы для таких переворотов создаются не только потребностями расширенного воспроизводства, обусловленными конкуренцией. На динамику и формы научно-технического прогресса большое влияние оказывает и ход классовой борьбы. Как известно, еще Маркс отмечал, что многие технические изобретения были внедрены в производство именно в связи с классовой борьбой [2].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 497—498.
[2] См. там же, стр. 446—447.

Каждое завоеванное рабочим классом повышение заработной платы, как правило, стимулирует капиталистов к внедрению машин, сокращающих потребность в рабочей силе. Создание армии безработных при этом неизменно служит средством давления на работающих, чтобы заставить их отказываться от требований о повышении зарплаты, а иногда и соглашаться на ее снижение. Научно-технический прогресс, и в особенности автоматизацию производства, капиталисты стремятся использовать не только для повышения конкурентоспособности фирмы, но и как орудие борьбы против рабочего класса.

Отмеченное К. Марксом влияние классовой борьбы рабочих на развитие научно-технического прогресса проявляется с особенно большой силой в условиях общего кризиса капитализма, когда авангардной силой рабочего движения становится победивший социализм. Оно приобретает при этом качественно новые формы и порождает объективно прогрессивные последствия.

Объясняется это двумя причинами. Во-первых, победа Великой Октябрьской социалистической революции, положившая начало общему кризису капитализма, укрепила позиции рабочего класса в борьбе с жестокостью капиталистической рационализации. Достаточно вспомнить, что непосредственно под ее влиянием во многих развитых капиталистических странах был впервые введен восьмичасовой рабочий день и осуществлен ряд мер в области социального страхования. Во-вторых, со времен Великого Октября для капиталистов научно-технический прогресс приобретает новые социально-политические аспекты, возникшие после того, как он стал орудием экономического соревнования, которое создало реальную перспективу для Советского Союза догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню жизни трудящихся и обеспечить наиболее благоприятные условия для их культурного развития.

В силу указанных обстоятельств капиталистам пришлось использовать научно-технический прогресс не только как фактор, увеличивающий их прибыли, но и как источник повышения производительности труда, обеспечивающий некоторое повышение зарплаты рабочих, чтобы не допустить перерастания их забастовочной борьбы в массовое революционное движение. Не случайно в условиях научно-технической революции и соревнования двух систем появился такой способ социального маневрирования

монополистического капитала, как принцип эскалации. Он предусматривает соглашение крупных корпораций с профсоюзами, при котором в соответствии с ростом производительности труда осуществляется прибавка к зарплате, но таким образом, что темп ее прироста значительно отстает от темпа увеличения прибыли.

Идеологическая конфронтация капитализма и социализма по вопросу о перспективах научно-технического прогресса началась еще задолго до того, как развернулась научно-техническая революция, на базе которой ныне развивается соревнование двух систем. Истоки ее относятся к тому периоду, когда Советское государство впервые решило конкретно определить долгосрочные перспективы развития своего планового хозяйства с учетом тенденций научно-технического прогресса, которые нашли свое воплощение в плане ГОЭЛРО. Как известно, новаторская инициатива В. И. Ленина восхитила известного писателя и фабианского социалиста Герберта Уэллса. Он предпринял смелое путешествие в Россию, чтобы ознакомиться с новым феноменом общественного развития. Характерно, что прославленный мастер научно-фантастических романов оценил план ГОЭЛРО как утопию, а Ленина назвал кремлевским мечтателем. Однако уже в связи с кризисом 30-х годов впервые во всемирном масштабе проявился поразительный контраст функционирования двух экономических систем — капитализма и социализма.

С тех пор и до наших дней изыскание методов борьбы с кризисами вследствие соображений в первую очередь политических осталось важнейшей задачей для буржуазных экономистов.

В 1950 г. известный американский экономист Артур Бэрнс писал: «Несмотря на относительно благоприятные экономические условия последних лет, проблема экономического цикла продолжает преследовать сознание американского народа. Причина этого не только в стремлении уничтожить нищету народа и растрату материальных ресурсов, вызываемую повторяющимися депрессиями. Причина этого также политическая необходимость. Старая марксистская догма, что капитализм потерпит крушение, постоянно наталкиваясь на скалы экономических кризисов, стала оружием пропаганды, используемой искусно и энергично для того, чтобы обескураживать непосвященных и возбуждать недовольство по всему миру. Наше правительство и другие демократии в ответ на этот вызов

создали разнообразные средства обороны против депрессии. Как хорошо будут действовать эти оборонительные сооружения, пока еще никто не знает... В настоящее время некрологи, посвященные кончине экономического цикла, являются романтическим выражением человеческого нетерпения, а не свидетельством солидных достижений. Они не помогают ни науке, ни экономистам и могут принести серьезный вред, если приведут к ослаблению научных исследований хозяйственных колебаний, которые ныне ведутся в университетах и других научных центрах» [1].

Начиная с 50-х годов одним из средств опровержения марксистской теории кризисов, потрясающих капиталистический мир, стали буржуазные концепции научно-технической революции, связанные с осуществлением политики экономического роста, а также неокейнсианские методы государственно-монополистического регулирования экономики, оправдываемые политикой роста. Они, как это теперь стало очевидным, способствовали обострению противоречий капитализма и углублению его общего кризиса.

Какие же обстоятельства привели к тому, что государственно-монополистические методы стимулирования научно-технического прогресса и экономического роста послужили после второй мировой войны важным фактором углубления общего кризиса капитализма, дальнейшего обострения его внутренних противоречий? Почему научно-техническая революция, финансируемая государством в целях стабилизации капитализма, усиливала действие дестабилизирующих факторов и вела к возрастанию экономической, социальной и политической неустойчивости развитых стран капитализма?

Во-первых, в США и в ряде других капиталистических стран важнейшим средством антикризисной политики и наиболее эффективного стимула для развития новейших отраслей науки и техники была признана милитаризация экономики.

Во-вторых, была принята на вооружение теория дефицитного финансирования, которая доказывала возможность осуществления «контролируемой инфляции». Она скрывала, затушевывала преднамеренную инфляцию с целью наибольшей маскировки перераспределения национального дохода в пользу монополистического капитала и

[1] *A. F. Burns.* The Business Cycle in a Changing World. New York, 1969, p. 54—55.

в ущерб трудящимся. Раздувание государственных бюджетов вследствие милитаризации экономики, а также усиление господства мощных корпораций, неуклонно взвинчивающих монополистические цены вопреки всем декретам о их регулировании, издаваемым государством, привели к тому, что инфляция перестала быть контролируемой и превратилась в хроническую. Это вызвало в конце 60-х годов серьезные нарушения в механизме капиталистического воспроизводства и функционирования кредитно-денежной системы, что не только нанесло урон трудящимся массам и средним слоям, но и противоречило интересам значительных кругов буржуазии.

Социальные и политические последствия указанных методов государственно-монополистического регулирования экономического роста особенно отчетливо проявились в США, где после второй мировой войны милитаризация и инфляционное стимулирование научно-технической революции приобрели решающее значение в связи со стратегией «холодной войны», осуществляемой в глобальном масштабе американским империализмом.

Иллюстрацией результатов такого развития может служить обострение противоречий в экономике этой цитадели капитализма со второй половины 60-х годов, которое явилось важным компонентом углубления общего кризиса капитализма на рубеже 60—70-х годов.

Одним из важных показателей этого процесса явился кризис стратегии «холодной войны» и связанной с нею политики милитаристского стимулирования научно-технической революции, которая была призвана обеспечить мировую гегемонию США, превратить XX век в американский век. Влиятельные группировки правящих кругов США под давлением нарастающих противоречий воспроизводства общественного капитала пришли к выводу, что их собственные экономические интересы требуют перехода от стратегии «холодной войны» к разрядке международной напряженности и признанию необходимости мирного сосуществования двух систем.

Но для характеристики этого процесса недостаточен лишь учет внутренних противоречий капитализма, обусловивших углубление его общего кризиса. Столь же важное значение имеет и анализ того влияния, которое оказало на углубление общего кризиса капитализма и возникновение тенденции к разрядке международной напряженности экономическое соревнование капитализма и со-

циализма, развернувшееся на базе научно-технической революции. Теоретический и идейный просчет буржуазных стратегов «холодной войны» в оценке перспектив экономического соревнования с социализмом, развернувшегося в условиях научно-технической революции, состоял в следующем.

Во-первых, они, как и прежде, недооценили значение прогрессивных социалистических производственных отношений для ускорения развития производительных сил и явно переоценили возможности преодоления противоречий капиталистической экономики на основе «политики роста».

Во-вторых, они надеялись, что гонка вооружений в такой стране, как США, будет обеспечивать занятость и рост доходов, а Советский Союз она истощит и обессилит, не обеспечив ему возможности достигнуть равенства военного потенциала.

В-третьих, они не приняли во внимание роли социалистического содружества в формировании новой системы международных отношений, позволяющих социализму сплачивать в борьбе с империализмом мировое рабочее и национально-освободительное движение, а также общедемократическое движение за мир, равноправие и дружбу всех народов.

Предпосылки крушения империалистической стратегии «холодной войны» были созданы в результате решающих побед социализма в экономическом соревновании с капитализмом, которые были достигнуты еще во второй половине 50-х годов. В этот период Советский Союз совершил прорыв на новом направлении научно-технической революции, первым вступив в космическую эру. Это достижение Советского Союза создало материальную основу для более эффективной борьбы за мир, для разработки коммунистическими партиями такой стратегии революционного движения, которая ориентируется на реальность перспективы исключения мировой войны из жизни общества. Творческая марксистско-ленинская мысль в начале 60-х годов выдвинула тезис о начале третьего этапа общего кризиса капитализма, для которого характерно сужение сферы господства империализма главным образом в результате побед социализма в мирном экономическом соревновании с капитализмом, XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, учитывая требования современности, разработал Программу мира, которая ста-

вит задачей превращение разрядки международной напряженности в необратимый процесс, а мирное сосуществование двух систем в норму международных отношений, наиболее благоприятствующую развитию мирового революционного процесса.

Произошли качественные изменения в самом характере экономического соревнования двух систем. Диалектика этих изменений заключается в том, что это соревнование, оставаясь важнейшей формой классовой борьбы на международной арене, способствует включению социалистических стран во всемирное разделение труда с капиталистическими государствами. Происходит оно на основе развития не только долговременных и устойчивых торговых отношений, но и производственного сотрудничества на базе специализации и кооперирования. Особое значение приобретают такие формы сотрудничества, которые способствуют ускорению развития научно-технической революции и использованию ее благ в интересах всего человечества.

Успехи социализма в экономическом соревновании двух систем способствуют усилению прогрессивных тенденций в развитии научно-технической революции и распространению ее воздействия на те страны, которым империализм закрывал путь для вступления в XX в. В противовес политике колониализма и неоколониализма, которая имеет целью сохранить развивающиеся страны в качестве аграрно-сырьевых придатков бывших метрополий, а в последние годы ориентируется на превращение их в районы сосредоточения наиболее трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности, социалистические государства делают все, что в их силах, для приобщения «третьего мира» к непосредственному участию в научно-технической революции. Благодаря помощи Советского Союза в ряде развивающихся стран были построены первые атомные электростанции и созданы базовые отрасли тяжелой промышленности.

4. Научно-техническая революция и банкротство буржуазных моделей общественного развития

После второй мировой войны расцвели пышным цветом экономические и социологические концепции научно-технической революции, доказывающие, что сами закономер-

ности ее развития устраняют необходимость победы социалистической революции в капиталистических странах.

Буржуазные теоретики прежде всего отдавали предпочтение политико-экономическим и социологическим концепциям, связанным с фетишизацией научно-технической революции и политики экономического роста.

Наибольшее значение в этом отношении приобрела теория американского экономиста У. Ростоу о «стадиях экономического роста» [1]. В ней марксистское учение о пяти общественно-экономических формациях опровергается при помощи сочиненной автором концепции пяти «стадий экономического роста», где конечной ступенью эволюционного развития становится «общество массового потребления», образец которого являют США. Американский путь капиталистического индустриального развития У. Ростоу противопоставляет советскому методу индустриализации, доказывая, что достигнуть благ «общества потребления» в современном мире можно без социалистической революции. Он призывает правящие классы империалистических стран «овладеть» революционными процессами в странах «третьего мира», направить их развитие по капиталистическому пути, способствуя на основе экспорта капитала выращиванию в них предпринимательского среднего слоя и национальной буржуазии.

Аргументацию У. Ростоу подкрепляет французский экономист Ж. Фурастье. На примере эволюции «общества потребления» в США он доказывал, что в условиях научно-технической революции мир вступает в стадию «третичной цивилизации», при которой центр тяжести экономического развития перемещается из сферы производства в сферу услуг. По его мнению, такая эволюция экономики США и других индустриальных стран Запада создает основу для стабилизации капитализма в мировом масштабе, так как высвобождающийся у них капитал найдет применение в «третьем мире», большая часть стран которого благодаря этому вступит в стадию «вторичной цивилизации, характеризующейся развитием индустриализма» [2].

Французский социолог Р. Арон не надеется, что капитализм на основе политики экономического роста и техно-

[1] *W. W. Rostow.* Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.

[2] *J. Fourastié.* Le grand espoir du XXe siècle. Paris. 1965.

экономических изменений в структуре производства, вызываемых научно-технической революцией, сумеет оттеснить социализм и стать господствующей системой. Источник стабилизации капитализма на базе технического прогресса он видит в социальной трансформации капитализма, которая находит свое воплощение в развитии «индустриального общества». В таком «обществе» власть под влиянием научно-технической революции будто бы переходит из рук частных капиталистов к технократической олигархии директоров, не являющихся собственниками капитала, что исключает возможность социалистической революции, направленной на свержение власти капитала. В то же время в результате научно-технической революции происходит якобы перерождение и социалистических стран в «индустриальное общество», т. е. развивается тенденция конвергенции двух систем в рамках «плюралистического» мира [1].

В книге французского социолога А. Турена «Постиндустриальное общество» развивается идея о том, что в «постиндустриальном обществе» рабочий класс утратил роль ведущей революционной силы. Благодаря этому в нем теперь развиваются конфликты, не угрожающие самой капиталистической системе. В ней доказывается, что главная проблема капитализма уже не эксплуатация, которая будто бы исчезла в «обществе потребления», ликвидировавшем обнищание масс, а отчуждение личности, рассматриваемое как чисто психологический феномен [2].

Американский экономист Дж. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» доказывает, что экономической базой для ликвидации классового конфликта, угрожающего существованию капитализма, является возникновение в условиях научно-технической революции «зрелых корпораций», управляемых менеджерами, которые планируют производство, не руководствуясь будто бы мотивом прибыли. По уверению Гэлбрейта, и в социалистических странах научно-техническая революция вызывает развитие крупных объединений, управляемых технократами-менеджерами, что ведет к «эрозии социализма» и создает предпосылки для конвергенции двух систем [3].

[1] *R. Aron.* Dix-huit lesons sur la société industrielle. Paris, 1965; *R. Aron.* Trois essais sur l'age industriel. Paris, 1966.

[2] *A. Touraine.* La société post-industrielle. Paris, 1969.

[3] См. *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество. М., 1969.

Но апологетические модели общественного развития, основанные на фетишизации экономического роста, якобы ведущего под влиянием научно-технической революции к исчезновению господства частнокапиталистической собственности, а также к депролетаризации рабочего класса и превращению его в социально инертный «средний класс», не выдержали даже краткого испытания временем. Они были опровергнуты социально-политическими кризисами конца 60-х — первой половины 70-х годов, показавшими несостоятельность иллюзий о «классовом мире» в цитаделях империализма.

Теоретики «общества потребления» и «индустриального общества» должны были признать, что технический прогресс и политика экономического роста не избавляют капитализм от его недугов, что рабочий класс не удалось интегрировать в систему государственно-монополистического капитализма, а также что уровень его социальных требований нельзя ограничить сферой потребительских инстинктов.

У. Ростоу в новой книге «Политика и стадии роста» подверг пересмотру свою теорию пяти «стадий роста» и признал, что «общество массового потребления» уже не является вершиной благополучия. Он публикует в ней главу, характеризующую новую «стадию роста», сущность которой определяет словами «поиски качества». Основные задачи этой стадии — рост и социальное благосостояние, законность и порядок, безопасность [1].

Ж. Фурастье отказывается от ориентации на американскую модель «общества массового потребления», подвергнув его критике в книгах «Цивилизация 1995 года» и «Открытое письмо четырем миллиардам людей» [2], в которых он прославляет ставшую модной утопию «постиндустриального общества».

Примерно такую же эволюцию проделал и Р. Арон, опубликовавший книгу «Разочарование в прогрессе» [3].

Дж. Гэлбрейт также изменил своей вере в спасительную роль «нового индустриального общества». В конце 1970 г. в английском еженедельнике «Обсервер» появилось его нашумевшее интервью, которое было озаглавлено «Цель в этом мире не потребление, а разумное использо-

[1] *W. W. Rostow.* Politics and Stages of Growth. Cambridge, 1971.
[2] *J. Fourastié.* La civilisation de 1995. Paris, 1970; «Lettre ouverte a quatre milliardes d'hommes». Paris, 1970.
[3] *R. Aron.* Les désillusions du progrès. Paris. 1969.

вание жизни и наслаждение ею», где он доказывал, что в индустриальных странах надо добиваться снижения темпов экономического роста, чтобы избежать социальных издержек, создающих добавочное напряжение жизни [1].

В 1973 г. Дж. Гэлбрейт опубликовал книгу «Экономика и общественная цель», в которой он пришел к выводу, что инфляционный процесс, дезорганизующий экономику США, рассеял его иллюзии относительно того, что «зрелые корпорации», используя преимущества научно-технической революции, неудержимо ведут США по пути «общества изобилия», обеспечивая массовое производство дешевых товаров, доступных большинству населения. На деле их менеджеры не только не сумели предотвратить инфляционный процесс, но и способствовали его развитию. Крупные корпорации, образующие «плановый сектор» экономики, по его мнению, эксплуатируют и угнетают «рыночный сектор», в котором сосредоточена большая часть населения США. Политика экономического роста не привела к стабилизации капитализма и породила новые противоречия, для устранения которых Гэлбрейт считает даже необходимым сделать в США респектабельным «социализм» в той его форме, какую он получил в Западной Европе [2].

На смену панегирикам в честь научно-технической революции появились модели общественного развития, проникнутые духом технофобии.

В 1968 г. международная группа бизнесменов и ученых образовала Римский клуб, который стал пропагандировать идею замедления темпов экономического роста и отказа от излишеств «общества потребления» во имя сохранения экологического равновесия. По заказу этого клуба коллектив ученых провел в американском Массачусетском технологическом институте исследование, которое должно было показать пагубные для окружающей среды последствия высоких темпов роста производства. Исследование было начато под руководством известного специалиста по системному анализу профессора Дж. Форрестера и завершено по его протеже, профессором экономики Г. Медоузом. Результаты этого исследования, аргументированного сложнейшими и громоздкими подсчетами, проделанными с по-

[1] «Observer», November 22, 1970, p. 25.

[2] *J. K. Galbraith.* Economics and the Public Purpose. Boston, 1973; подробнее см.: «Коммунист», 1974, № 15, стр. 102.

мощью компьютеров, были изложены в книге «Границы роста» [1]. Расчеты, приведенные в книге и содержащие данные о балансе ресурсов в масштабе всей планеты, доказывали, что если мировая промышленная продукция будет увеличиваться на 7% в год, то человечество окажется на пороге гибели в результате разрушения окружающей среды уже к концу нашего века.

Выводы этой книги, сознательно затушевывающей тот факт, что только на базе рационального использования возможностей научно-технической революции могут быть решены проблемы экологического равновесия, были использованы буржуазными экономистами и социологами для обоснования необходимости укротить «потребительские инстинкты» трудящихся, которые, чтобы добиваться неуклонного повышения зарплаты, якобы используют «политику роста», являющуюся будто бы главной причиной инфляции.

Но при этом возникает вопрос: какие же слои господствующего класса способны коренным образом изменить характер процесса воспроизводства в условиях капитализма, где он определяется закономерностями накопления капитала и механизмом конкуренции, чтобы отдать предпочтение духовным ценностям «качества жизни» в социально уравновешенном «экологическом обществе»? Ответ на этот вопрос пытаются дать теоретики «постиндустриального общества».

Наиболее полная и всеобъемлющая характеристика «постиндустриального общества», которая принята на вооружение буржуазными идеологами в качестве основной модели, разработана американским социологом Д. Беллом. Обобщением его исследований является опубликованная в 1973 г. монография «Приход постиндустриального общества» [2]. По уверению Белла, беда заключается не в пороках самой системы государственно-монополистического капитализма, не в ее классовой основе, а в том, что этой системой ныне управляют крупные промышленные корпорации, одержимые «манией роста» и готовые ради увеличения производства товаров жертвовать всеми другими благами жизни. Но все это благодаря научно-технической революции легко устраняется на основе закономерностей

[1] «The Limit of Growth». A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, 1972.

[2] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973.

современной стадии развития капитализма. Именно теперь, когда «индустриальное общество» будто бы выполнило свою миссию и центр тяжести всей экономики перемещается в сферу услуг и в отрасли, создающие духовные ценности, когда важнейшее значение приобретает наука и система образования, наиболее развитые страны капитализма начинают под влиянием технического прогресса переходить в стадию «постиндустриального общества». В этом обществе решающая роль в принятии решений, определяющих судьбу наций, перейдет от бизнесменов и менеджеров к интеллектуальной элите, способной якобы подняться выше традиционных представлений об экономическом росте, заводящем страну в тупик неразрешимых противоречий. Такая элита, состоящая из ученых и менеджеров нового типа, сможет перешагнуть рубеж, достигнутый «обществом потребления», преодолеть порожденные им противоречия и осуществить государственное регулирование экономики, обеспечивающее приоритет «качеству жизни».

Стремясь создать своей концепцией «постиндустриального общества» альтернативу марксистско-ленинской теории мирового революционного процесса, Д. Белл даже пытается использовать в качестве довода в ее пользу новое истолкование «Капитала» К. Маркса, именуя себя «постмарксистом». Фальсифицируя и извращая диалектическую логику «Капитала», игнорируя применяемый в нем метод научной абстракции, он доказывает, что К. Маркс в I томе сделал революционные выводы, находясь в плену абстрактных представлений о капитализме, и лишь в III томе Маркс исправил свою ошибку и приблизился к конкретному анализу наиболее развитой формы капитализма, когда он обнаружил отделение собственности на капитал от приложения капитала в производстве. Но К. Маркс, по мнению Белла, остановился на этом рубеже и не смог предвидеть роль менеджера, которому суждено преобразовать капитализм без социалистической революции в бесклассовое «постиндустриальное общество». Выходит так, что только «постмарксист» Белл правильно понял III том «Капитала» и в своей теории делает те выводы, до которых не сумел подняться сам Маркс.

Модернизируя старые версии ревизионистов о мнимых противоречиях между I и III томами «Капитала», Белл учитывает растущий в США интерес к марксизму и необходимость ослабить его влияние путем новых разновид-

ностей фальсификации революционной теории рабочего класса. Но даже такое заигрывание с марксизмом пугает наиболее реакционных и прямолинейных апологетов монополистического капитализма. Ими даже утопия «постиндустриального общества», в которой ответственность за пороки «общества потребления», игнорирующего «качество жизни», возлагается на «большой бизнес», рассматривается чуть ли не как «сползание к социализму».

Экономисты неоклассического и неолиберального направления, спекулируя на растущем недоверии масс к способности правительства регулировать хозяйство, что доказывает вышедший из-под его контроля инфляционный процесс, всячески стремятся популяризировать свою концепцию о необходимости укрепить престиж крупного бизнеса. Они приходят к выводу, что когда государство в интересах бизнеса берет на себя всю ответственность за решение социальных проблем, то это создает условия для вмешательства масс в политику, которым могут воспользоваться коммунисты. Экономисты этого направления, являясь противниками буржуазно-демократических и правосоциалистических реформ, доказывают, что центр тяжести решения социальных проблем, и в частности заботы о повышении «качества жизни», должен быть перенесен в крупные корпорации. По их мнению, крупный бизнес в пределах своих хозяйственных империй может лучше обеспечить «качество жизни», не подрывая устоев капиталистического общества. Они доказывают, что монополистическая буржуазия в отличие от государственной бюрократии не только знает, как надо управлять хозяйством, но и сумеет использовать технику менеджеризма, чтобы соответственным образом отрегулировать социальные проблемы.

Ярким выражением такой точки зрения является программа, выдвинутая американским экономистом и специалистом по менеджменту П. Дракером в его книге «Век нарушения непрерывности» [1]. Дракер считает, что главную роль в преодолении классовой борьбы играет научная организация труда, основы которой заложил еще Ф. М. Тейлор. Образцом развития для индустриальных капиталистических стран сегодня должны служить уже не США, а Япония, которая создана двумя гениями предпри-

[1] *P. F. Drucker.* The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. New York. 1968, p. 215.

нимательства — Шабусавой и Ивасаки. Один из них главным принципом считал максимальную эффективность капиталовложений, другой — максимальное использование талантов. Дракер призывает крупный бизнес отказаться от веры в правительство, которая была «по существу романтическим бегством от политики», и взять на себя всю полноту ответственности. Преимущество крупного бизнеса П. Дракер видит в том, что он исходит из требований рынка и у него есть масштаб для измерения эффективности — прибыль. Недаром для Дракера кумиром в экономической науке является М. Фридмен, который рассматривает кейнсианские методы вмешательства государства в экономику, препятствующего свободному действию стихийных сил рынка, сковывающего инициативу бизнеса, главной причиной бедствий современного капитализма.

Характерно, что Г. Кан и Б. Брюс-Бригз — авторы прогноза мирового развития на 70—80-е годы — рассматривают многонациональные корпорации как основную силу, которая обеспечит «вестернизацию», или «американизацию», большой части нашей планеты. Они предсказывают, что многонациональные корпорации будут прививать «капиталистические ценности» развивающемуся «третьему миру» [1].

Американский экономист Р. Барбер пишет: «Современная многонациональная хозяйственная корпорация стала наиболее мощным де-факто политическим инструментом интернационализма, имеющим гораздо большее практическое значение, чем Объединенные Нации» [2]. Американские многонациональные корпорации, по мнению Барбера, благодаря своему громадному богатству и технологическому превосходству стали главными «колонизаторами XX века» [3].

Тенденцию крайне реакционного истолкования неоклассической концепции научно-технической революции и менеджеризма обнаруживают идеологи современного фашизма. Зловещим примером этого служит программный документ, обнародованный главарем фашистской хунты Чили генералом Пиночетом. В этом документе, провозглашающем задачу создания корпоративного строя в духе

[1] *H. Kahn, B. Bruce-Briggs.* Things to come. Thinking about the seventies and eighties. New York, 1972.

[2] *R. S. Barber.* The American corporation. Its Power, its Money, its Politics. New York, 1970, p. 249.

[3] Ibid., p. 272.

идей Муссолини, указывается: «В современном обществе корпорации призваны быть каналами для передачи технического вклада, необходимого для того, чтобы правительство могло принимать решения... В мире, где проблемы с каждым днем все больше приобретают технический и все меньше идеологический характер, функция сотрудничества в области техники открывает новую и широкую перспективу перед чилийскими корпорациями... Необходимо технизировать общество; необходимо, чтобы слово тех, кто имеет знания, брало верх над правилами» [1].

Статья, опубликованная во французском журнале «Монд дипломатик», где приведен этот документ, отмечает, что в обоснование технократической системы, призванной укрепить господство фашистской хунты в Чили, значительную роль играют лица, окончившие Чикагский университет, где они были учениками американских профессоров, придерживающихся догм неоклассической школы, и в частности декана школы бизнеса при этом университете Д. Шульца, который впоследствии стал министром финансов США.

Кризис кейнсианства, подорвавший престиж экономической политики государства, дает некоторые шансы неоклассикам взять реванш. Не все они являются поборниками авторитарного господства крупных монополий. Некоторые из них стремятся доказать, что именно в крупной корпорации якобы ликвидируется власть капиталиста и его место занимает менеджер. Такой подход к оценке роли крупных корпораций в стабилизации капитализма с позиций неоклассического направления в буржуазной политэкономии, отражающий новейшие течения в ней, представлен в докладе, сделанном на VI конгрессе Международной ассоциации по экономической истории американским профессором А. Чендлером и бельгийцем доктором Г. Дамсом [2]. В нем доказывается, что технология и техника непрерывного производства, породившие те формы его автоматизации, которые характеризуют современную научно-техническую революцию, изменили структуру экономики крупных концернов и саму природу менеджеризма. Центр тяжести его находится теперь не столько в

[1] «За рубежом», 1974, № 37, стр. 17.

[2] *A. D. Chandler* and *H. Dams*. Investment Strategy in Europe, United States and Japan. Sixth International Congress on Economic History. Copenhagen,1974, 19—23 August, p. 33—45.

управлении производством крупного концерна, сколько в создании рыночной структуры, которая обеспечивает непрерывность производства. Это возможно лишь на базе экономического роста, который сопровождается постоянным расширением и совершенствованием рыночных структур, входящих в орбиту крупных концернов. На основе этого после второй мировой войны происходит переход от предпринимательской к менеджериальной стадии капитализма, основу социальной и политической структуры которого составляют мощные концерны, осуществляющие стратегию инвестиций в глобальном масштабе. Их инвестиции определяют будущие потребности рынка и само развитие научно-технической революции. Преобразование предпринимательского капитализма в менеджериальный, по мысли авторов доклада, приводит к тому, что решающая роль в стратегии инвестиций, определяющих судьбы народов, переходит от капиталистов к наемным служащим многонациональных корпораций.

Однако вопреки заклинаниям апологетов крупного бизнеса и их призывам уверовать в мудрость и благородные намерения менеджеров многонациональных корпораций ось политической жизни в развитых капиталистических странах в последние годы сдвигается влево. Причиной этого сдвига прежде всего является расширение социальной базы антимонополистического движения. В развитых странах, где особенно бурно росла мощь многонациональных корпораций, находит подтверждение тенденция политического развития, отмеченная в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. Эта тенденция выражается в том, что в последние годы усиливается натиск трудящихся во главе с рабочим классом не только на отдельные группы капиталистов, но и на всю систему государственно-монополистического господства.

В комплексе причин, породивших сдвиг влево, а также рост политической сознательности широких трудящихся масс, несомненно, не малую роль играет банкротство усиленно рекламируемых буржуазных моделей общественного развития, основанных как на технологической, так и на социологической интерпретации научно-технической революции.

В создании буржуазных концепций научно-технической революции огромную роль играют представители различных школ буржуазной футурологии. Все они в той или иной форме пытаются выработать антитезу марксизму,

представляющую собой наукообразную, замаскированную апологетику капитализма.

В отличие от прежних генераций антимарксистов футурологи, прогнозируя будущее, не могут не признать приоритет марксизма в самой идее научного прогноза общественного развития и тот факт, что идеи марксизма преобразили и преображают мир. Их задача сводится к тому, чтобы по-новому объяснить сам феномен марксизма, оболгать и фальсифицировать его, создав новые символы веры, вытесняющие идеи марксизма из сознания народов.

Какие же методы применяются при этом?

Во-первых, марксизм характеризуется как одна из утопий, которая сумела возбудить воображение масс, поднять его до уровня трансцендентального мышления, оторванного от угнетающей их реальной действительности, и соединить его с верой в сотворение нового мира, в наступление «золотого века». Происхождение марксизма отождествляется с закономерностями развития религий и указывается, что его задачей является соединение утопических идей этих религий и собственно утопического социализма, который марксизм сам признает своей предтечей.

Во-вторых, исходя из этой посылки, буржуазные футурологи делают вывод, что современный мир, охваченный научно-технической революцией и испытывающий «шок перед будущим», страдает от потери симбиоза трансцендентного воображения сознания и веры в «золотой век», который создали эпоха Возрождения и Просвещения, когда зародились утопии, из которых черпал свои идеи марксизм. Они утверждают, что теперь такой симбиоз может быть вновь создан, так как научно-техническая революция прерывает эволюционное развитие и становится базой для формирования концепций образа будущего общества совершенно нового типа, которое не будет похожим ни на капитализм, ни на социализм. Эту идею впервые выдвинул Ф. Полак в книге «Воображение будущего» [1].

Горячими поборниками и пропагандистами идеи «разрыва непрерывности» стали экономисты К. Боулдинг [2] и П. Дракер [3].

[1] *F. L. Polak.* The Image of the Future. New York, 1961. (В оригинале — на голландском языке — книга была опубликована в 1951 г.).

[2] *K. Boulding.* Expectation the Unexpected. New York. 1966.

[3] *P. Drucker.* The Age of Discontinuity. New York, 1968.

Буржуазная футурология, провозглашая тезис «разрыва непрерывности», по существу отказывается от анализа объективных экономических законов и противопоставляет утопию науке. Проникнутые стремлением сохранить капитализм, его апологеты в своих утопиях лишены возможности дать научное предвидение будущего.

Нетрудно заметить, что между прогнозом марксизма и буржуазной футурологией, базирующейся на интерпретации императивов научно-технической революции, имеются коренные различия.

Марксизм в социальных утопиях «золотого века» видел лишь гениальное прозрение будущего, только элементы научного анализа. Основоположники марксизма выступили решительными противниками сочинения социальных утопий. Социализму утопическому они противопоставляли научный социализм, который обусловлен объективными экономическими законами общественного развития, независимыми от воли людей. Социализм научный утвердился в реальной исторической действительности в силу экономической необходимости и в ходе классовой борьбы. Сам марксизм тоже возник не случайно. Он — порождение классовой борьбы и является теоретическим и идеологическим выражением интересов пролетариата — класса, явившегося детищем промышленного переворота XVIII—XIX вв. Современная марксистско-ленинская теория эпохи мирового революционного процесса и научно-технической революции, будучи идейным выражением интересов рабочего класса, отвечает устремлению в лучшее будущее всего прогрессивного человечества.

Глава
вторая

КРИТИКА ТЕОРИЙ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

1. Генезис теорий «постиндустриального общества»

Воздействие современной научно-технической революции на буржуазную идеологию и банкротство ее старых социально-экономических доктрин нашло концентрированное выражение в теории «постиндустриального общества». Сформулированная в послевоенный период и получившая широкое распространение за последние 10—15 лет, она использует многие методологические принципы теории «индустриального общества» и представляет в значительной части ее развитие применительно к условиям капитализма второй половины XX в. В то же время она заимствует от старых буржуазных теорий технократические идеи, постулаты теории «революции управляющих» Дж. Бэрнхэма и корпоративной революции А. Берли и Д. Минза, концепцию социальной стратификации Р. Дарендорфа и др. Заметно влияние на теорию постиндустриализма взглядов Колина Кларка, теории «стадий экономического роста» У. Ростоу, а также некоторых идей Й. А. Шумпетера.

Вместе с тем само рождение теории «постиндустриального общества» было вызвано тем, что ряд постулатов господствующих буржуазных экономических теорий ока-

зался в вопиющем противоречии с действительностью, с реальными проблемами современной жизни, с идеологическими и практическими потребностями государственно-монополистического капитализма.

Активизация государственного вмешательства в капиталистическую экономику, развитие научно-технической революции в начале 50-х годов проходили под флагом технологического оптимизма. Буржуазная экономическая мысль рассматривала технический прогресс и экономический рост в качестве панацеи от всех зол. Известный французский экономист Ж. Фурастье писал: «Прогресс альтруистичен. Он позволяет увеличивать пирог и раздавать всем большие куски» [1].

Однако последующий период принес разочарование. Относительно быстрое экономическое и научно-техническое развитие главных капиталистических стран сопровождается невиданной эскалацией острейших социально-экономических проблем. Увеличение производительности общественного труда и снижение стоимости единицы производимой продукции в этих странах идет рука об руку с непрекращающимся ростом дороговизны. В отличие от прошлого инфляция и рост цен сочетаются с усилением неустойчивости занятости трудящегося населения и увеличением безработицы. Повсеместное распространение могущественных технических средств, используемых в интересах частного обогащения, вызвало угрожающее по своим масштабам отравление окружающей природной среды. Быстро растущие города становятся железобетонными ловушками, в которых беднейшая часть населения живет в условиях чрезмерной скученности, шумовых перегрузок, отсутствия элементарных удобств.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: «Приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. **Общий кризис капитализма продолжает углубляться**» [2]. В последние годы обострение общего кризиса капитализма привело к возникновению ряда специфических кризисов, переплетающихся и взаимодействующих между собой: валютно-финансового, энергетического, экологического, кризиса городов.

[1] «Производительность против рабочего класса». М., 1956, стр. 24.

[2] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15.

Негативные во многих отношениях для трудящихся последствия научно-технического переворота в сочетании с ростом дороговизны послужили толчком к подъему классовой борьбы, показавшей всю иллюзорность так называемой интеграции рабочего класса в систему государственно-монополистического капитализма. Стремясь не допустить перерастания рабочего движения в революционную борьбу, монополистический капитал еще более активно применяет тактику социального маневрирования, используя для этого дополнительные ресурсы, получаемые за счет ускоренного роста производительности общественного труда.

В значительной степени дискредитировала себя в последние годы милитаристская идеология, в частности кейнсианские рецепты стимулирования капиталистической экономики за счет военных расходов государства. Стремление империалистических держав использовать научно-техническую революцию в первую очередь для повышения своего военного потенциала усилило опасность возникновения опустошительной термоядерной войны, но не дало желаемых результатов в международно-политическом плане. Под давлением всемирного антивоенного движения и миролюбивой политики социалистических стран, нашедшей воплощение в Программе мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, в международных отношениях наметился исторический поворот от «холодной войны» и военных конфликтов к мирному сосуществованию. В обстановке разрядки международной напряженности возрастает значение соревнования двух мировых систем в области научно-технического прогресса и его социальной эффективности. Милитаризм дискредитировал себя и в экономическом плане. Все больше проявляется его отрицательное влияние на положение трудящихся. В то же время усиленный упор США на военное использование научно-технических достижений послужил одной из причин их отставания от империалистических конкурентов в ряде отраслей промышленности и техники.

Существующие буржуазные экономические концепции оказались несостоятельными перед лицом новых проблем, поставленных научно-технической революцией и углублением общего кризиса капитализма. В центре внимания традиционной «экономикс» находится механизм рыночных отношений, накопление капитала, вещная, фетишизированная сторона общественных отношений, в то время как

научно-техническая революция ведет к тому, что возрастает значение внерыночных, социальных и политических элементов общественной системы. Ее объективным результатом является увеличение роли человеческого фактора, знаний, квалификации, «капиталовложений в человека». Кейнсианская и неокейнсианская теории, как и другие влиятельные буржуазные теории, оперируют в основном агрегированными величинами и их количественными измерениями, в то время как научно-технический переворот требует учета в экономическом анализе важных *структурных* и *качественных* изменений.

Последствия научно-технической революции выявили серьезные изъяны в буржуазных теориях экономического роста, игнорировавших влияние социальных факторов. В последнее время некоторые буржуазные ученые должны были признать, что экономический рост не только определяется в значительной степени комплексом социальных факторов [1], но и находится в обратной пропорции к социальному, культурному и этическому развитию [2]. Обострение противоречий капитализма, его неспособность, несмотря на экономический рост, удовлетворить насущные потребности подавляющей части трудящегося населения, особенно быстро растущие коллективные потребности — все это привело к тому, что иллюзии «потребительского общества», «общества изобилия» сильно померкли.

Что касается научно-технического прогресса, то он обычно оценивался буржуазной экономической наукой в аспекте его экономической эффективности с точки зрения индивидуального капитала и капиталистических норм рентабельности. Между тем глубокие, многосторонние, порой неожиданные результаты применения новейших достижений науки и техники при достигнутом высоком уровне обобществления производства делают все более необходимой оценку не только экономической, но и *социальной* эффективности новой техники и не с точки зрения индивидуального капитала, а с точки зрения *всего общества.*

Непригодными оказались буржуазные концепции и в качестве средства экономического и социального прогнозирования. Традиционный экономический анализ обычно

[1] *A. Touraine.* La société post-industrielle. Paris, 1969, p. 10.
[2] *R. Theobald.* The Economics of Abundance: a Non-Inflationary Future. New York, 1970.

следовал за экономическим развитием или в лучшем случае не шел дальше краткосрочных конъюнктурных прогнозов. Между тем глубокое воздействие науки и техники на экономику, на условия жизни и общественные отношения, акселерация изменений, возникновение множества серьезных экономических и социальных проблем, требующих долговременного вмешательства государства, переходный характер современной эпохи и нарастание революционных процессов — все это усиливает объективную необходимость прогнозирования. Не случайно в последние годы в капиталистических странах возникает множество всевозможных институтов и организаций, занимающихся экономическим и социальным прогнозированием.

2. Общие черты и методологические принципы

Формирование теории «постиндустриального общества» явилось следствием несостоятельности старых буржуазных идеологических доктрин, реакцией на широко осознаваемую необходимость нового подхода к социально-экономическим процессам. При всем разнообразии вариантов и оттенков постиндустриальных теорий [1] их отличительной особенностью становится превалирование институционально-социального подхода. В отличие от прежних теорий, они уделяют значительное внимание новым коллективным потребностям (информация, образование, здравоохранение) и внерыночным механизмам их распределения.

В постиндустриальных концепциях явственно ощущается тревога по поводу несостоятельности капитализма в решении крупных социальных проблем, выдвигаемых научно-технической революцией. «Третья американская революция [т. е. научно-техническая революция в понимании автора. — *Н. Г.*], — пишет З. Бжезинский, — обнаруживает резкий контраст между нашими техническими достижениями и нашей социальной несостоятельностью и

[1] Так, З. Бжезинский в своей трактовке «постиндустриального общества» подчеркивает технико-экономические аспекты, Д. Белл делает акцент на социально-политические аспекты, О. Тоффлер — на социально-психологические. У другого же видного представителя этой теории, Ж. Фурастье, большое место занимают морально-этические проблемы.

ставит основной вопрос — о контроле над техническим прогрессом» [1].

Большое место в теоретических построениях постиндустриализма, отводящих автономную и определяющую роль науке и научно-техническим знаниям, занимают социально-политические и морально-этические проблемы и факторы. Этим теориям в значительной степени присущ прогностический подход. Так как прогнозирование нового Грааля при этом нередко служит средством отвлечения от животрепещущих, острых проблем сегодняшнего дня, то в постиндустриальных концепциях нет места таким проблемам, как безработица, инфляция, энергетический кризис и т. п. Теория «постиндустриального общества» в течение короткого времени стала главным теоретическим средством анализа новых явлений и процессов, порожденных научно-технической революцией, в духе апологетики государственно-монополистического капитализма.

Послевоенный опыт показал, что именно социальные проблемы — наиболее узкое место научно-технической революции в условиях капитализма. Теория «постиндустриального общества» стремится обосновать разрешимость острейших социально-экономических и политических проблем в рамках «сайентизированного» и «реформированного» капитализма. Теоретики «постиндустриального общества» озабочены поисками путей, большей частью утопических, повышения социальной эффективности капитализма в использовании новейших достижений науки и техники.

Постиндустриальная теория призвана служить средством профилактики революционных потрясений и теоретической базой государственно-монополистической стратегии приспособления к условиям научно-технической революции и соревнования двух мировых систем. Она широко используется в качестве теоретической модели в различных прогнозах исследовательских центров и учреждений, разрабатывающих глобальную стратегию государственно-монополистического капитализма на ближайшие десятилетия. Теория «постиндустриального общества» принята на вооружение «Комиссией 2000 года» при американской Академии искусств и наук. Она легла в основу известной работы сотрудников Гудзоновского института Г. Кана и Э. Винера «Год 2000. Основы для размышления о сле-

[1] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages. America's Pole in the Technotronic Era. New York, 1970, p. 221.

дующих тридцати трех годах», рисующей картину беспредельного научно-технического и социально-политического прогресса капитализма [1]. Обоснование альтернативы капитализму в рамках самого капитализма, отрицание социальной и политической революции — важнейшая и характерная черта постиндустриальной теории. В представлении ее авторов «постиндустриальное общество» — это «послереволюционное» общество. Усовершенствованные административно-политические механизмы нейтрализуют потенциальные революционные бури. Как отмечает американский историк Ч. Лэш, эти теории «постулировали стабильный социальный порядок, обладающий высокой сопротивляемостью к изменениям» [2].

Исходными методологическими принципами теории «постиндустриального общества», как и теории «индустриального общества», служат концепции общественного развития, выхолащивающие из него реальные противоречия жизни, столкновения и борьбу классовых интересов.

В течение длительного времени буржуазные теоретики отрицали один из основных принципов исторического материализма — о ведущей роли производительных сил в общественной системе производства, о решающем воздействии изменений в условиях материальной жизни на социальные и политические процессы. В настоящее время, когда огромное общественное воздействие науки и техники очевидно, этот принцип взят на вооружение теоретиками «индустриального» и «постиндустриального общества», однако при этом ему дается вульгаризированная трактовка, отбрасывающая всю диалектику взаимодействия производительных сил и производственных отношений, открытую основоположниками марксизма и подтвержденную историческим опытом. Роль науки и техники ими гиперболизируется и трактуется в духе технологического детерминизма. Научно-техническое развитие рассматривается при этом как автономный процесс, механически влекущий за собой социальные перемены.

Во многих концепциях постиндустриализма идеалистическое понимание исторического процесса заменяется вульгарным техницизмом и экономизмом, от которых категорически открещивались основоположники марксизма.

[1] *H. Kahn* and *A. J. Winer*. The Year 2000. A Framework for Speculation in the Next Thirty Three Years. New York. 1968.

[2] «Politics in the Post Welfare State». Ed. by M. Hancock and G. Sioberg. New York, 1972, p. 45.

В письме Й. Блоху Ф. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки» [1].

В качестве методологического обоснования теории «постиндустриального общества» Д. Белл вводит так называемый осевой принцип, который противопоставляется им материалистическому и монистическому пониманию исторического развития. «Осевой принцип» — это угол зрения или призма, через которую воспринимается и интерпретируется действительность. В представлении Д. Белла применение «осевого принципа» позволяет вносить логический порядок и смысл в наблюдаемые явления. «Понятия «феодализм», «капитализм» и «социализм», — пишет Белл, — представляют собой последовательный ряд концептуальных схем в марксистской системе, построенных вдоль оси, за которую приняты отношения собственности. Понятия «предындустриального», «индустриального» и «постиндустриального общества» представляют собой концептуальные ряды вдоль оси, за которую приняты производство и виды используемых знаний» [2].

Д. Белл прокладывает путь к построению своей теоретической концепции ценой отказа от рассмотрения общества в качестве целостной системы, наделенной объективными закономерностями своего развития. Хотя с точки зрения предлагаемой Д. Беллом методологии правомерно рассматривать общество как сквозь призму общественных отношений, так и сквозь призму технологии и знаний, однако в дальнейшем оказывается, что лишь последний принцип применим к высокоразвитому современному обществу.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 394.
[2] *D. Bell.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973, p. 11.

Гипертрофированная оценка научно-технического прогресса свойственна многим теоретикам «индустриального» и «постиндустриального общества» (Р. Арон, Ж. Фурастье, З. Бжезинский), а также некоторым ревизионистам (Р. Гароди). Односторонний акцент на развитие производительных сил позволяет «снимать» основное противоречие капитализма — противоречие между производительными силами и производственными отношениями, рисовать иллюзорные картины беспредельного прогресса капитализма и сглаживать коренные отличия двух мировых систем. Научно-техническая революция при этом как бы заменяет социальную революцию [1].

Между тем научно-техническая революция отнюдь не тождественна социальной революции. Хотя между ними и имеется глубокая внутренняя связь, она не реализуется механически. В конечном счете научно-техническая революция способствует социалистическому преобразованию общественных отношений. По своей социальной сущности и внутренней логике научно-техническая революция устремлена в коммунистическое будущее.

Другой стороной этой концепции социального развития является недооценка значения производственных отношений. В постиндустриальных концепциях им отводится в лучшем случае второстепенная, пассивная роль. Такой подход к процессу общественного развития наиболее полно выражен Д. Беллом в его последней книге «Становление постиндустриального общества». Белл полагает, что двойственность (неопределенность) общественных отношений, связанная с отделением управления от собственности, с одной стороны, и успехи в развитии техники, с другой стороны, ставят на передний план производительные силы. По его мнению, производительные силы «заменяют производственные отношения в качестве краеугольного камня общественной системы» [2]. Выдвигая старую, отброшенную жизнью теорию о поглощении производственных отношений производительными силами, Д. Белл вместе с тем возрождает не менее ветхую идею о мнимом противоречии между I и III томами «Капитала» К. Маркса. Вопреки фактам Белл утверждает, что содержавшееся в

[1] Французский экономист Ж. Элгози в автоматизации и другой новейшей технике видит возможность осуществить «революцию без революционеров» (*G. Elgozy.* Automation et Humanisme. Paris, 1968, p. 22).

[2] *D. Bell.* Op. cit., p. 80.

I томе «Капитала» предсказание о растущей концентрации и централизации капитала и классовой поляризации не оправдалось. Он полагает, что развитие капитализма пошло по пути, обрисованному в III томе «Капитала», — по пути отделения собственности на капитал от контроля над производством, роста численности служащих и расширения кредита [1].

Анализ капитализма, данный К. Марксом в «Капитале», представляет образец строгой последовательности, логического восхождения от простого к сложному. Закономерности капитализма, которые в I томе «Капитала» выявляются из анализа непосредственного процесса производства, в III томе рассматриваются на основе анализа капиталистического воспроизводства в целом. В частности, отделение собственности от управления, рост численности служащих, развитие кредита не только не противоречат тенденции к централизации и поляризации, но и тесно с ней связаны. Укрупнение капиталистического предпринимательства в результате концентрации и централизации и рост капиталистического обобществления производства делают необходимым отделение собственности от управления, которое особенно большое развитие получает с переходом от индивидуальной к коллективной форме собственности. С другой стороны, широкое распространение коллективных форм капиталистической собственности открывает огромные возможности для расширения масштабов капиталистического предпринимательства, для вытеснения крупным капиталом мелкого.

В постиндустриальных концепциях производительные силы развиваются в некоем социальном вакууме, вне определенных общественных условий. Исторически конкретный, в данном случае капиталистический, способ производства утрачивает свою целостность как система взаимодействия производительных сил и производственных отношений с прямыми и обратными связями. Игнорируется и тот важнейший факт, что производственные отношения персонализируются в классах, при этом в антагонистических формациях господствующий класс оказывает яростное сопротивление коренному преобразованию производственных отношений, подготовленному развитием производительных сил.

Теоретики «индустриального» и «постиндустриального

[1] *D. Bell.* Op. cit., p. 40.

общества» не видят того, что в современную эпоху производственные отношения капитализма перестали служить единственной и оптимальной общественной формой развития производительных сил, что они сдерживают и деформируют научно-технический прогресс, порождают углубляющийся разрыв между научно-техническим и социальным развитием общества. Техника отнюдь не нейтральна к общественным условиям ее применения. Это подтверждает и современный государственно-монополистический капитализм, который могущественные созидательные силы науки и техники превращает в значительной степени в разрушительные силы, уродует и ограничивает развитие способностей человека, представляющего главную производительную силу, и еще больше подчиняет развитие производительных сил целям максимизации прибыли. Он тормозит экономический и научно-технический прогресс в развивающихся странах, выкачивая из них миллиардные прибыли.

Безусловно, роль науки и техники в современном мире необычайно возросла. Марксизм-ленинизм всегда придавал большое значение исследованию закономерностей развития производительных сил (включающих в себя науку и технику) как наиболее важного и в конечном итоге определяющего элемента той сложной системы, которую представляет исторически определенный способ производства. В этой связи особое значение приобретает изучение новых закономерностей и новой структуры производительных сил, присущих научно-технической революции, а также ее социально-экономических последствий. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что современный научно-технический переворот, объективно повышая значение человеческого фактора в системе производства, личного потребления и особенно коллективных потребностей, усиливая обобществление производства и динамизм всего процесса общественного развития, поднимает роль социально-политической сферы, усиливает обратное воздействие общественных отношений и политической надстройки на ход экономического и научно-технического развития. По своему внутреннему содержанию научно-техническая революция включает социальные процессы, являющиеся не только следствием, но и предпосылкой ее развертывания.

Теоретики постиндустриализма «отвлекаются» от того, что именно общественные условия производства в значительной степени формируют характер социальных процес-

сов, порождаемых научно-технической революцией. В результате социальные последствия научно-технической революции при капитализме и социализме по своему существу имеют глубокие качественные различия.

С позиции этой техницистской концепции общественного развития, отталкиваясь от действительно глубоких преобразований в различных областях жизни, вызванных научно-технической революцией, буржуазные теоретики рисуют картину преобразования капитализма в качественно иное, «постиндустриальное общество».

Различные буржуазные ученые дают различные наименования этому обществу. Термин «постиндустриальное общество» был пущен в обращение Д. Беллом, З. Бжезинский называет его «кибернетически-электронным», О. Тоффлер — «супериндустриальным», Дж. Гэлбрейт — «новым индустриальным обществом».

Каковы же контуры нового общества в изображении его провозвестников?

Как пишет Ганс Гюнтер из Международного института исследований труда, под «постиндустриальным обществом» «обычно понимают общество с высокими уровнями производительности, дохода, техники, информации и урбанизации, в котором занятость в третичном и четвертичном (исследования, образование) секторах превышает занятость в материальном производстве» [1]. Нетрудно видеть, что под это определение могут подпадать страны с совершенно различным социальным устройством.

Д. Белл, который дал наиболее полную теоретическую разработку концепции «постиндустриального общества», приводит следующие пять признаков этого общества [2]: 1) переход от экономики обрабатывающих отраслей к экономике услуг; 2) растущее преобладание «класса специалистов и техников»; 3) главенствующая роль теоретических знаний в качестве основы нововведений и формулирования политики; 4) ориентация в будущем на контроль и оценку технологии; 5) принятие решений на базе новой, «интеллектуальной технологии».

Авторы теорий «постиндустриального общества», таким образом, не акцентируют внимания на общественных отношениях, но из всего анализа «нового общества» отчетливо проступает облик технически высоковооруженного и

[1] «International Institute for Labor Studies». Bul. 10, 1972, p. 114.
[2] *D. Bell.* Op. cit., p. 14.

в социальном отношении маневроспособного государственно-монополистического капитализма. Американский историк Ч. Лэш отмечает, что при всех различиях «постиндустриальное общество» остается капиталистическим, поскольку частная собственность сохраняется в обширных секторах экономики, «индустриальная система производит для рынка, а не для непосредственного потребления, а важные производственные решения находятся в частных руках, вместо того чтобы определяться социальными целями» [1].

Д. Белл без особого труда устанавливает время и место возникновения «постиндустриального общества»: 1945—1950 гг., США. Американоцентризм свойствен большинству концепций постиндустриализма. Америка рассматривается в них как прототип будущей цивилизации. З. Бжезинский, например, называет Америку «социальной лабораторией мира» [2]. Американская модель социально-экономического развития объявляется эталоном для других стран, вступивших на путь научно-технической революции. Тем не менее вряд ли подобные утверждения верны применительно к таким развитым капиталистическим странам, как Япония или страны Западной Европы, поскольку их научно-техническое и социально-экономическое развитие имеет ряд существенных отличий от американского, хотя и происходит на однотипной социальной основе.

3. «Экономика услуг»

Теоретики постиндустриализма определяющее значение в формировании новой общественной системы отводят расширению сферы услуг, ее превалированию над сферой материального производства по количеству занятых. «Постиндустриальное общество базируется на услугах, — утверждает Д. Белл. — Это «игра между людьми», правила которой определяются не мускульной силой, не энергией, а информацией» [3]. На основании того, что обрабатывающая промышленность в США уже не занимает центрального места в «формировании характера рабочей силы», делается вывод о том, что они не являются более

[1] «Politics in the Post Welfare State», p. 36.
[2] *Z. Brzezinski.* Op. cit., p. 196.
[3] *D. Bell.* Op. cit., p. 127.

«индустриальным обществом». В постиндустриальной общественной системе, по идее ее теоретиков, на передний план выдвигаются отношения не между человеком и машиной, а между людьми.

По мнению Ж. Фурастье, переход в сферу услуг устраняет деформацию человеческой личности, присущую капиталистической индустриализации. Он полагает, что труд в сфере услуг возвращает человека к формам доиндустриального труда, делает доступным понимание целей его деятельности. «Третичный сектор, — пишет он, — малодоступный по своему существу механизации, представляет как с точки зрения профессиональной, так и с точки зрения потребительской нечто парадоксально близкое традиционному обществу» [1].

Сторонники постиндустриальной теории считают, что превалирование сферы услуг якобы коренным образом меняет характер социальной структуры, ведет к амортизации социальных противоречий. В данном случае, как и во многих других, объективный научный анализ новых процессов принесен в жертву апологетической концепции.

Прежде всего само выделение сферы услуг не имеет четкой методологической базы. Под этим термином в постиндустриалистских концепциях понимается обширный конгломерат разнородных отраслей, выделившихся в результате развития общественного разделения труда, в том числе и таких, которые в значительной мере непосредственно связаны с материальным производством (транспорт, связь). Если под услугами понимать специфические потребительские стоимости, в которых результат не отделим от процесса труда, то окажется, что ряд отраслей, обычно включаемых в сферу услуг, не подпадает под этот критерий (например, научно-исследовательские центры, ателье, ремонтные мастерские и др.). В эту сферу входят отрасли индустриальной и социальной инфраструктуры, в большой мере представляющие продолжение производственных процессов за его пределами. Здесь отрасли, обслуживающие и производство, и потребление, и распределение, и политическую надстройку. Все это ставит вопрос об употреблении термина «сфера услуг». При всей условности этого понятия более уместным представляется применение термина «непроизводственная сфера», включая об-

[1] *J. Fourastié.* Le grand espoir du XXe siècle. Paris, 1966, p. 284—285.

разование, здравоохранение, бытовые услуги, торговлю, отдых и развлечения, услуги кредитно-финансовых и государственных учреждений.

Статистические данные показывают, что доля занятых в непроизводственной сфере в общей численности занятых увеличивается во всех развитых капиталистических странах, хотя и не в такой мере, как это представляется на основе завышенных данных (включающих транспорт и связь), которыми оперируют авторы постиндустриальной теории (табл. 1).

Таблица 1

Занятые в отраслях непроизводственной сферы*

Страны	1950 г.		1970 г.	
	млн. человек	в % ко всем занятым	млн. человек	в % ко всем занятым
США	27,8	47,0	47,5	57,6
Англия . . .	7,6	32,2	10,7	42,4
Франция . . .	—	—	7,9	38,9
ФРГ	5,9	29,0	9,7	37,2
Италия . . .	4,3	24,0	6,2	32,5
Япония . . .	8,8	27,7	21,2	41,0

* По данным международной статистики труда.

Повышается роль непроизводственной сферы в удовлетворении быстро расширяющихся коллективных потребностей нематериального характера. На долю непроизводственных отраслей в 1969 г. приходилось 48,1% личного потребления в США, 42,5% — в Англии, 38,2% — в ФРГ [1].

Немаловажное значение имеет вопрос о перспективах роста непроизводственной сферы. Можно ли ожидать сохранения нынешних тенденций в будущем? Представляется, что некоторые оценки западных социологов по этому поводу преувеличены. Есть основания полагать, что внедрение автоматизации и кибернетизации в ряде непроизводственных отраслей (особенно в кредитно-финансовых, страховых и административных учреждениях), программных методов обучения в учебных заведениях, новых ме-

[1] См. «США: сфера услуг в экономике». М., 1971, стр. 9.

тодов торговли, всевозможных способов рационализации и интенсификации труда приведет к замедлению темпов роста занятости в непроизводственной сфере. Однако, учитывая, что по масштабам и темпам внедрения новейшей техники непроизводственные отрасли не могут сравняться со сферой материального производства, а также то, что происходит дальнейшее изменение структуры личного потребления в пользу невещественных благ (просвещение, здравоохранение, туризм, культура и искусство), можно ожидать, что и в ближайшие десятилетия занятость в непроизводственной сфере будет расти быстрее, чем в материальном производстве.

Постиндустриальным концепциям присуща недооценка материального производства. В действительности опережающие темпы увеличения занятости в непроизводственных отраслях не отменяют превалирующей роли материального производства в экономическом развитии. Как показал еще К. Маркс, расширение непроизводственной сферы вытекает из развития производительных сил, из повышения производительности труда в сфере материального производства и происходит на основе закономерностей данного способа производства. Кстати говоря, К. Маркс предвидел возможность такого повышения производительности общественного труда, которое приведет к превышению численности занятых в непроизводственной сфере по сравнению с материальным производством [1]. Высокий уровень производительности труда в материальном производстве обеспечивает возможность высвобождения значительной массы общественного труда для удовлетворения новых коллективных «невещественных» потребностей.

В условиях современного государственно-монополистического капитализма рост непроизводственных отраслей сопровождается все большим усилением в них позиций крупного монополизированного капитала и буржуазного государства. Этот глубоко противоречивый процесс отражает как углубление империалистического загнивания (увеличение военного, судебно-полицейского аппарата, персонала, связанного с идеологической обработкой населения, и т. п.), так и формирование новых производительных сил (наука, образование, хозяйственное управление) и рост коллективных невещественных потребностей.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 206—207.

Повышение удельного веса непроизводственной сферы, изменение ее внутренней структуры и экономической роли характеризуют один из важнейших сдвигов в общественном разделении труда, происходящий под влиянием научно-технической революции и по своему значению, возможно, равный отделению ремесла от земледелия. Такие отрасли непроизводственной сферы, как наука и научное обслуживание, просвещение, государственное управление, в настоящее время оказывают значительное влияние на повышение уровня производительности общественного труда и увеличение национального дохода. Это говорит о несостоятельности устаревших представлений об иждивенческой роли непроизводственной сферы и ограничительной трактовке понятия производительного труда, связывающей его только со сферой материально-вещественного производства. Следует отметить, что К. Маркс не ограничивал создание стоимости исключительно сферой материального производства. Тем более это относится к современным условиям, когда научно-техническая революция влечет за собой расширение границ производительного труда в результате формирования новых производительных сил.

Возрастающая роль отраслей непроизводственной сферы — объективный факт, имеющий большое социальное и экономическое значение. Но можно ли исходя из этого говорить о становлении общественной системы качественно нового типа или особой «экономики услуг»? Оснований для этого нет. При всей специфике сферы услуг она органически вплетается в общую систему экономических отношений и развивается по общим законам, присущим данному способу производства. В различных общественных условиях расширение непроизводственной сферы может иметь различное социальное содержание. В условиях капитализма развитие непроизводственной сферы происходит на основе конкуренции и стремления к извлечению максимальной прибыли.

Более индивидуализированный спрос и территориальная ограниченность рынков обусловливают более низкий уровень концентрации капиталов в непроизводственной сфере по сравнению с материальным производством. Однако проникновение новейшей техники и новых методов организации в непроизводственные отрасли сопровождается ростом концентрации экономической деятельности, расширением позиций крупных корпораций и оттеснением мелкого бизнеса. В Советском Союзе, как и в других социали-

стических странах, рост непроизводственной сферы подчинен основному экономическому закону социализма, направлен на удовлетворение потребностей общества и регулируется законом планомерного развития.

4. Социальная структура «постиндустриального общества»

Апологетическая, антимарксистская направленность постиндустриальной теории особенно ярко проявляется в анализе изменений в социальной структуре. По идее создателей этой теории в «постиндустриальном обществе» складывается якобы принципиально новая социальная структура, основанная не на собственности, а на знаниях, квалификации. С этих позиций буржуазные идеологи атакуют марксистскую теорию всемирно-исторической роли пролетариата, представляющую, по словам Ленина, главное в учении Маркса.

Научно-техническая революция неразрывно связана с крупными сдвигами в общественном разделении труда, с его интеллектуализацией, с увеличением удельного веса различных видов нефизического труда за счет физического, с изменением в социальной структуре капиталистического общества. Внешним проявлением этого служат опережающие темпы роста численности инженерно-технических работников, специалистов, торговых и конторских служащих. В США доля работников преимущественно физического труда, или «синих воротничков», среди экономически активного населения снизилась с 39% в 1950 г. до 35% в 1972 г., в то время как доля работников нефизического труда, или «белых воротничков», повысилась с 38 до 48% [1]. В середине 50-х годов «белые воротнички» по абсолютной численности превысили «синие воротнички». В значительной мере это связано с опережающим ростом непроизводственной сферы, но и в производственной сфере удельный вес «белых воротничков» растет. Согласно имеющимся прогнозам, к концу века доля «синих воротничков» в США может составить около 30%, а

[1] Недостающая до 100% часть приходится на долю фермеров и работников обслуживания («Manpower Report of the President», 1973, p. 142).

«белых воротничков» — 58%. Эти факты широко используются теоретиками постиндустриализма для обоснования тезиса об «эрозии» рабочего класса и «депролетаризации» «постиндустриального общества». В их представлении сокращение сферы применения физического труда и удельного веса работников, его выполняющих, равносильно уменьшению экономической роли, а в исторической перспективе — исчезновению рабочего класса. Д. Белл полагает, что все увеличивающаяся замена человека машиной должна привести к «размыванию» класса промышленных рабочих. «Версия об индустриальном рабочем как инструменте будущего, — пишет он, — или фабричном рабочем как символе пролетариата не оправдалась» [1]. Белл прямо и недвусмысленно выступает против марксистской теории о руководящей роли рабочего класса. Американские социологи М. Винсент и Г. Мейерс считают, что «автоматизация может изменить основной состав рабочей силы в направлении от пролетариата к служащим в полном соответствии с тенденцией к приобретению статута среднего класса, присущего тем, кто получает повышающуюся годовую заработную плату» [2]. А. Турен, возражая против тезиса об исчезновении рабочего класса, тем не менее полагает, что в «постиндустриальном», или «программируемом», по его терминологии, обществе рабочий класс перестает быть главным действующим лицом истории [3]. К аналогичному выводу, но несколько с иной стороны приходит Ж. Фурастье, который говорит о превращении рабочего в «среднего потребителя» и его интеграции в социально-экономическую систему капитализма.

В анализе социальной структуры буржуазные социологи исходят из теории «социальной стратификации», в которой в качестве критериев принадлежности к той или иной «страте» берутся произвольно выбираемые признаки (размер и характер дохода, профессия, уровень квалификации, образ жизни, интересы, психология и т. п.). В результате социально-классовая структура утрачивает свою объективную основу.

Между тем разделение общества на классы проистекает из условий материальной жизни общества, из различного положения тех или иных групп в системе производ-

[1] *D. Bell.* Op. cit., p. 125.
[2] *M. Vincent* and *G. Mayers.* New Foundations for Industrial Sociology. New York, p. 370.
[3] *A. Touraine.* Op. cit., p. 25.

ственных отношений. Научная концепция социальной структуры общества может строиться только на комплексном учете основных социально-экономических факторов, определяющих положение в системе производственных отношений. Она должна учитывать как коренные, принципиальные отличия социальной структуры в различных общественных формациях, так и изменения, происходящие внутри общественной формации. Это в особенности относится к рабочему классу, который является как объектом, так и субъектом важнейших общественных процессов.

Буржуазные теории социальной структуры не учитывают, что границы между различными социальными слоями не являются раз и навсегда данными, что сам рабочий класс не представляет однородную массу, отвечающую одному стандарту, что в обществе всегда имеется множество переходных социальных типов. Пролетариат, как и его антипод — буржуазия, развивается вместе с эволюцией капиталистического способа производства. Вывод о его революционной роли вытекает из того положения, которое он занимает в системе производственных отношений капитализма.

Крупные перемены в общественном разделении труда, которые принесла с собой научно-техническая революция, вызывают важные изменения в составе и социальных границах рабочего класса, но идут они не в том направлении, о котором говорят теоретики постиндустриализма. Расширенное воспроизводство капитала и в настоящее время сопровождается расширенным воспроизводством капиталистических отношений, а следовательно, и расширенным воспроизводством пролетариата. Отрицание теоретиками постиндустриализма процесса пролетаризации в развитых странах капитализма не имеет реальных оснований. Напротив, в условиях современного государственно-монополистического капитализма и развертывающейся научно-технической революции он идет ускоренными темпами. Об этом говорит значительное и повсеместное увеличение удельного веса наемного труда (хотя, разумеется, не все лица наемного труда относятся к пролетариату). В огромных масштабах происходит в послевоенные годы вытеснение из сельского хозяйства мелких и средних фермеров [1].

[1] В США, Франции, ФРГ, Италии, Великобритании, Бельгии, Швейцарии занятость в сельском хозяйстве в послевоенный период сократилась более чем в 2 раза. Особенно высокие среднегодовые темпы сокращения занятости были в 60-е годы. В Италии

В международном плане этот процесс послужил источником миграции крупных контингентов рабочей силы из аграрных и полуаграрных стран Южной Европы (Греция, Турция, Испания) в индустриально развитые страны Западной Европы (ФРГ, Франция, Швейцария). В небывалых размерах вовлекаются в сферу наемного труда, включаясь в состав совокупного рабочего, женщины, занятые прежде только в домашнем хозяйстве, в том числе имеющие семьи.

Вполне естественно, что в обстановке крупных перемен, вызванных в значительной степени научно-технической революцией, меняется состав пролетариата и соотношение его основных отрядов. Особого внимания заслуживает в этой связи вопрос об экономической роли и исторических перспективах промышленного пролетариата — вопрос, который является предметом спекуляции теоретиков постиндустриализма.

Промышленный пролетариат, представляющий первоначальную и наиболее массовую базу рабочего движения, и сейчас остается наиболее многочисленным отрядом рабочего класса, который отличается более высоким уровнем концентрации и сосредоточен в ключевых отраслях промышленности, играющих решающую роль в развитии производства.

В условиях научно-технической революции преобладающее значение приобретает интенсивный путь развития производства. В результате рост производства нередко достигается при небольшом увеличении или даже стабильной численности промышленных рабочих. Однако делать из этого вывод о том, что промышленный пролетариат утрачивает свое значение или сходит на нет, неверно. Даже самое автоматизированное производство не обходится без применения живого труда. Однако в отличие от периода индустриализации на новом этапе развития производительных сил рост производства связан не столько с количественным, сколько с качественным ростом применяемого труда. Среди рабочих увеличивается удельный вес наиболее квалифицированных профессиональных групп (особенно ремонтно-наладочного персонала), повышается общий уровень образования всех категорий рабочего клас-

они составили около 6% по сравнению с 3% в 50-е годы, в ФРГ — соответственно 4,1 и 3,7% («Monthly Labor Review», October 1971, p. 6).

са. Усиливается тенденция к интеллектуализации труда промышленных рабочих, а при применении высокоавтоматизированной техники — к его сближению с трудом инженерно-технического персонала. Повышение уровня квалификации промышленных рабочих сыграло важную роль в ускорении научно-технического прогресса и экономического роста в послевоенный период. Отнюдь не случайно в последние годы капитал особенно охотно устремляется в те районы и в те страны, где имеются ресурсы квалифицированной рабочей силы.

Вместе с тем, как ни велико значение промышленного пролетариата, марксисты никогда не отождествляли его со всем рабочим классом. В. И. Ленин писал, что «миссия» капитализма «выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, — по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д.; но все это не дает ни малейшего права *сводить «объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих*. Это значит до невозможности суживать идею Маркса» [1].

Научно-технический переворот и связанные с ним сдвиги в общественном разделении труда влекут за собой расширение состава пролетариата, формирование новых его отрядов.

Сторонники концепции «депролетаризации» берут лишь внешнюю сторону новых явлений. Изменение соотношения между «служащими» и «рабочими» в том понимании, которое обычно вкладывается в эти понятия национальной статистикой соответствующих стран, непосредственно означает лишь изменение соотношения между людьми, получающими доход в форме жалования и в форме заработной платы, или между людьми физического и нефизического труда. Эти изменения сами по себе не определяют социального положения, классовой принадлежности тех или иных групп населения.

Если к этому вопросу подойти с точки зрения детерминирующих признаков классовой принадлежности, то станет ясно, что служащие и инженерно-технические ра-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 328—329.

ботники представляют пестрый в социальном отношении конгломерат, включающий представителей различных классов. Значительную часть их составляют средние слои, занимающие промежуточное положение между основными классами. Вместе с тем превращение служащих и инженерно-технических работников в массовую категорию лиц наемного труда, вовлечение их в сферу монополистической эксплуатации на основе применения современных методов капиталистической рационализации усиливают процесс их сближения с пролетариатом. В конечном счете это ведет к тому, что некоторые категории служащих (конторские и торговые работники, часть инженерно-технических работников) при современном уровне сверхконцентрации и монополизации производства по основным социально-экономическим признакам немногим отличаются или совсем не отличаются от промышленных рабочих. В результате состав современного пролетариата становится более сложным и многообразным. Он включает в себя не только работников преимущественно физического труда, но и часть лиц умственного труда, не только работников сферы материального производства, но и частично работников непроизводственной сферы. По мере изменения социально-экономических условий жизни и деятельности техников, инженеров, торгово-конторских служащих они превращаются по существу в особый слой пролетариата.

Было бы неправильным вместе с тем абсолютизировать эту тенденцию и переносить ее на всех служащих и инженерно-технических работников. Пролетаризация служащих — процесс длительный, имеющий разную степень зрелости в различных капиталистических странах и в различных сферах экономики. Однако совершенно неправильно воздвигать непреодолимые социальные перегородки между работниками физического и нефизического труда.

Вопреки утверждениям теоретиков «депролетаризации» научно-техническая революция ведет к количественному и качественному росту рабочего класса, к расширению его социальных границ. Все это превращает его в еще более влиятельную силу общественного переустройства в современном мире.

Современный пролетариат, более чем когда-либо, подготовлен к выполнению главной роли в устранении эксплуататорской системы общественного производства и в строительстве нового, социалистического общества. Он имеет возможность опереться на опыт своей многолетней

классовой борьбы с буржуазией и на опыт и международное влияние мирового социализма. Укрепление мировой социалистической системы способствует усилению его классовых позиций. Увеличение численности пролетариата, изменения в его составе, повышение его квалификационного и общеобразовательного уровня служат предпосылкой еще большего увеличения его значения в общественной жизни. Отмеченные выше изменения в социальной структуре современного капитализма, и в частности тенденции к известному нивелированию социально-экономических условий различных категорий трудящихся, создают более благоприятные возможности для сплочения и расширения антимонополистического движения.

Новые горизонты открываются в укреплении и развитии союза пролетариата с другими социальными слоями, выступающими против засилия монополий. Это относится не только к мелкой буржуазии города и деревни, но и к интеллигенции.

5. Ложные концепции: от финансовой плутократии и меритократии к технократии

Одна из основных черт «постиндустриального общества», по мнению его идеологов, — главенствующая роль научно-теоретических знаний. «Постиндустриальная цивилизация», отмечает Ж. Фурастье, — это цивилизация знаний [1]. «Концепция постиндустриального общества, — пишет Д. Белл, — подчеркивает центральное место теоретических знаний как базы развития новой техники, экономического роста и социальной стратификации» [2]. В их представлении в «постиндустриальном обществе» принятие решений на основе научных методов определения оптимальных вариантов будет иметь универсальный характер. Д. Белл полагает, что к концу века «интеллектуальная технология» (применение системного анализа, линейного программирования, программного бюджетирования и т. п.) будет иметь такое же значение, как машинная технология за последние 150 лет [3].

[1] *J. Fourastié.* Les 40 000 heures. Paris, 1965.
[2] *D. Bell.* Op. cit., p. 112.
[3] Ibid., p. 28.

Из всего этого делаются далеко идущие выводы: теоретические знания заменяют частную собственность в качестве основы формирования социально-классовой структуры; главными институтами нового общества становятся не промышленные корпорации, а университеты и исследовательские центры; элита жрецов «интеллектуальной технологии» приходит на смену финансовой олигархии, а идеологические страсти вытесняются трезвым расчетом с помощью невозмутимых ЭВМ. Бжезинский считает, что США уже перестают быть иерархически-олигархическим обществом и становятся «меритократической демократией» [1].

Что можно сказать по поводу этой концепции сайентизированного с головы до ног общества теоретиков постиндустриализма? В данном случае используется тот же метод, что и во многих других, — реальные тенденции, порожденные научно-технической революцией, гиперболизируются и вырываются из контекста конкретных общественных отношений.

Нет никакого сомнения в том, что научно-теоретические знания в современном мире приобретают исключительно большое значение. Наука, техника и производство образуют тесно интегрированный комплекс, в котором наука играет роль важнейшего динамического фактора. Если прежде наука в своем развитии большей частью следовала за техникой или шла вровень с нею, решая задачи ближайшего прицела, то в настоящее время она начинает опережать технику, прокладывая для нее новые пути, открывая новые горизонты. Она проникает во все основные звенья общественной системы производства.

Теоретические и технические знания становятся основой рабочей квалификации нового типа. Складывается иное соотношение между развитием производства и развитием человека. В период капиталистической индустриализации рост производительности труда нередко достигался ценой деформирования способностей рабочего. Его развитие в лучшем случае было побочным результатом развития производства. Научно-техническая революция ведет к тому, что подготовка и развитие человека становятся важнейшей *предпосылкой* функционирования и совершенствования системы производства. Знания, квалификация превращаются в ресурс ключевого значения, наращивае-

[1] *Z. Brzezinski.* Op. cit.

мый опережающими темпами. В комплексе современной системы производительных сил интеллектуальная вооруженность труда получает не меньшее значение, чем его вооруженность вещественными орудиями труда.

Эти объективные процессы, однако, отнюдь не элимированы от исторически конкретных общественных условий. В частности, выдвижение науки на авангардные позиции вовсе не означает, что она становится полностью автономной и детерминирующей силой по отношению к производству и всей общественной системе. В конечном счете, как и прежде, развитие науки определяется потребностями практики, преломляемыми через призму определенных общественных отношений Не случайно Д. Белл, как и другие идеологи постиндустриализма, обходит вопрос о том, кто контролирует науку и технику. Между тем научно-техническая революция в капиталистических странах развертывается под эгидой крупнейших монополистических корпораций. Это полностью подтверждает пример США, объявляемых буржуазными социологами первенцем постиндустриальной системы. Расходы США на научные исследования и разработки с 1953 по 1973 г. возросли в 6 раз (с 5,2 млрд. до 31 млрд. долл.). Решающую роль в определении направления и характера использования этой весьма солидной суммы расходов играют крупнейшие корпорации и государство. 300 крупнейших компаний обрабатывающей промышленности, составляющие около 3% их общего числа, сосредоточивают в своих руках 90% всех научных исследований и разработок [1]. На долю государства приходится свыше половины всех расходов на научные исследования и разработки (53,3% в 1972 г.), но и из этой суммы большая часть попадает в руки частных корпораций (55% в 1970 г.) [2].

Развертывание научных исследований подчинено военно-стратегическим целям государственно-монополистического капитализма США, на которые расходуется преобладающая часть государственных ассигнований на науку.

США значительно опережают другие развитые страны капитализма по масштабам научных исследований и разработок. Однако если исключить расходы на исследования

[1] *D. Hamberg.* Essay on the Economics of Research and Development. New York, 1966, p. 7.

[2] См. *Е. А. Лебедева.* США: государственное воздействие на научно-технический прогресс. М., 1972, стр. 47, 58.

в военных целях, то превосходство США над этими странами становится далеко не столь очевидным. В этом одна из причин того, что ряд стран Западной Европы и Япония в настоящее время бросают вызов американскому лидерству в некоторых областях науки и техники (химия, металлургия, судостроение, самолетостроение, автомобилестроение, электроника) и начинают опережать их в экспорте технически сложных изделий.

Теоретики «постиндустриального общества» игнорируют манипуляторский характер «интеллектуальной технологии» и ее направленность на выживание и сохранение капиталистической системы.

Столь же далек от действительности тезис провозвестников «постиндустриального общества» об образовании как новой основе социально-классовой структуры. В 60—70-е годы масштабы и уровень образования трудящегося населения развитых капиталистических стран заметно повысились. В США, которые опережают в этом отношении другие капиталистические страны, доля окончивших среднюю школу второй ступени среди экономически активного населения повысилась с 26,6% в 1952 г. до 40% в 1972 г., а доля обучавшихся в колледжах — с 16,2 до 27,2%. Медиана срока обучения для всего экономически активного населения повысилась с 10,6 года в 1948 г. до 12,5 года в 1972 г., в том числе для рабочих («синих воротничков») — с 9 до 12 лет [1]. Численность студентов возросла с 2,7 млн. человек в 1950 г. до 7,1 млн. в 1970 г. [2] Тем не менее и сегодня образование даже в наиболее развитых капиталистических странах отстает от объективных требований научно-технического переворота, который делает необходимой подлинную культурную революцию. Это связано с тем, что рост численности обучающейся молодежи не сопровождается действительной и полной демократизацией системы образования.

Знание и квалификация, которые становятся значительной силой, сами по себе не взламывают веками складывавшийся и совершенствовавшийся механизм экономического и политического господства буржуазии, а действуют на его основе, способствуя большей частью его упрочению. Несмотря на все реформы в этой области, проведенные в 60—70-е годы во многих капиталистических

[1] «Manpower Report of the President», 1973, March, p. 176, 180.
[2] «Statistical Abstract of the Unated States», 1972, p. 105, 127.

странах, система социального отбора и социальной дифференциации продолжает действовать в учебных заведениях, которые выполняют функцию своего рода экстраполирования на будущее на более высоком общеобразовательном уровне существующей социально-классовой структуры. Социальная дифференциация в настоящее время связана не только с уровнем образования, но и с его качеством. Имущественные и социальные привилегии особенно сказываются на высших ступенях образования, что подтверждается данными о социальном составе студентов высших учебных заведений (табл. 2).

Таблица 2

Распределение студентов вузов по социальному происхождению

Страны	Высший слой	Средний слой	Низший слой	
	Менеджеры, крупные чиновники, верхушка интеллигенции	Мелкая буржуазия и служащие	Лица, занимающиеся физическим трудом	Социальное происхождение не установлено
США	52,4	20,5	26,6	0,8
Англия . . .	62,9	9,9	27,2	—
Франция . . .	30,2	47,8	9,0	13,0
ФРГ	32,8	60,5	5,3	1,4
Италия . . .	11,6	64,8	15,4	8,2
Япония . . .	52,8	35,4	8,7	3,1
Швеция . . .	31,1	50,6	14,3	4,0
Бельгия . . .	32,3	39,3	22,8	5,6
Австрия . . .	32,4	49,1	5,5	13,0

Источник. OECD. „Observer", 1970, August, p. 43.

Приоритет наиболее обеспеченных слоев населения на получение высшего по уровню и качеству образования поддерживается его платностью и растущей дороговизной. В этом отношении особенно характерен пример США. Только с 1970 по 1973 г. плата за обучение в частных колледжах возросла в среднем с 2518 до 3075 долл. в год, а в государственных колледжах — с 1196 до 1414 долл. [1]

Архаичная система образования, основанная на социально-классовых привилегиях, вступает во все большее

[1] «US News and World Report», 1973, April 9, p. 45.

противоречие с потребностями общественного прогресса, с интересами широких трудящихся масс. В результате университеты приобретают важное значение не только как центры научно-производственного и учебно-производственного комплекса, но и как центры массовых выступлений молодежи. Достаточно вспомнить в этой связи события мая — июня 1968 г. во Франции.

Концепция «постиндустриального общества» пронизана идеей технократизма. Д. Белл считает, что за последние 25—30 лет в результате «революции управляющих» система собственности в США якобы рухнула, а богатые предприниматели перестали быть правящим классом.

И здесь реальные процессы в развитии капиталистической экономики получают искаженное освещение. Отделение управления от собственности не разрушает последнюю, а способствует еще большей ее централизации. В крупных корпорациях контроль действительно ускользает из рук массы мелких собственников-акционеров, но при этом концентрируется в руках крупнейших собственников. Ускорение научно-технического прогресса в сочетании с обострением конкуренции послужило стимулом усиления централизации капиталов. Невиданная по интенсивности волна слияний, охватившая главные капиталистические страны со второй половины 60-х годов, имеет ряд особенностей, которые говорят о переходе на более высокую ступень капиталистической концентрации производства: слияния большей частью происходят на многоотраслевой основе, а поглощаемые компании в основном относятся к числу вполне «здоровых» компаний отнюдь не мелкого масштаба.

Вместе с тем увеличение численности и значения административного аппарата, который имеет специальную профессиональную подготовку и к которому переходит управление корпорациями, не означает его полной автономии. На деле менеджер пользуется своими прерогативами руководителя лишь в тех пределах и постольку, поскольку его политика соответствует интересам крупных собственников, контролирующих корпорации. При всем многообразии непосредственных мотивов деятельности «технострактуры» они в конечном счете сводятся к обеспечению возможно большей в данных условиях прибыли независимо от того, к каким это приведет последствиям для всего общества. И размер вознаграждения, и социальный престиж высших менеджеров зависят от конкурентоспособ-

ности и прибыльности возглавляемых ими корпораций. В качестве новой социальной группы «постиндустриального общества» они представляют не инородное тело в мире богатства, а его составную часть.

Еще меньше оснований говорить о доминирующей роли научно-технической интеллигенции. Она занимает зависимое положение в системе государственно-монополистического капитализма, который зачастую навязывает ей такие цели, которые глубоко противоречат гуманистическим задачам науки и культуры и творческой самостоятельности интеллигенции.

Теоретики «постиндустриального общества» стоят на позициях своего рода неореформизма и рационализма в духе закона растущей рациональности М. Вебера. Они выступают не за преодоление капиталистических форм производства, а за их усовершенствование на пути еще более широкого вмешательства государства в экономическую и особенно социальную сферу. С их точки зрения, все социально-экономические и политические проблемы высокоразвитых капиталистических стран могут быть решены методами социальной инженерии и идеологического манипулирования.

Вместе с тем идеологам постиндустриализма присуща определенная озабоченность остротой и глубиной социальных проблем, которые ставит перед капитализмом научно-технический переворот. Белл, например, указывает на большое отставание США в области социального планирования, запаздывание с анализом социальных тенденций, отсутствие критериев оценки эффективности общества в удовлетворении социальных нужд. Авторы этой теории отдают себе отчет и в несостоятельности нынешней социальной политики, базирующейся главным образом на концепции «государства благоденствия». Г. Гюнтер из Международного института исследований труда отмечает, что современная социальная политика капиталистических государств часто сводится к вспомогательному «социальному протежированию» и играет подчиненную роль по отношению к политике экономического роста [1].

Позитивная программа теоретиков постиндустриализма носит по преимуществу утопический характер. Они высказываются в пользу всеобъемлющей социальной полити-

[1] «International Institute for Labor Studies». Bull. N 10, 1972, p. 115. 118.

ки государства, в пользу подчинения экономического роста долговременным социальным целям. При сохранении командных высот в руках частного капитала, ориентирующегося на прибыль, на производство ради производства, идеи теоретиков постиндустриального общества о будущей социальной политике буржуазного государства в значительной степени имеют характер благих пожеланий.

Поскольку внерыночные, политические решения предположительно будут иметь большое значение в «постиндустриальном обществе», некоторые его теоретики предвидят еще большее перенесение социальных конфликтов на политическую арену и их обострение. Их взгляды на природу и содержание социальных конфликтов вытекают из представлений о социально-классовой структуре и характере власти в этом обществе. Большое внимание этой проблеме уделяет А. Турен. По его мнению, в «программируемом обществе» конфликт между трудом и капиталом отступает на второй план и находится в стороне от борьбы за политическую власть. Для этого общества якобы характерны конфликты иного рода, «которые меньше противопоставляют капитал труду, чем аппараты экономического и политического решения тем, кто принуждается к зависимому участию» [1]. «По мере того как конфликт между классами из-за собственности теряет свое значение, — пишет А. Турен, — локализуется и институциализируется, теряя таким образом свою взрывную силу, новые конфликты затрагивают комплексное управление обществом и направлены на защиту самоопределения» [2]. Наиболее острые социальные конфликты, полагает А. Турен, будут развертываться вокруг проблем образования, здравоохранения, организации социальной среды [3].

В своем понимании природы социальных конфликтов теоретики постиндустриализма исходят из весьма ограниченной трактовки противоречия между трудом и капиталом, тем самым лишая современные социальные конфликты реального классового содержания. В их представлении противоречие между трудом и капиталом сводится к конфликту внутри предприятия, имеющему преимущественно экономическое содержание. Между тем при современном уровне обобществления производства и развития государственно-монополистического капитализма противоречие

[1] *A. Touraine.* La société post-industrielle. Paris, 1969, p. 15
[2] Ibid., p. 90.
[3] Ibid., p. 102

между трудом и капиталом все чаще проявляется в общенациональном, а нередко и интернациональном масштабе. Возникновение по мере развертывания научно-технической революции наряду со старыми противоречиями новых капиталистических противоречий ведет к тому, что в сферу конфликта между трудом и капиталом втягиваются все более широкие сферы социальной и политической жизни.

В условиях современного государственно-монополистического капитализма борьба даже за традиционные экономические требования приобретает острый политический характер. В последние годы в обстановке непрекращающейся инфляции и осуществления так называемой политики доходов борьба рабочего класса за повышение заработной платы не раз приводила к прямым столкновениям со всей системой государственно-монополистического капитализма, сопровождавшимся в ряде случаев серьезными политическими кризисами. Острые конфликты, повлекшие за собой занятие предприятий и общенациональное движение солидарности, происходили на почве массовых увольнений и закрытия предприятий, как это было на судостроительных верфях Верхнего Клайда (Великобритания) или часовом заводе «Липп» (Франция).

В настоящее время развитые капиталистические страны оказываются перед лицом новых социальных конфликтов, связанных с инфляцией и «политикой доходов», бюрократизацией управления, антидемократической и архаической системой образования, отравлением окружающей природной среды, кризисом городов. Однако вопреки утверждениям идеологов постиндустриализма новые социальные конфликты не вытесняют старых, а развиваются наряду с ними. И те и другие проистекают из основного противоречия — противоречия между общественным характером производства и капиталистическими формами присвоения, которое персонифицируется главным образом в противоречии между трудом и капиталом.

Характер и масштабы современных проблем капитализма, многие из которых так или иначе связаны с последствиями научно-технического переворота, ведут к тому, что ключевую роль приобретают политические аспекты классовой борьбы, а главные битвы развертываются не против отдельных монополий, а против всей системы государственно-монополистического капитализма.

Научно-техническая революция делает еще более необходимым осуществление коренных социальных и демо-

кратических преобразований. Радикальное решение таких проблем, как полное использование трудовых ресурсов, улучшение условий труда и жизни, реконструкция городов, оздоровление окружающей природной среды, реальное участие трудящихся в управлении, невозможно без национализации под народным контролем ключевых отраслей промышленности и финансовой системы, без демократического программирования экономики и устранения господства монополий.

В порядок дня встают такие перемены, которые предполагают не «улучшение» капитализма, а революционное изменение его природы. Как отмечал на национальной конференции ФКП Генеральный секретарь ФКП Жорж Марше, «решение новых проблем, порожденных развитием производительных сил, удовлетворение нужд, которые возникают в связи с этим развитием, требуют глубокого преобразования экономической и политической структуры страны» [1].

Коммунистические и рабочие партии выступают в авангарде борьбы за подлинный социальный прогресс. В современной благоприятной международной обстановке, созданной историческими достижениями мирового социализма, их усилия по широкому сплочению рабочих, трудящихся, всех прогрессивных сил имеют решающее значение для успешной борьбы за мир, социальный прогресс, демократию и социализм.

[1] «Коммунист», 1972, № 11, стр. 91.

Глава
третья

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. Место понятия «революция» в современной буржуазной апологетике

В условиях углубления общего кризиса капитализма и поступательного развития мирового революционного процесса борьба против марксистско-ленинского учения о социалистической революции становится центральной задачей буржуазной идеологии. Борьба эта ведется по многим направлениям, выражается в разработке теорий, охватывающих самые различные стороны жизни современного общества. В арсенале ее средств и методов вот уже несколько десятилетий центральное место занимают теории, обосновывающие отсутствие революционной перспективы в развитых капиталистических странах. Для всех них характерно изображение послевоенного государственно-монополистического капитализма в виде общества, в котором в результате экономического роста, подъема жизненного уровня и серии социальных реформ происходит затухание классовых противоречий и развивается «социальная интеграция». Подобными идеями пронизаны завоевавшие с 50-х годов господствующее положение в буржуазной социальной апологетике теории «индустриального общества», «государства всеобщего благосостояния», «общества массового потребления».

В методологическом плане все эти теории строятся, с одной стороны, на своеобразном вульгарном «экономическом детерминизме», исходят из убеждения, что рост капиталистической экономики автоматически решает наиболее острые социальные проблемы капитализма, полностью размывает предпосылки социалистической революции. С другой стороны, им присуще представление об эволюционном характере общественного развития как единственно возможной форме социальных изменений в условиях промышленно развитого капиталистического общества: высокая прочность, стабильность существующей системы якобы допускают возникновение в ее рамках только лишь частичных «дисфункций», ведущих к ее постепенному улучшению.

Нарастание в 60-е годы крупных классовых конфликтов и социально-политических кризисов, развернувшихся в ряде капиталистических стран, явно обнаружившаяся неспособность государственно-монополистического капитализма найти удовлетворительное решение социальных проблем, обостряющихся под влиянием научно-технической революции, — все это вызвало быстрое моральное устаревание вульгарного «экономического детерминизма» и реформистского эволюционизма. В новых, «глобальных» концепциях, усиленно разрабатываемых в этот период буржуазной общественной наукой, на первый план выступает тема глубоких и резких качественных изменений, через которые проходит или пройдет в ближайшем будущем капиталистическое общество. Борьба против марксистско-ленинской теории социалистической революции приобретает в связи с этим несколько новую форму. Идея революции, т. е. быстрого, «скачкообразного» и глубокого преобразования всех общественных структур, уже не отвергается вовсе, но фальсифицируется: в качестве альтернативы социалистической революции выдвигается «революция», якобы происходящая в недрах капитализма и меняющая до неузнаваемости его экономическую и общественную организацию. В подобной постановке проблемы социальной революции нельзя не видеть отражение в буржуазной идеологии революционного характера нашей эпохи, косвенного признания невозможности «жить по-старому», необходимости каких-то крупных перемен.

Несмотря на большое разнообразие апологетических концепций «революции», приписываемой современному развитию капитализма, всем им присущи определенные

общие черты. Во-первых, они интенсивно спекулируют на последствиях научно-технической революции, изображая ее как революцию социальную, пытаясь выдать ее за альтернативу социалистическому переустройству общества. Во-вторых, для этих концепций характерен более или менее сильный футурологический крен: многие социальные проблемы, представляющие неразрешимую трудность для сегодняшнего капитализма, «преодолеваются» теоретически — путем прогнозирования будущих революционных перемен. Наконец, в-третьих, подобные концепции тщательно обходят коренную проблему любой социальной революции — вопрос о смене одного типа производственных отношений другим. В этом проявилось отсутствие сколько-нибудь четкого понимания сущности процесса революционного преобразования, его основных признаков, выделения основных его сторон. Основные методологические проблемы, как правило, даже не ставятся; набор фактов, иллюстрирующих тезис о «революции», в каждой конкретной концепции носит субъективный и случайный характер. Чаще всего речь идет об изменениях в технике, в профессиональной структуре занятости, в системе управления, в общественной психологии, причем остается непонятным, почему эти изменения должны трактоваться как социальная революция.

Было бы неверным объяснять крайнюю методологическую расплывчатость новейших «революционных» концепций только лишь теоретическим верхоглядством их авторов. В действительности она выполняет важную идеологическую функцию: в обстановке подъема массовых оппозиционных движений, растущего интереса широких социальных слоев, прежде всего трудящейся интеллигенции, студенческой молодежи, к возможности революционного преобразования государственно-монополистических порядков искажение самого понятия «революция», лишение его сколько-нибудь четких контуров становится средством подрыва антикапиталистических тенденций общественного сознания.

Еще в 60-х годах известный французский социолог буржуазно-либерального направления М. Крозье выдвинул тезис о будто бы происходящей в капиталистическом обществе «культурной революции», признаком которой является интеллектуализация всех областей экономической и политической деятельности. По мысли Крозье, это дает возможность организовывать и направлять все не-

обходимые общественные изменения путем «интеллектуального» участия в системе власти, в осуществляемых ею реформах, что предполагает принципиальный отказ от «бесплодного» и «непрактичного» антикапитализма [1]. Иными словами, наиболее надежным средством революционных преобразований провозглашается сотрудничество с государственно-монополистической властью В этом, собственно, и состоит практически-политический смысл того затуманивания понятия революции, которое столь характерно для ряда современных апологетических концепций.

2.
Теория «супериндустриальной революции»

В гл. II настоящей книги рассматривается наиболее распространенная теория социальной трансформации капитализма в условиях научно-технической революции — концепция «постиндустриального общества». В различных вариантах постиндустриализма идея «революционного» характера перехода капиталистического общества в новую фазу выражена с неодинаковой полнотой и последовательностью. Одно из первых мест в этом отношении по праву занимает концепция «супериндустриальной революции» английского экономиста и социолога О. Тоффлера [2]. Она заслуживает внимания не только потому, что приобрела широкую популярность в капиталистическом мире. В отличие от других представителей постиндустриализма Тоффлер не ограничивается перечислением отдельно взятых экономических и социальных изменений, происходящих под влиянием научно-технической революции. Его «супериндустриальная революция» означает якобы тотальный переворот во всех сферах и на всех уровнях жизни общества и личности: от техники и экономики до психологии и поведения человека, его взаимоотношений с другими людьми и условий его развития. Именно этим «человеческим» аспектам революции Тоффлер уделяет наибольшее внимание. В конструируемом им «супериндустриальном обществе» человек будет избавлен не

[1] *M. Crozier.* La révolution culturelle. — «Preuves», 1966, N 179, 180.

[2] *O. Toffler.* Future Shock, London, 1971.

только от голода и болезней, но и от невежества и жестокости, воцарится совершенно новая мораль, человек получит подлинную свободу, возникнут новые возможности для развития личности [1].

Важной особенностью концепции Тоффлера, отличающей ее от ряда других футурологических конструкций, является, таким образом, ее претензия на создание идеальной картины будущего, призванной «заменить» коммунистический общественный идеал. Положение человека «в супериндустриальном обществе» описывается им в терминах, поразительно близких тем, которые выработаны коммунистическим учением. Сам О. Тоффлер достаточно откровенно обнажает идеологический смысл своей концепции, заявляя, что переход к супериндустриализму «лишает значимости великий конфликт XX века — конфликт между капитализмом и коммунизмом» [2]. С этим же связана резкая полемика Тоффлера с социально-пессимистическими и социально-критическими буржуазными концепциями в духе Ж. Эллюля, Л. Мэмфорда, Г. Маркузе. Его задача — утверждение оптимистического взгляда на будущее капитализма, причем речь идет в данном случае уже не об изживающем себя мещански-потребительском оптимизме, обещающем радости всеобщего благосостояния, сытости и материального комфорта, а об оптимизме, учитывающем современные социальные и духовные запросы масс.

Глобально-оптимистический характер прогнозов Тоффлера сказывается и на особенностях его футурологической методологии. Он отвергает распространенный метод экстраполяции в будущее тенденций, проявляющихся в настоящее время, и подчеркивает, что будущее — это прежде всего революция, т. е. диалектический скачкообразный процесс с качественными изменениями. Диалектика привлекается в данном случае потому, что в рамках концепции Тоффлера капитализм будущего должен быть чем-то совершенно противоположным современному реальному капитализму, в котором трудно найти признаки сияющих перспектив, открываемых супериндустриализмом. «Революционный скачок» от настоящего к будущему за неимением других доказательств помогает преодолеть эту трудность.

[1] *O. Toffler.* Future Shock, p. 174.
[2] Ibid, p. 203.

В качестве созидательной силы чудесных превращений, сопровождающих пришествие «супериндустриальной эры», в концепции Тоффлера выступает научно-технический прогресс. Технологический детерминизм — наиболее общая методологическая посылка современных буржуазных футурологических теорий, как пессимистических, так и оптимистических концепций «индустриального», «постиндустриального», «технотронного» и т. п. обществ. У О. Тоффлера фактически стирается всякая грань между техническими и социальными изменениями. Сокращение времени между изобретением и его внедрением в практику приводит, по Тоффлеру, к резкому ускорению социального развития. Это ускорение достигает такого уровня, что оно не укладывается в существующие социальные институты и разрушает их. Чтобы приблизить «супериндустриальное» царство свободы, необходимо ускорить переход к технике будущего, утверждает он.

Какова же конкретная связь между революционными изменениями в технике и тем переворотом в условиях жизни общества, которые пророчит супериндустриальная теория? Прежде всего технический прогресс сделает неизбежным переход от системы, удовлетворяющей материальные потребности, к экономике, целью которой является психическая удовлетворенность человека. В сфере социальных и политических институтов он должен якобы привести к краху бюрократического типа организации и к замене ее «адхократией» (от латинского ad hoc — «к случаю») — гибкими, временными и изменчивыми организационными формами, в рамках которых будет преобладать творческий труд, связанный с решением конкретных проблем (рутинные операции в растущей мере будут выполняться саморегулирующимися системами машин). Автоматическая техника будущего сделает ненужной современную стандартизацию: ее заменит «величайшее разнообразие вещей и услуг». «Супериндустриальное общество», утверждает Тоффлер, является «диалектическим отрицанием» стандартизации: люди в нем будут страдать не от отсутствия выбора, а от парализующего избытка выбора. «Вопреки всей антитехнической риторике Эллюлей и Фроммов, Мэмфордов и Маркузе именно «супериндустриальное общество» расширяет рамки свободы» [1].

[1] *O. Toffler.* Future Shock, p. 240, 291.

Нельзя не признать, что Тоффлер гораздо шире, чем другие представители постиндустриализма, ставит проблему тех новых возможностей социального прогресса, которые открывает научно-техническая революция. С этой точки зрения не лишена интереса его критика крайне односторонних умозаключений Эллюля и других «технофобов». Несомненно, что современная фаза научно-технического прогресса создает предпосылки для разрыва между управленческим и исполнительским трудом, порождает более гибкие и мобильные формы организации труда, стимулирует сдвиги в характере труда и обогащает его творческое содержание. Технический прогресс постоянно расширяет объективное многообразие форм трудовой деятельности человека, его духовной жизни, материального и культурного потребления. Все эти стороны воздействия научно-технической революции на социальную сферу, обусловленные ею тенденции социального развития неоднократно анализировались в марксистской литературе.

Как известно, именно марксистское учение впервые открыло решающую роль производительных сил, в том числе техники и науки, в развитии общества. Но в отличие от современного вульгарного «технологического детерминизма» марксизм отказывается видеть в научно-техническом развитии единственную решающую движущую силу общественных изменений. Общество — это не совокупность техники, технологии и форм организации труда, это система социальных отношений, в основе которых лежат отношения людей в производстве. Технические изменения делают возможными и в конечном счете исторически неизбежными радикальные изменения в общественных отношениях, но эти последние не реализуются сами по себе, лишь в результате автоматического воздействия новой техники. Они наступают в результате сознательной деятельности участников общественных отношений — людей, социальных классов, деятельности, направляемой их интересами.

С другой стороны, научно-техническое развитие, как и всякий живой исторический процесс, не однозначно по заложенным в нем тенденциям, по своим конкретным последствиям; оно «многовариантно», внутренне противоречиво. Какая именно из порождаемых им тенденций берет верх или развивается в большей степени, чем другая, зависит от тех социальных условий и отношений, которые образуют исторические рамки развития техники.

Иными словами, между научно-техническим развитием и общественными отношениями существует не только прямая, но и обратная связь.

Вся логика пост- и супериндустриальных теорий строится на том, что они игнорируют существование общественных, прежде всего классовых, отношений как особого, относительно самостоятельного «уровня» общественной действительности. Именно этот «принцип» позволяет им рассматривать научно-техническую революцию чуть ли не как синоним революции социальной и тем самым подводить к выводу о «ненужности» социалистической революции, об «отмирании» противоположности между капитализмом и коммунизмом. Но вместе с тем та же особенность этих теорий приводит их в противоречие с требованиями элементарно объективного научного анализа и придает им явные черты реакционной социальной утопии.

Печать такого утопизма несут на себе все основные компоненты «супериндустриальной модели» будущего. Так, например, тезис Тоффлера о психологическом удовлетворении человека как цели экономики будущего построен на абстрагировании от того воздействия, которое оказывают на цели экономической деятельности законы капиталистического способа производства. Смысл этого тезиса сводится, очевидно, к тому, что развитие научно-технического прогресса само по себе способно вести к растущему удовлетворению не только грубо материальных, но и разносторонних духовных, интеллектуальных и морально-этических потребностей людей. В действительности удовлетворение потребностей, поскольку оно осуществляется в форме производства товаров частнокапиталистической экономикой, неизбежно подчиняется интересам капиталистического накопления. Эти интересы воздействуют и на ассортимент производимых благ и услуг, и на иерархию удовлетворения различных потребностей, и на процесс направленного формирования потребительского спроса. Во всех случаях формируются и удовлетворяются в первую очередь те потребности, которые капиталистическому и материальному и духовному производству выгодно удовлетворять. Разумеется, оно не может не считаться при этом с объективным процессом роста духовных потребностей масс и всемерно стремится воздействовать на него таким образом, чтобы придать подобным потребностям материальную форму, воплотить их в спрос на то-

вары. Отсюда многократно описанное в литературе явление искусственных, фальсифицированных потребностей, углубляющийся разрыв между истинным содержанием человеческих потребностей и теми формами их удовлетворения, которые навязывает капиталистическое общество, возникающие на этой основе психологическая напряженность (фрустрация), различные формы социальной патологии (массовая наркомания, «безмотивная» преступность и т. д.). Развитие научно-технической революции в условиях капитализма, приводящее к насыщению рынка все новыми товарами и услугами, само по себе не в состоянии устранить те антигуманные принципы «прибыльности», которым подчинено их производство. Напротив, оно может даже усилить те негативные тенденции в сфере потребления, которые придают ей уродливо-односторонний характер.

Столь же утопичен тезис о возрастающем разнообразии форм жизнедеятельности людей и свободе их выбора, которые будто бы несет с собой «супериндустриальная эра». Критикуемые О. Тоффлером социальные пессимисты действительно безосновательно списывают стандартизацию условий жизни на счет технического прогресса, но ничуть не более убедительной выглядит трактовка этого прогресса как панацеи от обезличения. Тоффлер видит проявление возрастающего разнообразия в развитии специализации, в появлении множества новых субкультур, образов и стилей жизни, в растущей «фрагментации» общества на все более мелкие группы. Такого рода доводы бьют против его вывода: ведь усложнение структуры человеческой деятельности и культуры еще не влечет за собой роста мобильности, возможности для каждого конкретного индивида свободно выбирать себе любой вид жизнедеятельности и образ жизни, переходить от одного вида к другому. В действительности в условиях государственно-монополистического капитализма дробление профессиональной структуры сопровождается фактическим прикреплением человека ко все более мелким социальным «ячейкам», к узкоспециализированным видам трудовой деятельности.

Как отмечает Тоффлер, развитие науки и техники будет увеличивать потребность в «мультиспециалистах», сочетающих специальные знания в одной узкой области с широким общим образованием. Такая тенденция действительно имеет место, однако Тоффлер не замечает, что

в условиях капитализма она приходит во все более острое противоречие с ограничением реальных трудовых функций работников, диктуемым соображениями «рентабельности». Расширившиеся знания работников чаще всего рассматриваются как своего рода «резерв», который можно будет использовать, в случае если появится необходимость обновления техники и технологии производства. Поэтому уровень и содержание знаний все большего числа трудящихся оказываются в разительном несоответствии с их «частичными», «измельченными» трудовыми функциями, происходит систематическое подавление интеллектуальных способностей, воспитанных образованием, «омертвление» знаний.

Эта тенденция, которая с наибольшей силой воздействует на жизненные перспективы рабочих и рядовых служащих, все шире проявляется также и в массовых слоях работников умственного труда, технической и научной интеллигенции.

Растущее разнообразие товаров и услуг никак не может изменить это положение: ведь свобода выбора марки холодильника или автомобиля совсем не равносильна свободному выбору вида деятельности или типа культурного потребления. И хотя под воздействием научно-технической революции социальная мобильность в известной мере возрастает, присущая капитализму иерархическая структура общественной организации, межклассовые и межгрупповые барьеры постоянно тормозят и ограничивают этот процесс. Подлинная культура и действительно творческие виды деятельности остаются недоступными подавляющему большинству трудящихся.

В теории «супериндустриальной революции» проблема ликвидации классовых различий фактически обходится и подменяется проблемой преодоления бюрократических организационных структур. Между тем тенденция к более гибкой и менее строго иерархизированной организации, на которую ссылается О. Тоффлер, проявляется главным образом в первичных научно-исследовательских и управленческих единицах и в гораздо меньшей мере — в единицах производственных. Она совершенно не затрагивает отношения в рамках «больших организаций», например между рядовыми рабочими и дирекцией предприятия, структуру общества в целом. Это и понятно, ведь на таких «макроуровнях» определяющую роль играют не технологические факторы разделения труда, а отношения

власти, в основе которых лежат классовые отношения. Не «рассеивание» власти, а, напротив, ее возрастающая концентрация в руках монополистической верхушки и связанного с ней государства образует ведущую тенденцию развития организации общества в условиях государственно-монополистического капитализма. И именно эта тенденция, а вовсе не технические условия производства порождает рост бюрократии, обусловливает ее непреодолимость в рамках данного социального строя.

Теория «супериндустриальной революции», разумеется, не может совсем игнорировать факты, свидетельствующие об острых социальных конфликтах, раздирающих капиталистическое общество, обойти проблему связи этих конфликтов с последствиями научно-технической революции. Специфический для нее метод интерпретации подобных конфликтов состоит в сведении их к психологической реакции людей и социальных групп на ускорение темпов изменений. Трудности, на которые наталкивается процесс психологической адаптации к ускоряющимся изменениям, фактически представляются Тоффлеру единственным негативным последствием научно-технической революции, и пафос его книги сосредоточен главным образом на поиске путей их преодоления. Самые различные социальные и политические конфликты и движения характеризуются им как проявления «шока будущего» — недостаточной способности к адаптации либо психологического сопротивления изменениям. Так объясняются и сопротивление рабочих закрытию предприятий и безработице, и широкое влияние марксистских идей в различных общественных слоях, и борьба против «американизации» Европы, и ультраправый консерватизм в стиле Голдуотера и Уоллеса. Патологические явления в психике и поведении личности: наркомания, насилие, массовая неврастения — объясняются исключительно трудностями выбора стиля жизни в обстановке растущих изменений и разнообразия; проблема «сверхвыбора» вообще представляется Тоффлеру главной проблемой «супериндустриального общества».

Резкое ускорение темпов технических и социальных изменений, темпов производственной и общественной жизни вообще является одним из несомненных последствий научно-технической революции. Столь же очевидна возрастающая сложность картины мира, отражаемой человеческим сознанием, трудности ориентации индивидов и

социальных групп в быстро меняющейся действительности. Эти социально-психологические процессы, разумеется, заслуживают тщательного анализа. Такой анализ не может, однако, дать сколько-нибудь достоверных результатов, если психологические реакции на изменения рассматриваются изолированно от объективного экономического и социального положения конкретных групп общества, от их потребностей и интересов. Ведь люди реагируют не просто на изменения, происходящие во «внешнем» мире, но на свой собственный новый опыт, на то, как эти изменения сказываются на их реальном положении. Для одних групп они могут означать утрату места в производстве либо достигнутого ранее социального статуса, надежного будущего, для других становятся источником расширения их богатства и власти. Негативное восприятие изменений многими массовыми группами капиталистического общества — не просто результат их неспособности к адаптации, но социального содержания этих изменений, использования их против интересов широких слоев рабочего класса, фермерства, интеллигенции. Что же касается упоминаемых Тоффлером кризиса ценностей или различных социально-психологических аномалий, то и они не могут рассматриваться лишь как реакция психологических механизмов на изменения; сами эти механизмы «включаются» потому, что потребности людей, развивающиеся под влиянием их нового опыта, вступают в противоречие с реальными социальными условиями их существования.

Подмена объективных социальных проблем психологическими — далеко не новый прием в буржуазной общественной науке. В теории «супериндустриальной революции» он служит целям маскировки противоречий, специфических для капиталистического строя, подлинных социальных последствий научно-технической революции в условиях капитализма. Однако в рамках данной теории он выполняет и другую, не менее важную функцию. Речь идет об обосновании социальной стратегии государственно-монополистического капитализма, призванной предотвратить опасные для него последствия научно-технической революции, или, говоря языком самой этой теории, обеспечить «адаптацию к изменениям». О. Тоффлер называет ее стратегией «социального футуризма». В основном она сводится к рекомендации регулировать темпы технических нововведений, поставить их социальные по-

следствия под контроль ученых — психологов, социологов, экономистов, политологов, т. е. к замене нынешнего «технократического» (т. е. ориентирующегося на экономические цели) планирования «гуманистическим», рассчитанным на достижение определенных социальных целей, к мерам по регулированию поведения личности, направленным на ее большую адаптацию к будущему (реформа системы образования, широкое ознакомление младшего поколения с «моделями будущего» и т. д.). Поистине гора родила мышь! Грандиозная конструкция «супериндустриальной революции», будучи приложенной к непосредственной политической практике, обернулась банальнейшими рецептами о привлечении «компетентных специалистов» к управлению и учете «социальных моментов» в планировании. Все эти мотивы неизменно повторяются в тех буржуазных концепциях, которые пытаются извлечь уроки из неудач социальной стратегии, рассчитанной на стабилизирующее и «интегрирующее» воздействие экономического роста.

Характерно, что проблема власти, игнорируемая Тоффлером при описании «революции», как бы впускается им с заднего хода, когда речь заходит о «регулировании изменений». Фактически эта проблема решается им в плане усиления и расширения функций государственно-монополистического регулирования, распространения его на область социальных процессов и поведение личности в обществе. Эта сущность «социального футуризма» не меняется от того, что Тоффлер собирается привлекать к управлению «социологов и политологов»: они могут лишь рационализировать средства защиты существующего строя, но отнюдь не заменить его основные законы некоей «чистой рациональностью». На фоне этих рассуждений о контроле и регулировании совсем уж наивным камуфляжем выглядят предложения Тоффлера создать «подлинную демократию участия», определять социальные цели на повсеместных демократических «ассамблеях будущего» и т. п. Видимо, в наши дни даже ярко выраженные технократические буржуазно-апологетические концепции не могут обойтись без апелляции к демократии.

3. Проблема революционных сил в буржуазной и ревизионистской социологии

Рассмотренная концепция типична для тех течений буржуазной общественной мысли, которые сосредоточивают свои усилия на выхолащивании из понятия социальной революции главного его содержания — классовой борьбы. Нельзя считать случайным, что такого рода теории произрастают главным образом на американской почве. Особенности общественно-политической обстановки в США создают для этого определенные объективные предпосылки. Наиболее высокий в капиталистическом мире уровень развития научно-технической революции ведет здесь к резкому обострению социальных противоречий, но оно выражается прежде всего в росте стихийного массового недовольства и протеста, который не сопровождается пока что четким размежеванием классовых сил, достаточно организованной и целенаправленной борьбой за коренные общественные преобразования. В этих условиях легче затушевывать классовые корни общественных противоречий, давать им узкопсихологические объяснения, представлять кризис капитализма как кризис «индустриального общества», вызванный техническим прогрессом.

В тех районах и странах капиталистического мира, прежде всего в Западной Европе, где в целом выше идеологическая зрелость и политическая организованность антимонополистических и социалистических сил, выше уровень классового сознания трудящихся, где борьба антагонистических классов выступает в более развитых и четких формах, прямое ее игнорирование практически невозможно. «Не работает» здесь по тем же причинам отождествление научно-технической и социальной революций. Поэтому на Западе концепции «революций», противопоставляемые марксистско-ленинскому революционному учению, принимают несколько иные формы. Как и американские варианты постиндустриализма, они спекулируют на явлениях, сопутствующих научно-технической революции, но используют их прежде всего с целью «пересмотра» марксистских представлений о социальных силах, осуществляющих революцию. Если в США буржуазная апологетика призвана воздействовать прежде всего

на охваченную смутными революционными настроениями и социально разнородную массу недовольных, то в Западной Европе носителем идей социализма является мощное, политически организованное рабочее движение. Соответственно в первом случае антимарксизм стремится прежде всего извратить само понятие революции, во втором — он направляет главный удар против учения о революционной роли рабочего класса.

Эту особенность идеологической борьбы в Западной Европе отражает, например, рассматриваемая в гл. II настоящей книги теория «постиндустриального общества» А. Турена, а также в гл. V концепция «нового исторического блока» Р. Гароди. В данной связи можно заметить, что ревизионистские либо использующие в той или иной мере марксистскую систему понятий теории вообще играют весьма значительную роль в этом направлении современного антимарксизма. В этом косвенно отражается, с одной стороны, растущий авторитет марксистских идей, с другой — то обстоятельство, что построение сколько-нибудь четкой и наукообразной концепции социальной революции оказывается весьма затруднительным без использования тех или иных идей и понятий, выдвинутых марксизмом. Такова познавательная сила марксистского учения, что даже его противники не в состоянии полностью исключить его из своего гносеологического аппарата.

Несмотря на «марксистскую» оболочку такого рода теорий, по своей методологической сущности они оказываются весьма близкими типичному для американского постиндустриализма «технологическому детерминизму». Так, Гароди обосновывает свою концепцию, сводящуюся фактически к отрицанию ведущей революционной роли рабочего класса, рассуждениями о выдвижении в авангард революционного процесса тех слоев, «которые порождены техническим прогрессом и развиваются вместе с ним». Естественно, что при таком подходе, совершенно игнорирующем проблему классового положения и интересы подобных слоев, в «революционный авангард» автоматически попадают все «инженеры, техники, научные работники, преподаватели, чиновники» и даже «административные кадры» [1].

[1] «Garaudy par Garaudy». Paris, 1971, p. 86.

Весьма близки также позиции ревизионистов и некоторых представителей постиндустриализма (вроде того же Тоффлера) по вопросу о сущности революционных преобразований. Например, для французского философа-ревизиониста А. Лефебра «максимальная версия» революции, к которой якобы не способен рабочий класс, — это не изменение производственных отношений, а «радикальное изменение общества, всей жизни, в том числе семейных отношений»: «необходимы не только новые производственные отношения, но и новые общественные отношения» [1]. Такая позиция равнозначна отрицанию положения, что производственные отношения лежат в основе всей совокупности общественных отношений и что, следовательно, революционное ниспровержение капиталистических производственных отношений составляет необходимую предпосылку изменения «всей жизни» (которое, кстати, вообще не может реализоваться в виде некоего единого «революционного» акта, но представляет собой результат длительного процесса развития нового социалистического способа производства). Все это очень напоминает то «перескакивание» через производственные отношения (по схеме «новая техника» — «новая мораль» — «новые человеческие отношения» и т. д.), которое характеризует теорию «супериндустриальной революции».

Своего рода концентрат «постиндустриалистских идей» по вопросу о силах, осуществляющих социальную революцию, представляет собой нашумевшая книжка французских социологов Ф. Бона и М.-А. Бюрнье «Рабочий класс и революция». Авторы утверждают, будто современный рабочий класс перестал быть «наиболее передовым продуктом крупной промышленности», каким считал его К. Маркс, и, следовательно, не может более рассматриваться как революционная сила. По мнению авторов, рабочий класс деквалифицируется, безвозвратно утратил «техническую власть над своим трудом». Научно-техническая революция превращает в центральную функцию в современном обществе созидание и применение знаний, эта функция становится все более автономной, а выполняющие ее слои настолько многочисленны и специфичны, что постепенно конституируются в особый социальный класс. Этот новый класс, главным признаком которого Бон и

[1] *H. Lefebre.* La classe ouvrière est-elle révolutionnaire? — «L'Homme et la Société», 1971, N 21, p. 155.

Бюрнье считают обладание теоретическими знаниями, они называют «техническим». «Класс техников», в соответствии с их концепцией, является «наиболее передовым продуктом крупной промышленности» и ведущей революционной силой. Параллельно его развитию происходят изменения в господствующем классе, внутри буржуазии рождается новый руководящий слой — технократия. В «постиндустриальном обществе» противоречие между буржуазией и пролетариатом перестает быть основным классовым противоречием, его заменяет антагонизм между «техническим классом» и «новой технократической формой господствующего класса» [1].

В данном варианте постиндустриализма научно-техническая революция оказывается, таким образом, силой, в корне изменяющей характер классовых противоречий капитализма. В их основе теперь лежат уже не отношения эксплуатации, а отношения власти, антагонизм между теми «обладателями теоретических знаний», которые отстранены от власти, и теми, кто приобщен к ней; конфликт между различными слоями научно-технической интеллигенции возводится в ранг ведущего общественного конфликта и даже главного источника социальной революции. Идея превращения интеллигенции, «специалистов» в ведущую силу общественного развития, как известно, разделяется всеми постиндустриальными теориями; их «революционный» вариант еще более гипертрофирует роль данной группы. Она как бы подменяет собой все общество, внутри нее возникают и решаются все основные проблемы функционирования и развития общества, складываются предпосылки его революционного преобразования. Научно-техническая революция в свете этой схемы трансформирует всю систему общественных отношений капитализма и хотя и не устраняет необходимость социальной революции, но фактически совершенно изменяет ее движущие силы, мотивы и цели.

Существенная методологическая особенность данной разновидности «технологического детерминизма» — искажение подлинной связи между развитием производительных сил и общественно-исторической ролью различных социальных групп. В подобных теориях единственным критерием «передовой» группы оказываются профессиональные функции, обеспечивающие ее связь с «авангард-

[1] *F. Bon, M.-A. Burnier.* Classe ouvrière et révolution Paris, 1972.

ными» элементами производительных сил (новейшей техникой, наукой и т. д.). В действительности группа является объективно передовой, когда она представляет передовой способ производства, т. е. когда связана по своему объективному положению с ведущими тенденциями развития производительных сил и одновременно становится носителем таких производственных отношений, которые дают простор этим тенденциям. В условиях капитализма такую роль играет рабочий класс, поскольку только он способен последовательно удовлетворить возрастающую потребность производительных сил в переходе от частного к общественному способу присвоения, к социалистическим производственным отношениям.

Что касается связи рабочего класса с передовыми тенденциями в развитии материальных производительных сил, то под влиянием научно-технической революции она не только не ослабевает, но и значительно усиливается. Происходит обновление профессиональной структуры рабочего класса, резко возрастает его образовательный уровень, растет число рабочих профессий, связанных не только с физическим, но и с умственным трудом, требующих применения теоретических знаний. В этих условиях абсолютное противопоставление рабочих «техникам-специалистам» является весьма искусственным: значительная часть среднетехнического персонала, рядовых служащих, инженеров и научных работников сближается с рабочими и по своему социально-экономическому положению, и по уровню образования; в то же время уменьшаются различия в содержании труда между наиболее квалифицированными группами рабочих и инженерно-техническим персоналом. Разумеется, в условиях капитализма всегда действует тенденция к деквалификации пролетариата, однако требования научно-технической революции ограничивают ее проявление, создают сильную контртенденцию.

Выводя революционность «технического класса» непосредственно из его профессиональной деятельности, представители «технологического детерминизма» «забывают», что роль социальных групп в революционном преобразовании общества определяется содержанием их интересов, тем, в какой мере они противоречат сохранению существующих общественных порядков и насколько соответствуют целям созидания нового социально-экономического строя.

Несомненно, современные процессы развития научно-технической интеллигенции значительно увеличивают оппозиционность ее наиболее массовых слоев капитализму и их роль в революционной борьбе. Отсюда, однако, не следует, что эти слои превращаются в целом в последовательно революционную силу, способную возглавить движение за социалистическое преобразование общества. Этому препятствуют глубокая внутренняя разнородность и противоречивость положения интеллигенции в социально-классовой структуре. Помимо ее непосредственно связанной с монополиями технократической верхушки и низшего пролетаризирующего слоя в составе интеллигенции существуют значительные промежуточные слои, которые, испытывая растущий гнет монополистической власти, в то же время сохраняют значительные социальные привилегии, в той или иной мере привязывающие их к существующему строю. Ни интеллигенция в целом, ни какой-либо ее слой не образуют особого социального класса; в ее составе имеются группы, как примыкающие к одному из двух основных классов капиталистического общества, так и находящиеся между ними. Единственным классом, интересы которого коренным образом противоречат капиталистическим общественным порядкам, является рабочий класс.

Разумеется, реализация революционных потенций рабочего класса — сложный исторический процесс, темпы и формы которого в каждой стране зависят от совокупности многих объективных и субъективных факторов. Вместе с тем новейший исторический опыт стран капитализма свидетельствует о том, что этот процесс развивается, несмотря на то ожесточенное и изощренное сопротивление, которое оказывает ему социальная тактика государственно-монополистического капитализма. Конец 60-х — первая половина 70-х годов явились периодом резкого усиления антимонополистической боевой активности рабочего класса. Мощный подъем забастовочного движения, перерастание экономической борьбы в борьбу за радикальные изменения в социальном положении трудящихся вызвали углубляющийся конфликт рабочих масс со всей системой государственно-монополистического господства, привели к возникновению острых социально-политических кризисов в ряде стран. Эти факты заставили даже буржуазных ученых и публицистов заговорить об «обостряющемся кризисе индустриальных отношений», признать,

что «рабочий класс вносит все больший вклад в развитие общества» [1].

Современная социальная обстановка в капиталистическом мире подтверждает, что противоречие рабочего класса и буржуазии является основным, наиболее глубоким классовым противоречием капиталистического общества. Сдвиги в структуре обоих антагонистических классов не могут ослабить его воздействия на весь ход общественного развития. Если все более широкие слои интеллигенции включаются в антимонополистическую борьбу, то это обусловлено в конечном счете тем, что они попадают в сферу действия этого противоречия, поскольку происходит их пролетаризация либо объективное сближение с рабочим классом. С другой стороны, развитие слоя специалистов-технократов также не меняет социальной природы основного классового конфликта: их участие в системе экономической и политической власти возможно лишь постольку, поскольку они обслуживают интересы монополистической буржуазии, подчиняют свою деятельность целям, присущим капиталистическому способу производства.

Рассуждения о «падении роли» рабочего класса стали одним из наиболее распространенных способов «критики» марксистского революционного учения буржуазными и ревизионистскими идеологами. Другой достаточно типичный прием этой критики состоит в противопоставлении марксистско-ленинскому понятию социальной революции как якобы слишком «узкому» и «устаревшему» расплывчатого представления о «глобальном процессе революционных изменений, ведущих к переходу от одного типа цивилизации к другому». Такого рода представление характерно для различных ревизионистских теорий (вроде рассмотренной выше концепции А. Лефебра, построений Г. Маркузе и других теоретиков «новой левой»). В разработке и пропаганде этого представления немалую роль сыграла книга французского социолога и публициста Ж. Ф. Ревеля «Ни Маркс, ни Иисус» [2]. Для Ревеля современная революция — это явление, которое не имеет ничего общего ни с изменением формы собственности и ее перераспределением, ни с приходом к власти нового класса. Для ее победы необходимо, чтобы она протекала

[1] «Le Monde diplomatique», septembre 1971, p. 26.
[2] *J. F. Revel.* Ni Marx, ni Jésus. Paris, 1970.

одновременно в пяти направлениях: это должна быть «политическая революция, социальная, научно-техническая, революция в области культуры, ценностей и нравов и революция в международных и межрасовых отношениях» [1].

Своего рода «моделью» подобной революции Ревелю служат массовые демократические движения 60-х годов в США, в особенности выступления студенческой молодежи. Как известно, «студенческий бунт» в капиталистических странах породил целую серию теоретических спекуляций, претендующих на опровержение основных положений марксистской теории социалистической революции. Как и многие авторы, выступающие с подобных позиций, Ревель видит значение студенческого протеста, его превосходство перед всеми другими формами революционности в его морально-этическом содержании, в том, что «это первая в истории революция, в которой разногласия по поводу ценностей и целей важнее конфликтов, связанных со средствами существования», и нравственные факторы занимают ведущее место среди революционных требований [2]. В США, по его мнению, уже осуществился первый этап революции, в ходе которого сформировались «контробщество» и «контркультура» и даже новый тип человека! Теперь дело лишь за «политическим завершением» революции.

Пафос книги Ревеля сосредоточен на изображении США как своего рода пионера и центра «новой мировой революции» и смаковании тезиса об «отсталости» Западной Европы, о безнадежном догматизме и бессилии европейских левых, якобы целиком живущих в прошлом, неспособных понять задачи и пути современного революционного движения. Для тех политических кругов, к которым принадлежит Ревель (он сотрудник журнала «Экспресс», издаваемого автором нашумевшего в свое время бестселлера «Американский вызов» Ж. Ж. Серван-Шрейбером), крикливый проамериканизм — дело не новое. Он служит одновременно средством пропаганды технократических идей и шельмования прогрессивных общественно-политических сил Европы, прежде всего компартий, классовых профсоюзов, путем приписывания им «консервативных», «отсталых» позиций.

[1] *J. F. Revel.* Ni Marx, ni Jésus, p. 202.
[2] Ibid., p. 166.

Но помимо этой очевидной политической направленности концепция Ревеля обладает и более широким идеологическим смыслом. Моральный протест против норм и ценностей буржуазного образа жизни, бесспорно, составляет одну из наиболее ярких черт демократического молодежного движения в США. Развитие этого протеста создает новые источники революционности, углубляет социальный и духовный кризис капитализма. Однако сам по себе он не может привести к революции, к установлению нового общественного строя: для этого необходимы сознательные действия социальных и политических сил, способных низвергнуть власть господствующих в капиталистическом обществе групп и осуществить строительство новых экономических и общественных отношений. Студенческое движение, пока и поскольку оно действует изолированно от рабочего класса, от его партий, такой конструктивной силой не является. Противопоставляя американскую ситуацию как якобы революционную западноевропейской, Ревель тем самым возводит слабости демократического движения в США в его силу: у него получается, что именно отсутствие в США массовой революционной рабочей партии, целенаправленной борьбы рабочего класса и его союзников за политическую власть делает американскую революцию «подлинной». Иначе говоря, он «за» революцию, но... только такую, которая ограничивается критикой существующих моральных ценностей и политической практики, не ставит вопроса об изменении характера производственных отношений. экономической и политической власти.

С другой стороны, апология «американской революции» тесно связана в концепции Ревеля с идеей о прямой зависимости революционных потенций того или иного общества от уровня его технико-экономического развития. «Новая мировая революция» стала возможна в США именно потому, что они обогнали в этом отношении другие страны. Более того, как мы видели, научно-техническая революция составляет, по Ревелю, органическую составную часть «глобальной» революции. Иначе говоря, в несколько иной форме он пытается решить проблему революции в том же духе «технологического детерминизма», в котором се решают постиндустриалисты: определенный уровень технико-экономического развития, а вовсе не развитие революционного класса и его борьбы непосредственно ведет к революционным преобразованиям.

Искажаемая и вульгаризируемая буржуазными и ревизионистскими теориями проблема связи научно-технической и социальной революций является одной из центральных проблем современного общественного развития. Марксизм-ленинизм рассматривает научно-техническую революцию как важный фактор обострения всех противоречий капитализма и развития объективных предпосылок его революционного преобразования. Современный научно-технический прогресс значительно усилил общественный характер производительных сил и тем самым обострил их конфликт с капиталистическими производственными отношениями. Он ведет к развитию таких общественных и личных потребностей, удовлетворение которых невозможно в условиях капиталистических общественных отношений. Научно-техническая революция создает невиданные возможности общественного прогресса, расцвета материальной и духовной жизни общества, но в условиях капитализма ее реальным результатом оказываются новые трудности и лишения трудящихся масс. Это противоречие становится источником усиления социальных конфликтов, развития массовой борьбы против капиталистических порядков.

Социальные последствия научно-технической революции значительно расширяют базу антимонополистической борьбы, ведут к дальнейшей пролетаризации капиталистического общества, к расширению социальных границ рабочего класса. Социальное развитие пролетариата под ее влиянием приобретает новые черты: растет его интеллектуальный уровень, его способности к сознательному участию в управлении экономикой, всей общественной жизнью. Новые качества рабочего класса как важнейшей производительной силы общества оказываются во все более разительном несоответствии с его реальным положением при капитализме.

Марксисты-ленинцы не закрывают глаза и на другую сторону проблемы: на возможность использования научно-технической революции в интересах укрепления капиталистического строя. Она, несомненно, дает господствующему классу новые средства социального маневрирования и манипулирования сознанием масс. Именно поэтому в условиях научно-технической революции возрастает значение такого важнейшего фактора революционного процесса, каким является политическая и идеологическая деятельность революционного авангарда про-

летариата — коммунистических и рабочих партий, их способность возглавить борьбу за использование плодов научно-технического прогресса в интересах трудящихся. На развитие этой борьбы и, следовательно, революционного процесса в целом возрастающее влияние оказывает пример мирового социализма. Именно социальные последствия научно-технической революции становятся в наши дни той областью, в которой решающим образом должны проявиться преимущества социализма над капитализмом, революционизирующая сила социалистического примера.

Глава
четвертая

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ БЕССИЛИЕ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА»

1.
Эволюция концепций

«Технологический детерминизм» занимает видное место в буржуазно-реформистских и ревизионистских теориях научно-технической революции. Из многочисленных течений «технологического детерминизма» мы остановимся на тех, которые отталкиваются от исходных направлений научно-технической революции и представляются поэтому наиболее заслуживающими критического анализа. Но сначала необходимо вкратце коснуться вопроса о генезисе и динамике этой концепции.

«Технологический детерминизм» — одно из направлений буржуазной и ревизионистской идеологии, отводящее технологии абсолютно доминирующее место среди факторов развития общества. Его появление опиралось на определенный уровень развития науки, техники, и особенно машинного производства, уходя корнями в промышленные революции минувшего столетия. Термин «технология» в смысле «науки систематического познания индустриальных искусств» попал в словарь Вебстера благодаря Дж. Бигелоу — первому руководителю технологической кафедры Гарвардского университета и автору «Ос-

ной технологии» (1829 г.) [1]. Однако, несмотря на бурный прогресс техники и промышленности по обе стороны Атлантики, первые программные выступления с позиций технологического детерминизма приходятся лишь на XX в. Дело в том, что решающую роль в их появлении сыграло, по-видимому, не поступательное развитие производительных сил, а скорее «перерыв постепенности» в развитии общественных отношений.

Эволюция общественной мысли обнаруживает определенную закономерность: ее узловые пункты приходятся, как правило, на переломные моменты исторического развития. Господствующие классы, оказавшиеся в критическом состоянии, подвергаются процессу разложения [2]. Их идеологи «хватаются за соломинку», прибегая даже к принципиально ненадежным и враждебным их будущему аргументам. В этом смысле можно сказать, что на грани качественно различных социальных состояний образуется ситуация «мировоззренческого экстремума», накладывающая отпечаток на общественную мысль своего времени.

Не удивительно поэтому, что первоосновы современного «технологического детерминизма» явственно различимы уже в работах, появившихся в начале нашего столетия в Германии и особенно в России, куда переместился центр революционного движения. Немецкие ревизионисты Э. Бернштейн и К. Каутский, а в России «легальные марксисты» (П. Струве) и меньшевики (Л. Мартов, Н. Суханов) призывали положиться на стихийное развитие производительных сил, якобы само идущее в нужном направлении. С точки зрения практики революционной ситуации первой четверти XX в. подобный курс был также неприемлем для пролетарской революции, как и авантюристический курс левых эсеров или анархистов, оставлявших состояние производительных сил без внимания [3]. Таким образом, уже у истоков «технологического детерминизма» обнаруживалась тесная связь между двумя крайностями: переоценкой научно-технических факторов и их недооценкой в общественно-историческом процессе. Древние недаром замечали, что крайности сходятся.

[1] См. «Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах». М., 1972, стр. 21.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 433.

[3] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 378—382.

Это обстоятельство дало о себе знать и в новой ситуации «мировоззренческого экстремума». Она сложилась уже в наше время. Известно, что после второй мировой войны империалистические круги США, уповая на свое научно-техническое и промышленное превосходство, отвели технологии решающую роль в «отбрасывании коммунизма». Так государственно-монополистический капитализм сразу же придал социально-антагонистическую направленность развертывающейся научно-технической революции и ее теоретическому истолкованию.

В США «технологический детерминизм» ушел корнями в благодатную почву, хорошо возделанную традиционным культом техники и технологии и гносеологически подготовленную философскими работами Г. Спенсера, Р. У. Эмерсона и особенно Дж. Дьюи, основоположника американского прагматизма и инструментализма. Характерно, однако, что и в этих условиях «технологический детерминизм» не мог не начинать с того же, с чего он начинал в Старом Свете, — с полемики против марксизма, который первым научно объяснил роль технологических факторов в развитии общества. И в этом случае атака развернулась по двум взаимно противоположным направлениям — пессимистическому и оптимистическому. Американский социолог Л. Мэмфорд, подобно некоторым левым иезуитам в Европе, обвинил марксизм в чрезмерно оптимистическом культе техники, развитие которой происходит в ущерб духовному миру и свободе личности [1]. В то же время У. Ф. Огборн [2], Л. А. Уайт [3] и некоторые другие буржуазные социологи в США атаковали исторический материализм за «непоследовательность» в обосновании ключевого значения технологии в развитии общества. Технология, писали они, единственная «независимая переменная», простой функцией которой является социальная система. Так, в книге Уайта «Техника средних веков и развитие общества» утверждается, что средневековое общество началось с изобретения стремени, лодковы и хомута. Стремена позволили самостоятельно подниматься в седло рыцарям, облаченным в тяжелые доспехи, а подкова и хомут — улучшить обработку земли. В свою

[1] *L. Mumford.* In the Name of Sanity. New York, 1954; его же The Myth of the Machine. New York, 1966.

[2] *W. F. Ogborn.* Machines and Tomorrow's World. New York, 1943; On Culture and Social Change. Chicago, 1964.

[3] *L. White.* Science of Culture. New York, 1949.

очередь это привело к возникновению феодальной организации общества с вооруженными силами, оплачиваемыми трудом земледельца [1].

Наиболее характерная ситуация «мировоззренческого экстремума» в наши дни наступила после запуска первого советского искусственного спутника Земли, открывшего космическую эру.

2. «Военно-технологический детерминизм»

Войны и подготовка к ним — наиболее древний и традиционный тип экстремальных ситуаций, известных человеческому обществу. На протяжении тысячелетий истории антагонистических формаций в зловещей лаборатории милитаризма моделировались новые способы производства. Война служила своего рода «горячим цехом», где в крови и дыму выковывались и испытывались новые орудия техники и системы организации, причем платой за каждое новое достижение являлось разрушение ранее достигнутого. К. Маркс в письмах Ф. Энгельсу отмечал, что история армии нагляднее всего демонстрирует связь производительных сил и общественных отношений, а в «человекоубойной промышленности» средства производства непосредственно и безусловно определяют организацию труда [2].

Не удивительно поэтому, что «холодная война» дала толчок особому, «военно-технологическому детерминизму». Его приверженцы рассматривают средства массового уничтожения, серийно производимые монополиями военно-промышленного комплекса, развязанную ими гонку вооружений как закономерный «новый этап» технологии, определяющий систему международных отношений, цикл воспроизводства, всю жизнь общества второй половины XX в.

[1] Столь упрощенная схема причин и следствий в корне отличается от логической цепочки Маркса, связывающего изобретение механической прялки или паровой машины с развитием капитализма. Оставляя в стороне сложное взаимодействие сдвигов в производительных силах и в общественных отношениях, «технологические детерминисты» оказываются не в состоянии научно осмыслить реальный исторический процесс.

[2] См. *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения. М., 1957, стр. 680, 705.

Одно направление «военно-технологического детерминизма» заняло фаталистическую позицию, считая такой ход событий неотвратимым. «Соглашение о полном или частичном запрещении гонки атомных вооружений невозможно, потому что оно в то же время содержало бы запрещение научного исследования... — писал Раймон Арон. — Люди, отвечающие за американскую оборону, упорно отвергают меру, которая могла бы, пожалуй, быть разумной, но которая определенно идет наперекор природе научной цивилизации. Современный Фауст не остановится по своей воле на пути к знанию, даже если этот путь ведет к катастрофе» [1]. Таким образом, само развитие науки, научно-технический прогресс с этой точки зрения с неизбежностью ведет к гибели человечества — вкушение запретного плода с древа познания толкнуло его на этот греховный, пагубный путь, с которого уже нельзя свернуть. По словам другого представителя этого направления, У. Корпога, столь же роковыми последствиями чреват обусловленный технологией социальный раскол общества, отчуждение и дезинтеграция личности: «Заря века расщепленного атома явилась началом конца расщепленных людей... Угроза всемирного разрушения порождается не ядерным, а духовным распадом. Расщепленные общества и расщепленные люди гораздо более опасны, чем расщепленные атомы». Эта угроза опирается, согласно некоторым буржуазным авторам, на глубокие исторические корни. А. Тойнби доказывал в своем труде, что из двадцати одной известных истории цивилизаций девятнадцать погибли по внутренним причинам, а не в результате завоевания извне [2]. В свете этого созданная наукой технология массового уничтожения может лишь ускорить надвигающуюся роковую развязку для западной цивилизации [3].

[1] *R. Aron.* On War. London, 1958.

[2] Технология играла и играет при этом не последнюю роль. Так, например, с повышением скорости и легкости передвижения, отмечает Тойнби, возрастает и его опасность. Уничтожение пространства сопровождается растущим риском уничтожения тех, кто его преодолевает, — людей, мчащихся на автомобилях и самолетах (цит. по: *M. McLuhan.* Understanding Media. London, 1967, p. 195).

[3] «Гротескная ирония национальной обороны в ядерный век, — писал проф. К. Боулдинг, — состоит в том, что, получив неоценимую привилегию потерять половину (или три четверти, или 100%) нашего населения, мы, как ожидается, вновь восстановим

Сторонники другого направления, принадлежащие главным образом к военно-техническим кругам, спустились с «общечеловеческих» высот, чтобы призвать к гонке вооружений под флагом «противодействия» советской угрозе, якобы нависшей над США и всем западным миром. Известный американский авиаконструктор А. де Северский выступил с книгой «Америка слишком молода, чтобы умереть», призывая любой ценой форсировать создание ракетно-ядерной «контрсилы» и системы противоракетной обороны под эгидой военно-воздушных сил [1]. Радиоэлектронные инженеры Г. Стил и П. Кирхер в книге «Кризис, перед которым мы стоим. Автоматизация и холодная война», не жалея красок, живописали пагубное отставание американских электронно-вычислительных систем, а следовательно, и всей ракетно-ядерной технологии, ее недопустимо низкую надежность [2]. Начало 60-х годов, изобиловало выступлениями в таком роде; время показало их несостоятельность по существу, но они сыграли свою роль «неуверенной трубы», как назвал свою книгу, выдержанную в аналогичном духе, бывший тогда председателем комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал М. Тейлор [3]. Их призыв не только форсировал гонку вооружений, но и дал толчок «немыслимым мыслям» (по названию еще одной книги) [4] о возможных путях их политического использования.

Так крайности сошлись и здесь. С полной отчетливостью это демонстрирует военно-технологическая концепция так называемой машины судного дня (Doomsday Machine). Под этим названием подразумевалось «гигатонное» сверхоружие, способное разом покончить с потенциальным противником (даже рискуя одновременно навлечь катастрофу и на себя). Если в 50-х годах авторы, писавшие о сверхоружии, открещивались от такой перспективы как от конца света или по крайней мере конца цивилизации, то в 60-х годах эта перспектива подверглась детальной разработке в военно-стратегическом, политическом и экономическом отношениях.

всю ту систему, которая привела к этому опустошению» («Daedalus». Fall, 1960, p. 858).

[1] *Major A de Seversky.* America: too Young to Die. New York, 1961.

[2] *G. Steele* and *P. Kircher.* The Crisis we Face. Automation and the Cold War. New York, 1960.

[3] *M. Taylor.* Uncertain Trumpet. New York, 1961.

[4] *H. Kahn.* Thinking about Unthinkable. New York, 1962.

Основной вклад в это внесли специалисты знаменитой фабрики военной мысли «Рэнд корпорейшн». Т. Шеллинг пытался перевести проблему «сверхоружия» на язык абстрактной теории игр, моделируя стратегию взаимного устрашения двух «сверхдержав» в бесконечных антагонистических играх [1]. Другой путь избрал Г. Кан, который сделал все, чтобы перевести эту проблему в план конкретной политической стратегии. Эта стратегия призвана была воспроизвести в глобальных масштабах ситуацию изобретенной в США «игры в труса». Два водителя разгоняют свои автомобили навстречу друг другу; проигрывает тот, кто первым сворачивает в сторону. В мировой политической схватке, согласно модели Г. Кана, проигрывает тот, кто первым отшатнется от перспективы применения «машины судного дня». Сначала в «Рэнд корпорейшн», а затем в отделившемся от нее Гудзоновском институте под руководством Г. Кана была разработана на этой основе многоступенчатая стратегия эскалации, т. е. постепенного наращивания военно-политического шантажа вплоть до угрозы развязывания термоядерной войны [2].

Реальный ход событий в минувшем десятилетии вскрыл полную несостоятельность этого направления «военно-технологического детерминизма». Весь ход «холодной войны» показал неприменимость военно-политического шантажа к Советскому Союзу, а затяжная и бесславная война во Вьетнаме — беспредметность эскалации военной угрозы по отношению к небольшой стране, народ которой самоотверженно отстаивает свою независимость при поддержке прогрессивных сил мира. Но тем самым в значительной степени под вопросом оказалась вся прежняя линия, метко охарактеризованная сенатором Дж. Фулбрайтом как «самонадеянность силы» [3]. Гонка вооружений, венчаемая «машиной судного дня», обратилась против своих инициаторов.

Бывший директор Управления поисковых исследовательских проектов министерства обороны США Г. Йорк показал в книге «Гонка в небытие» всю абсурдность гонки стратегических вооружений. Кроме всего прочего, полномочия пускать в ход накопленные средства массового

[1] «Harvard Business Review», March—April 1961, p. 158.

[2] *H. Kahn.* On Thermonuclear War. Princeton, 1960; Thinking about Unthinkable. New York, 1962; On Escalation. New York, 1964.

[3] *Дж. У. Фулбрайт.* Самонадеянность силы. М., 1967.

уничтожения все больше переходят от высших политических деятелей к командирам среднего звена [1].

Справедливость такого предостережения подтверждает и директор программы управления ракетами проекта «Аполлон» Д. Г. Хоаг. Появление сколько-нибудь эффективных антиракетных систем неизбежно вызывает появление нового поколения наступательных систем — межконтинентальных ракет с кассетными ядерными боеголовками; к ним должны присоединиться системы с маневрирующим возвратом в атмосферу, орбитальные бомбардировщики и т. д. [2] Перед лицом подобных перспектив профессор политических наук Массачусетского технологического института, директор программы оценки систем Института оборонного анализа Г. У. Рэйтиенс призывает обратиться к технологии, чтобы посмотреть, не сможет ли она каким-либо образом помочь избежать дальнейшей эрозии политического контроля над «машиной судного дня» [3]. Но даже если так, не загонит ли технологическая панацея болезнь внутрь, не вызовет ли она, как это уже не раз случалось, нового, еще более опасного тура гонки вооружений? На это проф. Рэйтиенс ответа не предлагает. Более трезвой представляется позиция Д. Г. Хоага, который подчеркивает настоятельную необходимость прекратить гонку вооружений с помощью договоров и соглашений, выполнение которых может быть проконтролировано.

Жизнь показала, что конструкция «технологического детерминизма» в сфере военной политики бесперспективны в любом из своих проявлений. Гонка вооружений не прекратится сама по себе. Она должна быть остановлена активными политическими акциями, опирающимися прежде всего на Программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС. Соглашения между СССР и США о недопустимости ядерной войны, о замораживании противоракетных и ограничении наступательных систем стратегического вооружения лишают почвы различные военно-технологические построения.

[1] Например, в распоряжении капитана атомной подлодки-ракетоносца находится от 16 до 160 ядерных боеголовок (*H. York.* Race to Oblivion. New York, 1970).

[2] *D. G. Hoag.* Ballistic Missile Quidance. Cambridge, 1971, p. 93.

[3] *G. W. Rathiens.* Technology and the Arms Race. Where We Stand Now? Cambridge, 1971, p. 12.

3. «Компьютерный детерминизм»

Подобно тому как в антагонистическом обществе «человекоубойная промышленность», по замечанию Маркса, особенно наглядно продемонстрировала влияние средств производства на организацию труда, так и «военно-технологический детерминизм» дал толчок некоторым другим родственным теориям. Среди них ведущее место принадлежит теории, получившей название «компьютерный детерминизм».

Вспомним, что сама компьютерная технология появилась в конце второй мировой войны для решения прежде всего военно-технических задач (управление зенитным огнем и т. п.) [1]. В 60-х годах электронно-вычислительная техника бурно развивалась в качественном и количественном отношениях: сменилось три «поколения» компьютеров, на один-два порядка повысилось быстродействие ЭВМ, возросла их надежность и в то же время почти столь же резко уменьшились их габариты и стоимость. Важным стимулом этого прогресса послужили задачи военной и космической технологии [2].

Однако постепенно компьютерные системы распространились во всех основных правительственных ведомствах и частных предприятиях, подчиняя себе как сферу производства, так и сферу услуг. К концу минувшего десятилетия электронная промышленность США выдвинулась на первое место по темпам роста и на второе (после

[1] *Н. Винер.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968, стр. 47—50.

[2] Отдельные представители военно-промышленного комплекса вместе с некоторыми поборниками «военно-технологического детерминизма» прямо добивались полной автоматизации «машины судного дня» и передачи на ее усмотрение решения самого вопроса о войне и мире. Это предложение не прошло. Однако компьютеризация систем обычного оружия зашла достаточно далеко. Наглядные примеры этого дала вьетнамская война: «Основываясь только на показаниях приборов слежения, офицер может дать команду своему компьютеру послать данные компьютеру на борту самолета, который задаст ему курс и в определенное время автоматически сбросит бомбы. Поскольку никто из американских военных никогда не видит бомбардируемых людей, система строится вокруг «зон свободного огня», где все люди считаются врагами» («Science and Human Needs». UNESCO. Paris, 1974).

автомобильной) — по объему производства [1]. В промышленно развитых капиталистических странах с растущим беспокойством заговорили о кибернетической автоматизации производства и ее необозримых грозных последствиях.

С развертыванием научно-технической революции сфера деятельности компьютеров быстро расширилась, вышла за пределы отдельных производственных и управленческих операций и потребовала осуществления больших систем комплексной автоматизации. Но первые же попытки пойти навстречу этим требованиям натолкнулись на серьезные противоречия, обусловленные в конечном счете самой природой капиталистического способа производства. Применение компьютеров обнаружило узость рамок отдельных фирм и правительственных ведомств даже в такой стране, как США [2]. К началу 1974 г. там действовало около 100 тыс. компьютеров, в том числе и четвертого поколения, стоимостью 6 центов за 1 млн. операций, выполняемых за 0,5 сек. Вместе с тем резко выросли эксплуатационные расходы, достигшие 4 долл. на 1 долл. стоимости ЭВМ. В 1973 г. на эксплуатацию ЭВМ в США было истрачено до 30 млрд. долл., столько же, сколько на все исследования и разработки. При этом чистые убытки от использования компьютеров составили 1 млрд. долл., в том числе 960 млн. долл. в результате не-

[1] См. Экономическая энциклопедия. «Политическая экономия», т. 1. М., 1972, стр. 16.

[2] Так, известная система перспективного научно-технического планирования ПАТТЕРН, разработанная специалистами компании «Хониуэлл», не получила там практического применения в своем полном виде (*Э. Янч.* Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974, стр. 278 и след.). Поступив в середине 60-х годов на вооружение правительственных ведомств, система ПАТТЕРН не смогла упорядочить осуществление 1149 федеральных программ (1974 г.), подчинить их компьютерной системотехнике. Выдвинутый в аналогичных целях проект перестройки федерального правительства с созданием четырех укрупненных функциональных министерств по программному принципу так и не был реализован, подобно многим другим проектам и программам.

Созданная при капитализме кибернетическая техника оказывается поистине слишком хороша для него. Так, высокоэффективная система центров информации и управления общественным производством, созданная компанией «Контрол дэйта» и оснащенная мощными компьютерами ее производства, может быть полностью использована, по словам самих руководителей компании, только в условиях планового хозяйства.

правильной постановки задач. А ведь за этим в 60% фирм следят вице-президенты по системному анализу, а в правительстве — специальные помощники министров [1].

Это способствовало «переоценке ценностей», общему росту тревоги за перспективы дальнейшего применения ЭВМ в условиях капитализма. Вновь образовалась ситуация «мировоззренческого экстремума», ответом на которую явились течения «технологического детерминизма».

Первое из этих течений обнаружило близкое родство с военно-технологическим фатализмом как по постановке вопроса, так и по подходу к его решению [2]. Оно нашло отражение в манифесте специального комитета по проблемам тройственной революции. Р. Тиоболд, Г. Минз и другие члены комитета уделили в нем видное место ракетно-ядерному перевороту в военном деле и тенденциям его кибернетизации. Однако главный упор в манифесте был сделан на перспективы кибернетической автоматизации производства и ее социальные последствия. По предсказанию авторов манифеста, комплексная автоматизация в США уже в ближайшие 10—20 лет многократно увеличит число полностью безработных, доведя его до десятков миллионов человек. А в дальнейшем какие-нибудь 2% занятых вполне обеспечат все производство материальных благ. Остальные же 98% якобы перестанут быть «резервной армией труда», так как государство возьмет на себя заботу об их достойном существовании на пособие [3].

[1] Доклад д-ра экон. наук проф. Б. З. Мильнера «Новые явления в управлении производством за рубежом», прочитанный 11 июня 1974 г. в МГУ на Научном совете по проблемам управления.

[2] По словам французского социолога Б. де Жувенеля, «жизнь в западном обществе проходит под знаком нового фатализма, убеждения в том, что наше будущее предопределено независимым от нас действием сверхчеловеческой силы, чья почти божественная природа подтверждается преклонением перед ней капитала, а именно Технологией. Она низвергает на нас блага по собственному усмотрению и предъявляет нам требования, от которых мы не смеем уклониться. Подобно мифической колеснице Джаггернаута, она прокладывает путь будущему, попирая нас, если мы оказываемся на ее пути, и вознося нас от успеха к успеху, если мы следуем за ней. Таким образом, технология олицетворяет собой идола, который щедро одаряет своих поклонников, не подвергающих сомнению ее поступательное движение» («Иностранная литература», 1972, № 3, стр. 252—253).

[3] *K. Theobold.* The Challenge of Abundance. New York, 1962.

Еще раньше с аналогичных позиций выступал известный американский специалист по проблемам автоматизации Дж. Диболд. По его оценке, последствия переживаемой сейчас технической революции окажутся более глубокими, чем результат любой из социальных перемен прошлого [1], т. е. компьютеризация производства фатально делает излишней социальную революцию.

Французский правовед Р. Тортра в свою очередь пишет в книге «Действительная революция XX в. (Научная революция. Ее практические результаты, философия и важнейшие проблемы современности)»: «Мы считаем, что только такая, менее жестокая, но перманентная и последовательная революция, как научно-техническая, способствует непрерывной социальной эволюции и улучшению жизненных условий» [2]. Аналогичную позицию занимает американский футуролог заместитель директора Гудзоновского института Э. Винер [3]. Это не мешает, впрочем, ему (как и некоторым авторам доклада ЮНЕСКО «Наука и человеческие потребности») с высокой похвалой отзываться о китайском пути развития через извилистые ущелья «культурной революции» [4]. Последняя представляется, по-видимому, иным приверженцам «технологического детерминизма» не менее приемлемой альтернативой социалистической революции, чем постепенно развертывающаяся научно-техническая революция. «Бумажный тигр» империализма признательно и галантно возвращает авторам бесчисленных «серьезных предупреждений» брошенный в него бумеранг!

Мы вновь наталкиваемся на справедливость старой истины: крайности сходятся.

В последней работе Д. Белл, один из наиболее маститых идеологов «постиндустриального общества», заявляет,

[1] *J. Diebold.* Automation. The advent of the automatic factory. London, 1952.

[2] *R. Tortra.* La veritable revolution de XXe siècle (La revolution scientifique, ses consequenses practiques, philosophiques et les grand problems de notre temps). Paris, 1971.

[3] Как замечает Б. ван Стинберген, с появлением «мозговых фабрик» типа Гудзоновского института устраняется разделение науки и политики, что способствует возникновению «дополнительных компонентов власти, институтов, служащих интересам правящей элиты» (*B. van Steenbergen.* The post-industrial or the prerevolutionary society. Bucharêst, 1972, p. 20).

[4] *A. Wiener.* The Prospects for Mankind and a Year 2000 Ideology. New York, 1972.

что «постиндустриальная цивилизация» не может быть ни капиталистической, ни социалистической; она открывает новое измерение социальной жизни, поглощающее, подобно бюрократии, обе состязующиеся системы. Д. Белл считает, что «новая социальная система не обязательно должна «вылупиться» из старой, как это утверждал Маркс... Корни постиндустриального общества надо искать во влиянии науки на производство... Наука в качестве наполовину автономной силы растворяет в себе капитализм» [1].

Но Д. Белл отнюдь не принадлежит к числу фаталистов от «компьютерного детерминизма». Он прямо называет это направление социальной утопией начала 60-х годов, которая успела кануть в Лету. Кибернетическая революция обнаружила иллюзорность возлагающихся на нее надежд, констатирует Белл. За последние два десятилетия не произошло резкого повышения производительности труда; в США это должна была, в частности, отметить президентская комиссия по технологии, автоматизации и экономическому прогрессу [2]. «Постиндустриальное общество», по Беллу, в известной мере нейтрализует плоды победы человека над природой, а оторванный от природы человек все больше отрывается и от техники [3].

Таким образом, «постиндустриальное общество» как бы призвано положить конец «техницизму», господство которого представляет растущую угрозу человеческим ценностям. Человек «технологического общества», подчеркивает Ж. Эллюль, теряет индивидуальную свободу, даже не

[1] *D. Bell.* The Coming of Postindustrial Society. New York, 1973, p. 378.

[2] США в 60-х годах заметно отстали от ФРГ, а также от Японии, Франции и даже Англии по темпам роста производительности труда в обрабатывающей промышленности, несмотря на более высокий уровень автоматизации («Science Indicators 1972». National Science Board. Washington, 1973). Это способствовало известной переоценке ценностей.

В книге «Зрелое общество» Д. Габор утверждает, что настала пора расчленить понятие «производительность труда»: труд должен цениться независимо от своей продуктивности, подобно тому как ценится, например, труд космонавтов (*D. Gabor.* The Mature Society. London, 1972). С других позиций подходит к этому Г. Керр. «Две культуры, которые конфликтуют сегодня, — замечает он, — это культура ожидания продуктивности и культура потребления» (*G. Kerr.* The Speed of Change: towards 2000. In: «Policy and Planning in Higher Education». St. Lucia, 1973 p. 173—174).

[3] *D. Bell.* Op. cit.

замечая, как это происходит. «Человеческое существо не имеет более возможности делать выбор в каком бы то ни было смысле, — пишет Эллюль. — Пусть никто не говорит, что человек — агент технического прогресса... и что именно он выбирает между многими возможностями. В действительности он не является ничем и не делает ничего в этом роде... Он может решать лишь в пользу техники, определяющей, что́ даст ему максимум эффективности. Но это не выбор. Машина могла бы делать то же самое» [1]. Ту же точку зрения разделяют Л. Мэмфорд, идеолог «новых левых» Г. Маркузе, Э. Фромм [2].

«Технологический детерминизм» в компьютерном варианте в значительной мере разделяет участь «военно-технологического детерминизма». Если технология не только не несет с собой автоматического решения человеческих проблем, но и порождает новые, еще более сложные проблемы, отчуждая человека от природы, от техники и от собственной индивидуальности, то можно ли и нужно ли детерминировать ею развитие общества? Против этого настоятельно предостерегал Норберт Винер. «Люди с психологией машинопоклонников, — писал он в последней книге, — часто питают иллюзию, будто в высокоавтоматизированном мире потребуется меньше изобретательности, чем в наше время; они надеются, что мир автоматов возьмет на себя наиболее трудную часть нашей умственной деятельности — как тот греческий философ, который в качестве римского раба был принужден думать за своего господина. Это явное заблуждение. Целенаправленный механизм вовсе не обязательно будет искать путей достижения наших целей, если только мы не рассчитаем его специально для решения этой задачи». Но сделать это очень непросто. В действительности, подчеркивал Н. Винер, вопросы неумолимой кибернетической машине нам придется задавать наперед, еще не разобравшись в существе того процесса, который вырабатывает ответы [3].

[1] *J. Ellul.* The Technological Society. New York, 1965, p. 107, 138; «Harvard University Program on Technology and Society 1964—1972». A Final Review. Cambridge (Mass.), 1972.

[2] В обществе, стремящемся максимизировать производство и потребление под контролем компьютеров, замечает Фромм, человек становится частью машины, а поскольку его хорошо кормят и развлекают, он остается апатичным и пассивным объектом манипулирования (цит. по: «Science Forum». Toronto, 1972, vol. 5, N 4, p. 7).

[3] *Н. Винер.* Творец и робот. М., 1966, стр. 73—74, 79—80.

Прогресс компьютерной технологии, как и производительных сил в целом, слишком неопределенен по своей направленности, чтобы предоставить его самому себе. Элементарное самосохранение человеческого общества диктует необходимость поправки на общественные отношения. Еще настоятельнее диктуется это великой задачей усовершенствовать человеческое общество, синтезируя прогресс в производительных силах и в производственных отношениях. Последние наиболее непосредственно отражают человеческие и социальные интересы. Вот почему им по праву принадлежит ведущая роль в такого рода синтезе.

Особое место в «технологическом детерминизме» эры компьютеров заняла концепция М. Маклюэна (Университет Торонто, Канада) о доминирующей роли средств передачи информации в развитии общества. Маклюэн прямо противопоставил свою концепцию марксизму. «Маркс и его последователи... — писал он, — констатировали динамику новых средств коммуникации, не понимая ее сущности. Маркс в высшей степени несвоевременно базировал свой анализ на машине, как раз тогда, когда телеграф и другие новые формы общения начали властно преобразовывать механическую динамику» [1]. Нельзя прежде всего не указать на фактическую неточность в этом высказывании: К. Маркс не только в высшей степени своевременно, но и намного опережая свое время, оценил значение телеграфа и других только что появившихся тогда средств общения. «Природа, — писал Маркс в главе о капитале «Критики политической экономии» (1858 г.), — не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга,* овеществленная сила знания» [2].

Величие Марксовой формулы в том, что она с предельным лаконизмом раскрывает производный от человека и его труда, его деятельности в природе характер технических средств, в том числе средств общения. Но тем са-

[1] *M. McLuhan.* Understanding Media. London, 1967, p. 48.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.

мым этот характер не может не отражать диалектического единства производительных сил и общественных отношений, ибо «общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [1].

«Технологический детерминизм» не поднимается до понимания сложного диалектического взаимодействия системы производительных сил с системой производственных отношений, без чего невозможно научно объяснить логику исторического процесса. Свидетельства тому в избытке имеются в работах Маклюэна, приписывает ли он крушение Древнего Рима вырождению колеса, дорог и бумаги «в призрачную парадигму былой мощи» или промышленную революцию в Англии XVIII в. — появлению дорог с твердым покрытием благодаря... нажиму прессы [2].

Главный девиз маклюэнизма — «вся суть в средстве общения». Если устной речи как главному средству общения отвечал общинный строй, письменной — корпоративный строй средневековья, то печатной — индивидуалистическое общество нового времени с его отчужденным «типографским человеком». Конец ему и всей «Гутенберговой галактике», утверждает Маклюэн, несет появление и развитие в XX в. электронных средств общения, ведущих к «мировой деревне» [3]. Маклюэн разделяет все средства общения на «холодные» (телевидение, телефон) и «горячие» (печать, радио, кино).

Однако маклюэнизм явно противоречит сам себе. «Решение использовать «горячие» печатные сообщения вместо «холодных» непосредственных телефонных разговоров в высшей степени неудачно», — утверждает, например, Маклюэн. И тут же добавляет: «И телефон и телетайп [на «горячей линии связи» СССР — США. — *Ю. Ш.*], выявляющие подсознательные устремления Москвы, с одной стороны, и Вашингтона — с другой, прямо навлекают чудовищные недоразумения...» [4] Но если «вся суть в средстве», а такое «холодное» средство, как телефон, не годится и такое «горячее», как печать, еще хуже, то что же остается? Ничего. По теории средств общения Мак-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.
[2] *M. McLuhan*. Understanding Media, p. 111—112.
[3] *M. McLuhan*. The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.
[4] *M. McLuhan*. Understanding Media, p. 43.

люэна, советско-американские отношения также лишены позитивных перспектив, как и по модели «бесконечных антагонистических игр» Шеллинга. И если практика 70-х годов говорит совершенно о другом — о повороте этих отношений к взаимопониманию и деловому сотрудничеству, то тем хуже для маклюэновской теории и для подобных концепций «технологического детерминизма».

Практика была и остается решающим пробным камнем истины. Общественно-политическая практика последних лет вскрыла несостоятельность маклюэнизма, как и других теорий «технологического детерминизма». Зато она подтвердила обоснованность историко-материалистического понимания роли средств общения наряду с другими техническими средствами в диалектическом развитии производительных сил и производственных отношений как основы «реального жизненного процесса» [1].

4. Злоключения «эры технократии»

Нельзя сказать, что «технологический детерминизм» абсолютно игнорировал общественные отношения, их роль в развитии производства. Однако толкование им этой роли приняло весьма своеобразное направление. Еще в первой четверти нашего столетия Т. Веблен вскрыл противоречия между устаревшими «институтами» бизнеса и «новой средой» машинной индустрии, противопоставив «праздному классу» финансовой олигархии техническую интеллигенцию, призванную через «совет техников» осуществлять руководство обществом [2].

Технократический тезис Веблена получил новое развитие в концепциях «постиндустриального общества». Пожалуй, наиболее обстоятельно разработал его Дж. Гэлбрейт в «Новом индустриальном обществе» и последующих работах. Сопоставляя в них два сектора экономики развитых капиталистических стран — «плановую экономику» узкого круга крупнейших компаний и «рыночную экономику» множества мелких и средних фирм, Гэлбрейт

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.

[2] *T. Veblen*. The engineers and the price system. New York, 1963; см. также *Л. Б. Альтер*. Буржуазная политическая экономия США. М., 1971.

связывает господствующее положение первых с властью техноструктуры. Ее составляют специалисты, имеющие доступ к информации, необходимой для принятия решений, — инженеры, ученые, менеджеры, специалисты по сбыту, маркетингу; они-то и образуют элиту промышленных бюрократов, пользующихся практически неограниченной властью в современной крупной корпорации. С другой стороны, по мнению Гэлбрейта, владельцы предприятий, акционеры и лица, не располагающие необходимой информацией, уже не оказывают реального влияния на управление корпорацией. Техноструктура использует свою власть для обеспечения минимальных дивидендов, удовлетворяющих акционеров, и максимальных темпов роста, обеспечивающих ей повышение ответственности и окладов, карьеру и доходы, которые растут вместе с масштабами бизнеса. «Плановый» характер действиям корпораций, управляемых техноструктурой, придают возможности контроля над ценами, планирования издержек производства, влияния на поведение потребителей, а главное — на правительственную политику и общественное мнение [1]. Члены техноструктуры входят в «истэблишмент», что обеспечивает корпоративной бюрократии прямые контакты с государственной бюрократией, власть которой в свою очередь увеличивается. По словам Гэлбрейта, «межбюрократический симбиоз является особой чертой плановой системы на высшем этапе ее развития», и цели «плановой экономики» крупнейших монополий становятся целями современного капиталистического государства [2].

Роль технократов как новой элиты стоит также на переднем плане «постиндустриального общества» Д. Белла, чья внутренняя логика неизбежно делает его меритократией: «Все люди достойны уважения, но восхищаться можно лишь некоторыми. Меритократия в лучшем смысле этого слова состоит из тех, кто достоин восхищения. Это —

[1] К идее техноструктуры приближается и Маклюэн. «С повышением уровня электронных средств информации, — пишет он, — почти любой вид материала будет служить любой потребности или функции, все больше и больше толкая интеллигентов на роли социального управления и обслуживания производства» (*M. McLuhan.* Op. cit., p. 46).

[2] *G. Galbraith.* Contemporary capitalism and the problem of unequal growth. — «Acta Öeconomica». Budapest, 1972, vol. 9, N 2, p. 117—126.

люди, признанные коллегами лучшими в своей сфере» [1]. Меритократический характер приобретают ведущие институты «постиндустриального общества» — правительство, инженерная академия, университеты и важнейшие фирмы. По мере того как «засилье экономики», обличавшееся еще Э. Дюркгеймом [2], уступает место политическому контролю государства, а социальная функция (роль, профессия) человека отделяется от собственности, меритократия становится основной социальной силой этого общества. Но в отличие от техноструктуры Гэлбрейта меритократия Белла не господствующий класс: он управляет, но не контролирует, оставляя контроль политическим органам, ибо основа меритократии — группа специалистов-интеллигентов — сама распадается на четыре «сословия» (ученых, инженеров, менеджеров и деятелей культуры), разделяемые глубокими противоречиями и лишенные поэтому общего классового сознания, необходимого для завоевания политической и экономической власти. Политический контроль осуществляют не сословия специалистов, а правительственные, деловые, научные, военные и прочие организации. Они составляют вертикальную структуру общества и предоставляют работу всем группам («сословиям») интеллигентов-специалистов, формируя извне новую социальную структуру «постиндустриального общества» [3]. Схема Белла, таким образом, еще дальше от реальных классовых противоречий современного капитализма, чем схема Гэлбрейта, которая хотя бы частично отражает господствующую роль крупнейших монополистических организаций и их сращивание с государственным аппаратом. Тем не менее Гэлбрейт, как и Белл, опирается на постулаты «технологического детерминизма», искусственно отделяя власть от собственности [4].

[1] *D. Bell.* Op. cit., p. 454. Меритократия (Белл), равно как и техноструктура (Гэлбрейт), отражает для Запада и в первую очередь для США ту же тенденцию к формированию в условиях научно-технической революции нового управленческого сословия, которая в развивающихся странах Востока с той же точки зрения представлена этократией.

[2] *E. Durkheim.* Professional Ethics and Civil Morals. Glencoe, 1958.

[3] *D. Bell.* Op. cit. Об усилении политической роли научных и других технократических организаций пишет также Р. С. Барбер в книге «Американская корпорация» (*R. S. Barber.* The American Corporation. New York, 1973).

[4] Аналогичные взгляды высказывают сторонники «нового индустриального общества» в Западной Европе. В одной из моделей,

«Новые левые» подвергают критике такой подход за то, что он оставляет в стороне вопрос, кто же контролирует науку и технику. Однако концепции «новой элиты» идеологов «постиндустриального общества» они противопоставляют не более убедительный тезис о профессионально-технической интеллигенции как «новом революционном классе». Его «революционность» при ближайшем рассмотрении сводится... к отказу «работать в бизнесе» и к пониманию «иррациональности» базирующейся на нем системы [1]. Для устранения господства монополий этого явно недостаточно.

Действительная роль монополий остается за скобками и «технотронного общества» З. Бжезинского. Развивая модель «компьютерного детерминизма», З. Бжезинский отводит решающее место в функционировании социального механизма кибернетической элите. Массам же остается заниматься чем угодно, за исключением... общественно полезного труда, в котором «технотронное общество» просто не испытывает необходимости. Его членам предоставляется свобода действий в любом направлении, кроме «того, что составляет величайшее коллективное достижение человека, — самого общества» [2].

Эти взгляды не остаются без возражений со стороны других технократов. По мнению председателя комиссии Карнеги по высшему образованию К. Керра, в 2000 г. человечество ожидает меритократия, прикрываемая дымовой завесой «демократии участия». Керр отвергает концепции «посткапиталистического», «постиндустриального», «технотронного» и т. п. обществ как бессодержательные негативные термины, порожденные традиционными социальными противоречиями. Они, по его словам, лишь фиксируют необходимость кардинальных изменений, но не выявляют условий, при которых мог бы совершаться переход от разделяющих общество противоречий и соеди-

предложенных западногерманским буржуазным социологом Ю. Хабермасом, технократы образуют «новый правящий класс», которому принадлежит прерогатива принятия решений. Другой западногерманский социолог — приверженец «технологического детерминизма» У. Шельский предвидит технократическое государство без правящего класса. Оно никем не управляется и движимо исключительно собственной логикой развития (*U. Schelskij.* Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Köln, 1961).

[1] *B. van Steenbergen.* Op. cit., p. 9.

[2] *Z. Brzezinski.* Between Two Ages: Americas Role in the Technotronic Era. New York, 1970.

няющих его связей к новым противоречиям и связям. Зато К. Керр согласен с П. Дракером, определившим нашу эпоху как эпоху отказа от преемственности (an age of discontinuity). На смену «старой» классовой борьбе, утверждает Керр, приходит «новая»: «интеллектуалы образуют новую меритократию, которая возмущает простого человека». И не удивительно. Буржуазная «демократия участия» передает реальный контроль над обществом новой «высшей касте» — меньшинству «активистов» и узким группам экспертов [1]. Р. Барбер также с тревогой писал об угрозе «создания образовательно-научно-индустриального государства, которое может оказаться настолько элитарным по характеру, что будет неприемлемо с точки зрения демократии» [2].

Концепция технократической элиты З. Бжезинского, подобно концепциям техноструктуры Дж. Гэлбрейта или меритократии Д. Белла, Р. Барбера и К. Керра, самим фактом своего появления знаменует глубокий кризис демократии в условиях современной научно-технической революции. Приверженцы «технологического детерминизма» хотят видеть выход из этого кризиса в передаче функции принятия ответственных решений экспертам, чтобы не дать ей выродиться в пустой ритуал. Однако эта панацея сама внушает все больше сомнений. «Неэффективность и путаница бесплодных демократических ритуалов,— пишет Бжезинский, — может в свою очередь привести к опустошающей зависимости от тех, кто красноречиво претендует на мантию эксперта» [3].

Отношение в США и в странах Запада к социальной роли экспертизы приобретает двойственный характер. С одной стороны, потребность в ней бесспорно и неуклонно возрастает. Как отмечает Белл в последней работе, «постиндустриальное общество» испытывает растущий информационный дефицит. Он обусловлен увеличением абсолютного количества информации и ее техническим усложнением при снижении ее полноты и доступности, что ведет не к увеличению, а к уменьшению абсолютного количества информации, воспринимаемой человеком. Вместе с тем растет необходимость в посредниках, интерпретаторах огромных и сложных информационных массивов,

[1] *C. Kerr.* The Uses of University. New York. 1972, p. 172—173.
[2] *R. S. Barber.* Op. cit., p. 106.
[3] *Z. Brzezinsky.* Op. cit., p. 233.

в роли которых и выступают эксперты [1]. Особенно острую потребность в услугах экспертов ощущают инстанции, принимающие ответственные решения; именно с их легкой руки развился в странах Запада «культ экспертов».

Сегодня, однако, этот культ, похоже, утрачивает былое влияние. Так, в США огромный механизм сотен экспертных комитетов, обслуживающих органы исполнительной и законодательной власти, подвергся в 70-х годах серьезной перестройке. Она охватила научно-технический аппарат административного управления при президенте, Национальный научный фонд, перенявший ряд функций последнего в области научной политики, и временные комитеты экспертов Национальной академии наук, Национальной инженерной академии и особенно Национального исследовательского совета, а также научно-консультативные комитеты конгресса. Их работа подвергнута критическому анализу и переоценке. Расширение состава комитетов и повышение их ответственности за принятые рекомендации сопровождаются усилением административного контроля за их работой [2].

Таким образом, налицо другая сторона медали: в условиях современной научно-технической революции, как отмечает Э. Винер, страх перед «технологическим кризисом» соединяется с растущим неверием в способность профессиональных экспертов непредвзято понимать и решать новые проблемы. А это, по его мнению, может лишь накликать наступление настоящего «технологического кризиса». Ему не в состоянии противодействовать высокообразованные интеллектуалы, стоящие у руководства технологическим и экономическим развитием. Они не могут оперативно и критически оценивать ситуации, выходящие за рамки принятой системы мышления и «оценки данных». И эта неспособность понимать и решать сложные проблемы современного мира усугубляется растущи-

[1] *D. Bell.* Op. cit.

[2] Серьезное разочарование в независимой экспертизе связано в США с уотергейтским скандалом, подорвавшим репутацию едва ли не всех главных советников Белого дома. Характерно, что одновременно на экраны Соединенных Штатов вышел новый фильм режиссера Дж. Копленда «Разговор», повествующий об эксперте по подслушиванию телефонных разговоров и его моральном крахе. Разоблачению в печати подверглось немало экспертных фирм, которые делают бизнес на составлении курсовых работ за студентов на любые темы («University quarterly». London, 1973, vol. 4, p. 390).

ми затруднениями представителей «высшего» и «высшего среднего» классов при решении сравнительно простых проблем. В результате на научно-техническую экспертизу возлагаются все более значительные и все более несбыточные надежды. «Огромные современные организации умножают новые формы экспертизы и количество участвующих в ней специалистов, — отмечает Э. Винер, возражая Д. Беллу. — Это явление представляет характерную черту бюрократических организаций и технологического общества», особенно если бы развитие пошло по пути, предсказанному Д. Беллом меритократии [1].

Эта полемика как бы резюмирует причины, обусловившие злоключения культа экспертов и «технологического детерминизма» в целом. Новизна и сложность проблем научно-технической революции, вызвавшей их к жизни, оказались слишком крепким орешком для технократов. А получилось так потому, что данные проблемы принципиально неразрешимы в «технотронных» рамках. Для нахождения подступов к их решению (даже, казалось бы, в узкоспециальных случаях) необходимо дополнять анализ технологических систем учетом социально-экономических и политических факторов, сочетающихся в метасистемы. Этот принцип внешнего дополнения, выдвигаемый метаматематикой, и в частности теоремами Гёделя о неполноте [2], игнорируется «технологическим детерминизмом». И дело здесь, конечно, не в гносеологической слепоте его представителей, не в их неосведомленности относительно основ теории множеств или общей теории систем [3]. Дело — в социальной, классовой ограниченности технологических детерминистов.

Выступая в большинстве своем под флагом «нового индустриального» и «постиндустриального общества», они во всех случаях исходят из постулата вечности капиталистической системы, незыблемости частнособственнических

[1] *A. Wiener.* Op. cit., p. 10.

[2] См. *П. Дж. Коэн.* Теория множеств и континуум-гипотеза. М., 1969; *М. Арбиб.* Мозг, машина и математика. М., 1968.

[3] В американской социологической литературе, например, не редкость высказывания в духе принципа внешнего дополнения: без знания концепций и категорий данной дисциплинарной общности вообще невозможно научное истолкование фактов (*H. Zyskind* and *R. Sternfeld.* The Voiceless University. An Argument for Intellectual Autonomy. San-Francisco, 1971).

отношений. Это тот непременный фундамент, на котором только и могут воздвигаться самые причудливые технократические конструкции. Однако конструкции эти нежизнеспособны. Цель совершенствования социальной организации приходит в столкновение с целью обеспечить прежде всего сохранение без изменений ее отживших принципиальных основ.

Эти основы оказываются во все более глубоком противоречии с требованиями научно-технической революции, с логикой развития производительных сил. Свидетельство тому, в частности, ряд обстоятельств топливно-энергетического кризиса, не без содействия нефтяных монополий поразившего капиталистический мир одновременно с продовольственным и экологическим кризисами. Характерно, что наиболее сильную тревогу вызвали эти процессы в сочетании с безудержным ростом инфляции и высокой хронической безработицей в США. А ведь США остаются признанным технологическим лидером капитализма, пионером «технотронной эры». Об этом свидетельствует хотя бы неизменно положительное сальдо их «технологического платежного баланса» (т. е. торговли с другими странами патентами, лицензиями и «секретами технологии»), достигающее 2,5 млрд. долл. в год. Но научно-технический потенциал главной капиталистической страны по-прежнему сохраняет глубокий отпечаток «военно-технологического детерминизма», прямо подчиняя военным целям львиную долю правительственных расходов на исследования и разработки [1].

Производственные отношения капитализма сдерживают и искажают развитие общественных производительных сил. Они тормозят превращение последних в систему, отвечающую требованиям научно-технической революции. Структурообразующим фактором такой системы выступает синтез науки и организации в социально-организованную науку и научную организацию общественного труда и производства. «Технологический детерминизм» не отражает объективной логики этого процесса, поскольку он вопреки принципу внешнего дополнения отрывает систему научно-технического прогресса от описывающей ее метасистемы социальной организации. Таким образом, он не может перешагнуть собственную ущербность, отражаю-

[1] «National Patterns of R & D Resources. Funds and Manpower of the United States 1953—1974». NSF 74—304, p. 30.

щую ограниченность капиталистического способа производства.

Лишь избравший путь научной организации марксизм-ленинизм в состоянии объяснить истинную роль технологических и социальных факторов в формировании системы производительных сил и общественных отношений будущего.

Такие отношения сами должны быть свободны от тенет частной собственности на средства производства, которая неизбежно порождает и воспроизводит в самых изощренных формах эксплуатацию человека человеком. Благо трудящегося человека — главная цель социалистического способа производства. Он один обладает поэтому исторической возможностью соединить достижения научно-технического прогресса и прогресса социального, освобождая человечество как от ужаса термоядерной катастрофы, так и от угроз энергетического, продовольственного, экологического и т. п. кризисов. Он один сохраняет смысл человеческого бытия перед лицом «компьютеризации» производства и переворота в сфере информации и коммуникаций. Поэтому будущее должно и будет принадлежать не «технотронному», а коммунистическому обществу.

Глава
пятая

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕВИЗИОНИЗМА

1. Попытки подрыва марксизма-ленинизма

В. И. Ленин вскрыл связь между империализмом и ревизионизмом. Он показал, что с возникновением и развитием империализма в социалистическом движении сложились два основных направления: оппортунистическое и революционное, которые размежевались на базе их отношения к социализму. Оппортунизм — ревизионизм конца прошлого, начала нынешнего века, отрекшийся от марксизма, — был связан с наступившей эпохой империализма. Его классовая подоплека — влияние буржуазии на пролетариат, союз с ней части околопролетарских элементов. Его политическое содержание — сотрудничество классов, отречение от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, преклонение перед буржуазной демократией, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии. Ревизия марксизма на рубеже двух столетий привела к возникновению социал-реформистского движения, организационно оформленного в правосоциалистические и правые социал-демократические партии.

Ревизионизм послевоенных лет, отрекшийся от марксизма-ленинизма, отколовшийся от современного между-

народного коммунистического движения, связан с нынешней ступенью империализма, существующего в новой исторической обстановке, основным содержанием которой является борьба двух социально-экономических систем, общий кризис капитализма, переход от капитализма к социализму во всем мире. Вот почему, хотя существо ревизионизма осталось все тем же, его борьба против революционных основ марксизма носит более изощренный характер и центральное место во всей деятельности занимают выступления лидеров ревизионизма против реального социализма [1].

Современный ревизионизм проявляется в двух видах, внешне как бы противоположных: в критике марксизма-ленинизма справа и «слева». Идеология правого ревизионизма, смыкающаяся в конечном счете с оппортунизмом, нашла свое отражение в произведениях Э. Фишера, Я. Марека (Австрия), Р. Гароди (Франция), в выступлениях ревизионистов в ЧССР (1968—1969 гг.); идеология левого ревизионизма — например, в публикациях группы «Манифесто» (Италия). Правый и левый ревизионизм объединяет неверие в идеи, силы и пример реально существующего социализма, потеря революционных перспектив.

Классовая подоплека современного правого ревизионизма ныне уже не столь непосредственно мелкобуржуазная. Удельный вес и роль мелкой буржуазии в экономике развитых капиталистических стран снизились, она пополнила ряды рабочего класса или вошла в состав околопролетарских слоев, привнося известные отсталые настроения в среду рабочего класса. Определенные группы из административного и технического состава, в силу своего положения особенно подверженные влиянию капиталистической идеологии, также являются питательной средой современного ревизионизма.

Политическое содержание правого ревизионизма — разрыв с марксизмом, атака на ленинизм, отрицание его интернационального значения, его роли в идейно-политической борьбе рабочего класса, враждебность к мировой социалистической системе, игнорирование всемирно-исторической роли рабочего класса, противопоставление «об-

[1] Подробно вопрос о современном ревизионизме изложен в кн. I гл. V настоящей серии «Идейно-политические течения империализма».

щедемократических, внеклассовых классово-пролетарским идеалам и целям, стремление разрушить единство международного коммунистического движения. Попытки подорвать фундамент революционного учения пролетариата — марксизм-ленинизм — главная задача правого ревизионизма в области теории.

Но ревизионизм не был бы самим собой, если бы трусливо не прикрывал свой разрыв с марксизмом претензией «улучшить марксизм», «приспособить его к эпохе». И, даже отступая под натиском марксистско-ленинской критики, все более обнажая свою сущность, целиком переходя на идейные позиции классовых противников пролетариата, ревизионизм вероломно использует при этом марксистскую терминологию.

Левый ревизионизм отражает настроения той части мелкобуржуазных слоев населения, которая разорилась и разоряется в условиях научно-технической революции, а также деклассированных элементов, являющихся продуктом распада, разложения современного капиталистического общества. Политическое содержание левого ревизионизма — сползание на псевдореволюционные позиции, попытка изобразить государственные интересы социалистических стран как нечто противоположное интересам революционного движения, выступления против принципа мирного сосуществования государств с различными социальными системами как якобы закрепляющий социально-политический статус-кво в капиталистическом мире, борьба против единства мирового коммунистического движения, клеветническое изображение характера взаимоотношений партий внутри международного коммунистического движения, поддержка антиленинских, антисоветских позиций маоизма, выдвижение лозунга «европейской альтернативы», т. е. создание блока стран, не связанного с ныне существующей мировой социалистической системой, в противовес единому международному коммунистическому движению.

Борьба с правым и «левым» ревизионизмом приобрела особенно важное значение в новой исторической обстановке, когда империализм под давлением обстоятельств вынужден отказаться от политики «холодной войны», а потому, как предупреждал Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., «ставка на разложение коммунистического и всего революционного движения изнутри составляет те-

перь одно из важнейших направлений классовой стратегии империализма»[1].

Империализм строит свои идеологические диверсии в расчете на пособничество различного рода ревизионистов, ренегатов, отстаивающих как раз такие взгляды, которые помогают империалистам: в капиталистических странах — с целью ослабить революционный натиск рабочего класса, в социалистических странах — для размывания идейной общности трудящихся.

Ревизионизм всегда паразитирует на новых явлениях в капиталистическом обществе, внешне создающих впечатление стабильности и перспективности капиталистического способа производства. Так, объективные условия конца XIX в., сдвиги, происходившие в социально-экономической структуре капитализма в процессе расширения колониальной эксплуатации, породили антиреволюционную формулу Э. Бернштейна «Движение — это все, а цель — ничто», теорию о «гармоничном» пути к социализму, о «врастании» капиталистического общества в социалистическое. Наступившая на рубеже двух столетий новая стадия капитализма получила превратное отражение в иллюзии К. Каутского о возможности «ультраимпериализма» — организованного мирового капиталистического хозяйства, не знающего войн и кризисов. Ныне научно-техническая революция послужила отправным пунктом для очередного пересмотра основных положений марксизма-ленинизма, как справа, так и «слева».

Ревизионизм никогда — это заложено в его природе — не бывает оригинальным и самостоятельным. Он всегда светит отраженным светом господствующих буржуазных и находящихся под их влиянием оппортунистических теорий. Таков и современный ревизионизм. Технократические концепции идеологов государственно-монополистического капитализма, подробно рассмотренные в предыдущих главах, интерпретируются ревизионистами.

Рост монополистического обобществления производства, факт, впервые вскрытый В. И. Лениным, теоретиков государственно-монополистической олигархии, а вслед за ними и правых социал-демократов привел к выводу о происходящей якобы «социализации» собственности, при этом они игнорируют классовый характер этой собственности.

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 2. М., 1973, стр. 389.

Ревизионисты рост государственно-монополистической собственности (огосударствление части монополистической собственности, процесс слияния компаний и поглощение одних компаний другими, более крупными) также представляют как переход собственности в руки всего общества, тогда как происходящее монополистическое обобществление собственности свидетельствует лишь о подготовке материальных предпосылок социализма.

Современный ревизионизм не тянет, подобно его предшественникам, назад — к капитализму свободной конкуренции. Наоборот, он полон иллюзий о прогрессивном характере и неограниченных возможностях нынешнего, государственно-монополистического капитализма, фетишизируя значение и последствия научно-технической революции, рассматривая возросшую роль буржуазного государства в экономике капиталистических стран как превращение его в надклассовый институт.

Научно-техническая революция, ускорившая становление системы государственно-монополистического капитализма, используется его идеологами и правыми социал-демократами для утверждений о трансформации капитализма, наступлении «индустриальной» и «постиндустриальной эры», возникновении «нового строя», который якобы ликвидировал недостатки старого капитализма. В действующей программе социал-демократической партии Германии, исходя из посылки о надклассовом характере государства и трансформации общества под влиянием научно-технической революции, делается вывод о существовании «третьего пути» — между капитализмом и социализмом. В документе СДПГ «Социал-демократия и коммунизм», написанном социал-демократическим теоретиком Р. Левенталем и принятом руководством СДПГ, говорится: «Свободная демократия, как и современная индустрия, создана прежде всего в странах с частной собственностью. Она развивалась в условиях смешанной экономической системы с преобладанием частной собственности и при наличии государственной политики планирования, направленной на обеспечение роста и стабильности, а такая система господствует и продолжает развиваться сейчас в прогрессивных странах Запада» [1]. Печатный орган социал-демократической партии Германии «Форвертс» утверждает, что «многие класси-

[1] «Vorwärts», 4 Marz, 1971.

ческие социалистические цели достигнуты или почти достигнуты в рамках капиталистического общества» [1].

Исходные позиции Э. Фишера, Я. Марека, Р. Гароди и других правых ревизионистов, так же как и правых социал-демократов, — различные варианты теорий «индустриального» и «постиндустриального общества». Они также заявляют о трансформации капитализма и даже идут дальше, говоря о «подлинно социалистической трансформации капитализма» под влиянием научно-технической революции, о том, что научно-техническая революция изменила основную линию развития, что государственно-монополистический капитализм представляет собой новую стадию капитализма, на которой изменяются основные производственные отношения.

Для ренегатов марксизма-ленинизма, ревизующих революционную теорию и практику слева, отправным пунктом также служит теория «индустриального общества», но как бы с обратным знаком. Левые ревизионисты исходят из тезиса, выдвинутого Г. Маркузе, о том, что технологическая рационализация стала политической рационализацией, с ультрареволюционных позиций высказываются о строе, существующем на Западе.

Марксисты всегда подчеркивают роль науки и техники в развитии производительных сил, считают, что создание действительного богатства зависит от общего уровня науки и прогресса техники, от применения их в производстве. Но при этом марксисты исходят из того, что наука и техника не существуют вне определенных производственных отношений.

Несомненно, что научно-техническая революция вызвала серьезные изменения экономических и социальных структур современного капитализма. И столь же несомненно, что ее результаты весьма противоречивы. С одной стороны, научно-техническая революция способствует все большему слиянию монополий и государства, укрупнению частных монополий, росту мощного, высокоорганизованного производственного механизма, создает возможность программирования и прогнозирования отраслей производства, известного ограничения рыночной стихии. Следствием этого является повышение эффективности производства, интенсификация капиталистической экономики. С другой стороны, чем далее развивается научно-техни-

[1] «Vorwärts», 21 Januar, 1971.

ческая революция, тем глубже и острее становятся внутренние социально-экономические антагонизмы монополистического капитализма. И не только обостряются все прежние, но и порождаются новые. Важнейшим результатом научно-технической революции является резкое обострение противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Нынешние производительные силы явно не укладываются в прокрустово ложе капиталистических отношений.

2. Искажение Марксовой политэкономии и роли научно-технического прогресса

Ревизионисты стремятся доказать, будто, говоря их словами, современная капиталистическая система не соответствует теоретической модели, разработанной Марксом. За этим кроется стремление опровергнуть основные категории и закономерности капиталистического способа производства — стоимость, прибавочную стоимость и наличие эксплуатации. Развернутую критику Марксовой политической экономии мы находим, в частности, у Р. Гароди, который пытается подвести теоретический фундамент под сложившуюся систему взглядов правого ревизионизма.

Сами по себе подобные попытки не новы. Ими занимались буржуазные экономисты и ренегаты марксизма и в прошлом. Нынешние ревизионисты пытаются опровергнуть марксизм, ссылаясь на происходящую научно-техническую революцию. «Роль научно-исследовательских работ и технического творчества в расширенном воспроизводстве капитала в нашу эпоху, — пишет Р. Гароди, — стала такова, что первоначальная модель Маркса для образования стоимости и прибавочной стоимости должна быть коренным образом изменена» [1]. В другом месте Гароди заявляет: «Расширенное воспроизводство капитала и рост все больше не укладываются в классические, чисто экономические категории (рынок, стоимость, приба-

[1] *R. Garaudy.* L'Alternative. Changer le monde et la vie. Paris. 1972, p. 183.

вочная стоимость)» [1]. Вслед за Д. Беллом, который считает, что интенсивное использование теоретических знаний стало решающим условием социальных изменений, а интеллектуальные институты заняли ключевые позиции в общественной структуре, ревизионисты стремятся создать представление, будто только теперь, в связи с научно-технической революцией, наука стала производительной силой, что Маркс якобы не мог предвидеть, в его схемы оно не укладывается. «Основное явление, преобразующее отношение между «базисом и надстройкой», — это включение науки в производительные силы, что заставляет нас переосмыслить некоторые фундаментальные категории марксистского анализа» [2], — пишет Гароди.

Однако именно Маркс установил, что наука является производительной силой. Более того, он затем доказал, что между наукой и процессом производства существует диалектическое единство. «Если процесс производства, — писал Маркс, — становится *применением науки*, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства» [3]. В настоящее время, в условиях научно-технической революции, происходит качественное преобразование производительных сил, роль науки возрастает, но это не снимает диалектического единства науки и процесса производства, не преобразует и отношение между базисом и надстройкой, как считает Гароди.

Маркс не ограничился тем, что определил роль науки в производстве, но вскрыл также, что эксплуататоры подчиняют себе науку, заставляют ее служить капиталу [4], что «капитал присваивает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд» [5].

Гароди фальсифицирует мысли Маркса о «всеобщем труде» и «совместном труде». Маркс пишет, что «следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью

[1] *R. Garaudy.* L'Alternative. Changer le monde et la vie. Paris, 1972, p. 187.
[2] Ibid., p. 179.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 47, стр. 553.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 374.
[5] Там же, стр. 398.

использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [1]. Гароди же приписывает Марксу мысль, будто Маркс рассматривал всеобщий труд в качестве «мертвого труда». В книге «Альтернатива» так прямо и сказано: «Интеграция науки, исследовательской работы и изобретательства в производство достигла сегодня такой степени, что эту форму труда уже нельзя приравнять к «мертвому труду» (по первоначальной схеме Маркса), который только передает стоимость, не создавая ее, и, следовательно, не принимает участия в образовании прибавочной стоимости» [2]. Эта фальсификация нужна Гароди для принижения роли физического труда.

Можно было бы говорить о путанице, если бы Гароди не преследовал определенные цели, искажая также мысли Маркса о простом и сложном труде. Гароди противопоставляет умственный и физический труд, принижая при этом опять-таки роль физического труда. К. Маркс отмечал, что простой средний труд есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием, а «сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого» [3]. Для Гароди сложный труд — это только умственный труд без физического. «Фактически, — пишет Гароди, — все происходит так, будто капиталовложения в сложную рабочую силу (умственный труд) становятся все более и более условием созидания богатства. Сложный труд современного научного работника как по использованию техники (конечная фаза), так и по ее изобретению (первоначальная фаза) открывает новые возможности для развития современной капиталистической системы» [4].

В угоду своей схеме Гароди идет на прямое искажение мыслей Маркса по вопросу об абсолютной и относительной прибавочной стоимости. «Не достигнут ли на нынешнем уровне капиталовложений в науку и технику тот порог, — вопрошает Гароди, — на котором различие между «мертвым трудом» и «живым трудом», а следова-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 116.
[2] *R. Garaudy.* Op. cit., p. 188.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 53.
[4] *R. Garaudy.* Op. cit., p. 188—189.

тельно, различие между абсолютной прибавочной стоимостью (извлеченной из живого труда) и относительной прибавочной стоимостью (ставшей возможной благодаря техническому прогрессу) является предметом бесплодного спора?» [1].

Вопрос об абсолютной и относительной прибавочной стоимости, занимающий одно из центральных мест в экономическом учении Маркса, не дает оснований для кривотолков. «Удлинение рабочего дня за те границы, в которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки» [2].

Что касается взаимоотношений мертвого и живого труда, то, по Марксу, «всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условие труда применяет рабочего» и что «средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее» [3]. Высказывания Гароди — это давным-давно опровергнутые представления эксплуататоров, в мозгу которых машины неразрывно срослись с монополией на них, презрительно относящихся к труду, считающих, что

[1] *R. Garaudy.* Op. cit., p. 184.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 518.
[3] Там же, стр. 434.

их машины играют гораздо большую роль в производстве, чем труд и искусство рабочего.

К. Маркс исходил из того, что «в процессе труда соединяются умственный и физический труд». Капиталистический способ производства превращает продукт труда «в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда» [1]. И вслед за этим Маркс установил, что «самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций» [2].

Вмешательство государства в экономическую жизнь и его участие в ней выдаются ревизионистами вслед за открытыми идеологами современного капитализма за создание «согласованной экономики», «гармоничной структуры», при которой якобы происходит постепенное ограничение частных интересов как главной движущей силы экономического развития и подчинение этого развития более широким потребностям. Регулирование и программирование, являющиеся результатом согласованных действий буржуазного государства и монополий в интересах эксплуататорского строя в целом, рассматриваются как внеклассовые. Под пером ревизионистов перерождается якобы и сам капиталист. Он будто бы все больше размышляет и действует не по собственному усмотрению, а исходя из «общих интересов».

Ревизионисты, ссылаясь на научно-технический прогресс, отрицают ведущую роль рабочего класса в современных условиях, утверждая, будто технический прогресс изменил положение рабочего класса на производстве, покончил с отчуждением, создал «социальную симметрию», равновесие; культурный прогресс, сделав его образованнее, изменил его положение в обществе; распределение собственности в результате выпуска мелких акций и инвестиционных бумаг сделало его «партнером», а политический прогресс создал возможность осуществлять «дав-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 516—517.
[2] Там же, стр. 517.

ление» со стороны рабочего класса. А все в целом привело к «интеграции» рабочего класса в капиталистическое общество.

Искажение мыслей К. Маркса об отчуждении является одним из краеугольных камней ревизионизма. Подменяя классовый анализ проблемы отчуждения техническим, ревизионисты, апеллируя к достижениям науки и техники, твердят об освобождении рабочего капиталистической фабрики от всех форм производственно-технического отчуждения.

Действительно, благодаря научно-технической революции человек смог передать машине функции физического труда, а при помощи ЭВМ также некоторые виды умственного труда, но это не изменило положения рабочего класса в капиталистическом производстве: рабочий попрежнему и даже в большей степени является «винтиком», придатком машины. Весьма наглядно это положение демонстрирует большой и растущий отряд так называемых специализированных рабочих — детище технического прогресса. Специализированные рабочие, численность которых в развитых капиталистических странах составляет около 40% всех рабочих, заняты выполнением какой-либо операции на конвейере. Однообразность и монотонность этих операций, интенсификация труда действуют угнетающе на психику рабочих, истощают их физические силы, вызывают преждевременное старение.

В условиях капитализма чем выше квалификация, образование, интеллектуальный уровень рабочего (например, технический персонал, наладчики), тем больше он чувствует свою власть над машиной и тем острее ощущает свое отчуждение в капиталистической системе производства. Он вовсе не считает себя «партнером» предпринимателя и не верит измышлениям, будто происходит диффузия, распыление собственности. Вся капиталистическая действительность показывает, что собственность все больше концентрируется в руках небольшой группы, эксплуатирующей большинство населения. Вот почему отпадает вопрос и об изменениях основных производственных отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми, что является одним из символов веры ревизионистов.

В противоположность Марксу, но с необоснованными ссылками на него ревизионисты утверждают, что отчуждение — общеисторическое явление. Э. Фишер, подобно другим ревизионистам, теории и фактам вопреки раз-

вивал тезис, что при социализме человек так же отчужден и «деформирован», как и при капитализме, и что при социализме отчужденность человека стала еще сильнее и действует еще более угнетающе [1].

Отчуждение человека входит и в идеологический арсенал левых ревизионистов. Их трактовка этого явления далека от марксистской, она ближе к экзистенциалистскому пониманию личности как изолированной, беззащитной в своей абсурдной борьбе с угнетающими ее силами, а потому обреченной.

К. Маркс в «Капитале» и в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» дал научный анализ отчуждению труда в конкретных условиях социально-экономических отношений капиталистического общества, доказал, что с упразднением коренных причин отчуждения преодолевается и само отчуждение. Эти положения стали отправным пунктом исследования. Вне этого, как предупреждали Маркс и Энгельс, анализ подменяется пустой мыслью об отчуждении [2].

«Соучастие» в управлении капиталистическим производством, этот новый вариант теории производственной демократии в капиталистическом обществе, является развитием идей социального партнерства.

В противовес марксистско-ленинскому пониманию равенства как ликвидации эксплуататорских классов в результате перехода капиталистической частной собственности в руки рабочего класса, организованного в государство, правые социалисты выдвигают свою концепцию равенства, согласно которой оно основано на соучастии в управлении производством. «Социалистический строй должен также полностью осуществлять право на равенство. Для стран западной демократии это заключается... в участии всех в той или иной степени в экономическом управлении. Это участие, больше чем экспроприация владельцев капиталистических предприятий, составляет основу социалистической революции» [3]. Социал-демократическая партия Германии соучастие видит в паритетном представительстве предпринимателей и профсоюзов в наблюдательных советах, а правые ревизионисты управление про-

[1] *E. Fischer.* Künst und Koexistenez. Beitrag zu einer modern marxistischen ästhetik. Hamburg, 1966, S. 103.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 271.

[3] «La Revue Socialiste». Paris, janvier 1969.

изводством также рассматривают в качестве замены революционного процесса.

Ревизионистски понимаемому соучастию в управлении как классовой гармонии марксисты противопоставляют свою точку зрения: участие рабочих в управлении — это одна из форм классовой борьбы за непосредственные интересы пролетариата, за обеспечение рабочих мест, контроля над планированием и переоснащением производства, над политикой цен и прибылями предпринимателей. Для марксистов лозунг участия рабочих в управлении — элемент антимонополистической стратегии с целью изменить соотношение политических сил, а вовсе не эрзац социальной революции, поскольку они связывают участие в управлении с требованием национализации собственности монополий, установления демократического контроля над государственно-монополистической собственностью, с конечными историческими целями пролетариата.

Левые ревизионисты развивают прудонистский тезис о самоуправлении. Он смыкается с реформистским соучастием, поскольку самоуправление для них это «экономические острова» — мелкобуржуазный по существу своему социализм внутри капиталистического общества.

Отрицая роль рабочего класса в качестве основной и руководящей силы в социальном прогрессе современности, ревизионисты, апеллируя к научно-технической революции, выдвигают под различными наименованиями другие социальные силы, которые, по их утверждениям, заменяют рабочий класс или даже возвышаются над ним.

«Быть соединительной тканью не только нации, а всего человечества — такова общая задача всех, кто имеет мужество и право называться представителем интеллигенции» [1], — провозгласил Э. Фишер. За всем этим скрывается попытка противопоставить интеллигенцию рабочему классу, что ведет лишь к общему ослаблению прогрессивных сил современности.

В противовес коллективно разработанной коммунистическими партиями программе антимонополистической борьбы, являющейся этапом социалистической революции, ревизионисты выдвигают свою концепцию «новой модели», концепцию отказа от революционной классовой борьбы.

[1] *E. Fischer.* Op. cit., S. 80.

Свое ренегатство ревизионисты пытаются оправдать тем, что, поскольку происходит научно-техническая революция, отпадает необходимость в социальной революции, и подменяют понятие классовой борьбы понятием революции в области науки и техники. Они выдвигают свою «новую модель», согласно которой объявляется «навязчивой идеей» утверждение марксизма-ленинизма, что только в результате прихода к власти пролетариата возможно будет осуществить социалистическое обобществление средств производства. Они утверждают, что якобы в результате реформ, ограничивающих и ослабляющих позиции большого бизнеса, возникает положение, когда рабочему классу не нужно будет стремиться к более острым формам борьбы, которые обычно считались необходимыми для социалистической революции. В этом выражен отказ от теории пролетарской революции, которая включает в себя борьбу за реформы, но не сводится к ним.

Нет предательства без демагогии. Ревизионисты заявляют, что «революция классического типа недостаточна», а потому говорят о «новом анализе классовых отношений, классовой борьбы, стратегии и тактики социалистической революции». В чем же заключается все это «новое». Оказывается, оно заключается, по схеме Р. Гароди, в отказе от национализации собственности монополий, от перехода в руки социалистического государства основных рычагов управления экономикой под предлогом, что это противоречит... самоуправлению. Национализация, утверждает Р. Гароди, не является обобществлением, поскольку между двумя понятиями вклинивается делегирование и отчуждение власти от основного производителя к руководителю.

Полнейшее игнорирование исторических эпох и их особенностей, анархическое отношение к проблеме государственной власти при социализме проявляется у Р. Гароди в назойливо повторяемых им тезисах о «делегировании власти», «дуалистическом принципе передачи власти», об отчуждении власти в пользу руководителей. Он повторяет прудоновское требование «прямой демократии», восхваляет маоистскую «культурную революцию». Он против революционной, пролетарской партии, так как она «построена дуалистически» и предлагает «устранить вмешательство партий».

Отказ ревизионистов от революционной борьбы против капитализма идет под дымовой завесой «нового закона

общественного развития», «новых форм действительности» (Я. Марек), «нового исторического блока» (Р. Гароди). Все это лишь современное издание давней оппортунистической теории врастания капитализма в социализм, взятой из идеологического арсенала правых социал-демократов. «Соответствующая система стратегии реформы и интеграции, — заявляет У. Лебер, — под лозунгом «демократического социализма», «социальной демократии», «совершенного общества» должна противостоять «революционному ответу», который дает коммунизм, а «эволюционное решение» — служить ответом на поставленные вопросы» [1]. По утверждению австрийских социалистов, «в современном обществе есть бесконечное множество возможностей устранять социальные недостатки без рецепта, данного Марксом, — «экспроприация экспроприаторов»... Капитализм развивается иначе, чем Маркс мог предвидеть. Сегодня можно более не экспроприировать экспроприаторов, так как их больше нет. Крупные предпринимательства, имеющие общественный вес, управляются теперь менеджерами, которые никого не экспроприировали» [2].

Главной чертой современной эпохи ревизионисты считают не переход от капитализма к социализму, а единый процесс научно-технической революции. В антиреволюционную концепцию правого ревизионизма входит подмена социальной революции ревизионистским вариантом теории конвергенции. И в этом они следуют за буржуазными идеологами. «Ключом к современной экономической истории служит технический прогресс, а этот последний может иметь место как в капиталистической, так и в социалистической стране. Следовательно, оба типа стран представляют собой пример одного рода трансформации» [3]. Говоря о социально-экономических процессах в США, А. Шлезингер утверждает, что нет кризиса «идеологической системы или имущественных отношений», а наблюдается лишь совокупность проблем, присущих «всем государствам с высокоразвитой технологией». Отсюда следует вывод, что речь должна идти только о том, «чтобы

[1] *W. Leber.* Referat auf dorn SPD — Parteitag 1968. Protokoll, S. 368.

[2] «Der Spiegel», Februar 1972, N 10, «Viele sind revolutionär aus Bequemlichkeit», S. 108.

[3] *R. Aron.* 18 Lectures on Industriel Society. Paris, p. 118.

открыть подходящие ценности для общества с развитой технологией» [1].

Ревизионисты, отказываясь от борьбы с империализмом, систематически ведут борьбу с социализмом. В отличие от ревизионизма начала века, отвергшего социализм в качестве цели рабочего движения, нынешней ревизионизм ведет наступление на социализм, действуя весьма коварно: пытается противопоставить «классические теории» реально существующему социалистическому строю.

Так как реальный мировой социализм возник не на расчищенной площадке и к тому же существует не в вакууме, а в конкретной исторической обстановке и вынужден вести борьбу с империализмом, то ревизионисты отказываются «признать» социалистические государства таковыми и снисходительно соглашаются считать их «государствами, исходящими из социалистических принципов» [2]. Печально известный ревизионист и ренегат О. Шик пишет: «Социалистические страны на самом деле не являются социалистическими» [3].

Некоторые из ревизионистов договариваются до того, что ставят на одну доску политические структуры социалистических и капиталистических стран, вместо классового анализа государств толкуют об «аппарате власти». Они выдвигают предложение о создании «структуры, отвечающей требованиям современной научно-технической революции». Эта структура будет, по их утверждениям, не капиталистической и не нынешней реально существующей социалистической (которую они всячески чернят).

Реально существующему социализму ревизионисты противопоставляют свои модели, согласно которым при социализме должно существовать «свободное соревнование различных интересов, в том числе и в организованной форме». Ревизионисты, так же как и социал-демократы, подсовывают «модель» множественности, так называемое «плюралистическое общество». Плюрализм в экономике социалистических стран по этой «модели» — это сущест-

[1] *A. Shclesinger.* Amerikas Republik vor dem Untergang. — «Spiegel». Hamburg, 1972, Zg 26, N 3, S. 106.

[2] *F. Eberhard.* Zur Kritik revisionistischer und opportunistischer Theorien über Wissenschaft und Technik. Deutsche Z. für Philosophie. Berlin, 1973. S. 171—184.

[3] *O. Sik.* Der dritte Weg. Die marxistische-leninistische Theorie und die moderne Industriegesellschaft. Hamburg, 1972.

вование наряду с государственными предприятиями капиталистических форм производства и обращения, упразднение социалистического планового хозяйства путем «дополнения» его капиталистическими методами хозяйствования. Плюрализм в идеологии — это допуск буржуазной идеологии с целью ослабить марксизм-ленинизм. Плюрализм в международном коммунистическом движении — это попытка расколоть единство передовых сил современности, спаянных общей идеологией. Плюрализм в мировой системе социализма — это ставка на национализм, отрицание интернационализма для ослабления уз социалистического содружества.

Политиканствуя и спекулируя в обоснование своих схем и моделей, ревизионисты ссылаются на существование «различных образцов социализма». Все их представления далеки от науки, которая устанавливает, что не существует отдельно общего и отдельно особенного, общее проявляется в особенном, а особенное подтверждает общее. Общие закономерности революционного пути к социализму и строительства социализма: завоевание политической власти пролетариатом, ведущая и направляющая роль его коммунистического авангарда, ликвидация монополистической собственности, социалистическое обобществление — проявляются в конкретных особенностях. А сами эти особенности вызваны тем, что экономические, политические, идеологические предпосылки для строительства различны в отдельных странах, не даны в одинаковых пропорциях.

Безошибочным критерием подлинной научности и места в современной идеологической конфронтации является отношение к опыту и практике реальной социалистической жизни. У ревизионистов есть несколько излюбленных приемов в их подрывной деятельности — использование давно канувших в небытие недостатков периода «культа личности», осужденных Коммунистической партией Советского Союза, а также заведомо искаженное изображение чехословацких событий 1968 г., в то время как жизнь подтвердила революционную правоту сил, обеспечивших развитие страны по марксистско-ленинскому пути.

Ревизионизм — враг социализма. Открытая клевета на социалистическую действительность и спекуляция на реальных проблемах и трудностях строительства нового общества, демагогия, шантаж, политическая интрига, прямой сговор с откровенными антикоммунистическими силами — все эти методы применялись людьми, аттестующими

себя «подлинными» поборниками социализма, глашатаями «гуманного социализма», изобретающими «новые модели социализма».

Коммунистические партии индустриально развитых капиталистических стран считают, что под воздействием новых явлений в монополистическом капитализме возникли возможность и необходимость движения к социализму через завоевание боевым союзом антимонополистических сил прогрессивной демократии, открывающей путь к социалистическому переустройству общества. В своей политике коммунистические партии исходят из коренных преобразовательных целей пролетариата и гибкого определения данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей, без малейших уступок реформизму, ревизионизму или ультрареволюционной фразе.

Ревизионизм находится вне международного коммунистического движения, он противостоит ему как чуждая система взглядов и как враждебное политическое направление. Своими выступлениями против реального социализма, приукрашиванием нынешней капиталистической системы, попытками усилить разногласия в международном коммунистическом движении и вызвать раскол в отдельных партиях ревизионизм служит подпоркой империализму.

Глава
шестая

МОНОПОЛИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: КРИТИКА ДВУХ БУРЖУАЗНЫХ ПОДХОДОВ

В современную эпоху характер взаимосвязи между капиталистической монополией и техническим прогрессом обнаруживает новые существенные черты. Эти черты неразрывно связаны с ускорением научно-технического прогресса и обострением монополистической конкуренции. Если раньше монополия, утвердившись в какой-либо области хозяйства, могла надолго задержать технический прогресс, безбоязненно извлекая монопольные прибыли, то в настоящий период такая политика чревата для монополии большой опасностью. Важную роль в изменении общего «климата», в котором протекает монополистическая конкуренция, играет также соревнование двух систем и усиление интернационализации хозяйственной жизни.

Влияние монополистического господства на ход технического прогресса никогда не было однозначным. На это обстоятельство весьма определенно указывал В. И. Ленин: «Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция*

к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать» [1]. Такого рода двойственный результат монополистического господства проявляется в современную эпоху повсеместно. Он виден и в особом характере монополистической конкуренции, сочетающей в себе черты сговора, соглашения по одним линиям и ожесточенной борьбы по другим. Пример тому, с одной стороны, совместное исключение ценовой конкуренции, а также часто практикуемое в последние годы совместное согласованное повышение цен. С другой стороны, ожесточенная конкуренция в области расходов на создание новых видов и разновидностей продукции, сопровождающаяся широким использованием методов промышленного шпионажа.

Двойственное воздействие монополий на научно-технический прогресс проявляется и в сочетании элементов организации и планирования с разгулом капиталистической анархии и огромным расточительством экономических ресурсов, приведшим к небывалому разрушению окружающей среды.

И наконец, использование монополиями технического прогресса означает постоянные монопольно-высокие прибыли, которые рекламируются и оправдываются в качестве «платы за эффективность». Благодаря системе государственно-монополистического регулирования экономики эта «плата за эффективность» все более превращается в постоянные контрибуции, взимаемые со всего общества.

В буржуазных концепциях научно-технической революции вопросы взаимосвязи монополии и технического прогресса занимают очень важное место. Апологетика монополий выступает в них, как правило, под флагом критики отдельных ее недостатков. Для экономистов неоклассического направления характерна мелочная критика рыночных проявлений монополий, при которой исчезает подлинная масштабность господства монополий и анализ современных форм этого господства. Для институционально-социального направления типичны различные теории крупной капиталистической корпорации, которые восхваляют «динамичные» свойства крупной корпорации и реально не видят последствий монополистического господства. Каждое из этих направлений предлагает свою программу социальных реформ, суть которых сводится либо к консервативной

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397.

«охране» принципов капиталистического предпринимательства в условиях современного экономического гигантизма (М. Фридмен и др.), либо к государственному ограничению некоторых нежелательных последствий «концентрации экономической силы» (Дж. Гэлбрейт и др.). Марксистский анализ роли монополий в условиях научно-технической революции позволяет не только разоблачать несостоятельность указанных буржуазных концепций, но и одновременно выявлять реальность социалистической перспективы.

1. Неоклассическая постановка проблемы и ее современные разновидности

Одна из наиболее давних традиций буржуазной политической экономии — рассматривать монополии в пределах отрасли и отраслевого рынка. Формирование этой традиции восходит к работам одного из основоположников неоклассической школы английского экономиста А. Маршалла. Монополия понималась А. Маршаллом как господство одной капиталистической фирмы в отрасли и на отраслевом рынке со всеми вытекающими последствиями — ростом цен, ограничением размеров производства и получением монопольной прибыли. Такая постановка с самого начала сужала проблему, придавала ей характер единичного, исключительного случая.

От А. Маршалла, по-видимому, исходит и традиция неоклассической трактовки взаимосвязи монополий с техническим прогрессом. В той крайне узкой постановке проблемы, которую придал ей Маршалл, монополия представлялась в качестве некоего «абсолютного зла», которого следует бояться, но которое довольно редко наблюдается в условиях капитализма. Что же касается фактов растущей концентрации, то, по Маршаллу, она не перерастет в монополию в силу большой жизнеспособности малых фирм, большой их приспособленности к внедрению технических нововведений. В частности, он отмечал, что, хотя использование специалистов-ученых и дает временные технические преимущества более крупным фирмам, «эти преимущества мало что значат в длительной перспективе по срав-

нению с превосходящей способностью к изобретательству множества небольших предприятий» [1].

Итак, уже в конце XIX—начале XX в. выявилось принципиальное расхождение в оценке перспектив капитализма между марксизмом и господствующим в то время направлением буржуазного экономического анализа. Как известно, работы В. И. Ленина доказали неизбежность перерастания капитализма свободной конкуренции в капитализм монополистический, неизбежность господства монополистических объединений во всех отраслях хозяйства. Напротив, неоклассики свои надежды на сохранение жизнеспособного капитализма связывали с сохранением «атомистической» структуры хозяйства, т. е. с устойчивостью многочисленных мелких и средних капиталистических предприятий в ведущих отраслях. Известно, что этим надеждам не суждено было сбыться. Но и сейчас многочисленные буржуазные теоретики продолжают верить, что возможно, ограничив теми или иными способами проявление монополий в экономике (само понятие монополии при этом трактуется, как отмечалось выше, весьма узко), создать условия для ускорения технического прогресса под воздействием сил конкуренции. Эта точка зрения на жизнеспособность конкурентного капитализма питает собой весьма обширную идеологическую традицию, на почве которой вырастают различные теории, концепции, модели и т. д. Ее формирование с характерной «антитрестовской» направленностью относится к концу XIX — началу XX в. и в США проходило на гребне широкого, мелкобуржуазного в своей основе, движения против растущего засилья американских «трестов»— монополий, возникших в то время в ведущих отраслях хозяйства. В социальной и экономической литературе представители этого направления получили наименование «взрыватели трестов». Тогда же были приняты основные американские «антитрестовские» законы [2].

Применительно к проблемам монополии и технического прогресса традиции неоклассической школы получили современное развитие в связи с так называемой теорией от-

[1] Цит. по: «Memorials of A. Marshall». Ed. by A. C. Pigou. New York, 1956, p. 279.

[2] Об истории принятия, содержания и практике американского антитрестовского законодательства см.: *О. А. Жидков.* Антитрестовское законодательство в США. М., 1963; «Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран». М., 1971, гл. IV.

раслевой организации [1], которая трактует сам феномен монополии как проявление «рыночной силы». Вышеупомянутая теория касается таких проблем, как роль полной отраслевой монополии, последствия раздела отрасли и возникающая взаимозависимость между немногими крупными фирмами (так называемая олигополия), различные формы сговоров и параллельного поведения, проницаемость отрасли для конкуренции других отраслей и новых фирм (проблема барьеров для новой конкуренции).

Наиболее современные формы монополистического господства, связанные с широкой многоотраслевой диверсификацией производства в крупнейших компаниях, с развитием многонациональных монополий, с вертикальной интеграцией, проходят мимо внимания теоретиков «отраслевой организации». Сосредоточив свое внимание на рассмотрении соотношения сил внутри отрасли в соответствии со своей концепцией «рыночной силы», представители этого направления зачастую попросту не видят тех сторон монополизации, которые не укладываются в их схему. В частности, для их позиции характерно полное игнорирование проблем больших размеров капиталистических компаний, если эти большие размеры каким-то образом не связаны с внутриотраслевым соотношением сил. В этом смысле показательно высказывание американского экономиста М. Эйдельмана: «Абсолютные размеры абсолютно никакого отношения к монополии не имеют» [2]. Если монополия — это определенная внутриотраслевая структура и «рыночная сила», вырастающая из этой структуры, то вся проблема технического прогресса на основе такого подхода получает весьма ограниченное, статическое преломление. Благоприятствует ли данная внутриотраслевая структура проведению технического прогресса — вот по существу единственный вопрос, интересующий теоретиков этого направления. Исходя именно из этих предпосылок, проделал в свое время большое экономико-статистическое исследование проф. Дж. Бейн. Рассмотрев и классифицировав различные монополистические структуры в отраслях (и прежде всего так называемые барьеры для новой кон-

[1] Наиболее известные экономисты США, работавшие в области теории «отраслевой организации» («industrial organization») — это Дж. Стиглер, Э. Мэйсон, Дж. Бейн; Англии — П. Эндрюс, Г. Ричардсон; ФРГ — В. Ойкен, А. Хальштейн, Х. Арндт.

[2] *M. A. Adelman.* The Measurement of Industrial Concentration. Washington, 1958, p. 7.

куренции), он пришел к выводу о влиянии этих структур в сторону повышения монопольных прибылей и появления избыточных производственных мощностей» [1].

В более поздней работе, посвященной международному сопоставлению уровней промышленной концентрации [2], автор распространяет свои выводы об отрицательном влиянии высокого уровня отраслевой монополизации на темпы технического прогресса и рост производительности труда в международных масштабах. Так, рассмотрев статистику отраслевой концентрации (доля крупнейших фирм в производстве и сбыте), автор пишет: «США и Англия имеют в среднем наиболее низкую концентрацию продавцов *внутри* [курсив авт. — *Ю. К.*] отдельных отраслей; Япония имеет несколько более высокую концентрацию, и в восходящем порядке Франция, Италия, Канада и Швеция обладают в среднем прогрессивно более высокими уровнями концентрации продавцов *внутри* индивидуальных отраслей» [3].

Надо сказать, что гипотеза Дж. Бейна о чуть ли не решающем воздействии проявлений «рыночной силы» на замедление темпов технического прогресса в Западной Европе по сравнению с США так и не подтвердилась. Еще раз, напомним, что Бейн трактует проявление монополии лишь в плане относительной позиции силы на отраслевых рынках [4].

Вообще та точка зрения, что американские монополии «лучше», прогрессивнее, чем европейские, является данью времени, когда американцы ощущали свое видимое техническое превосходство, и в условиях современного европейского динамизма явно сходит на нет.

В русле той же традиции противопоставления абсолютного «блага» конкуренции абсолютному «злу» монополии выполнена и работа американских экономистов У. Адамса

[1] *J. S. Bain.* The barriers to the new competition. Cambridge, 1956.
[2] *J. S. Bain.* International differences in industrial structure. Yale. 1966.
[3] Ibid., p. 119. Под «концентрацией продавцов» подразумевается удельный вес крупнейших фирм в отраслевом производстве.
[4] Внутриотраслевая промышленная концентрация в Швеции чрезвычайно высока (в 1967 г. средневзвешенная доля четырех крупнейших компаний в отраслях промышленности равнялась 78%). Помимо того около 1/4 промышленной продукции подпадало под действие картельного регулирования. Несмотря на это, Швеция достигла весьма высокого уровня производительности труда и производства национального дохода на душу населения.

и Дж. Дирлема о монополизации сталелитейной промышленности США [1]. Авторы считают, что техническое отставание американской черной металлургии, проявившееся в конце 50-х — начале 60-х годов, было следствием монополистической отраслевой структуры, усиленной высоким тарифным барьером, существовавшим на черные металлы в этот период. В частности, они рассматривают историю внедрения кислородно-конверторного способа плавки и непрерывной разливки стали, когда ярко проявилось нежелание крупнейших монополий, прежде всего «Юнайтед стейтс стил корп.», идти на риск крупной замены оборудования при наличии прочных монопольных позиций на внутреннем рынке. Однако ситуация, сложившаяся в черной металлургии США в тот период, явилась скорее исключением из правила. Действительно, почти полное «блокирование» внутриотраслевой и международной конкуренции позволило монополиям задержать технический прогресс, но вместе с тем в дальнейшем поставило черную металлургию США в весьма тяжелые условия на международном рынке. В условиях научно-технической революции монополисты, как правило, не могут допустить такую роскошь, как полное исключение конкуренции. Блокирование технического прогресса путем полного монополистического сговора — это действительно крайнее, хотя и весьма показательное проявление монополизации. Обычно же монополизация, сговор и острая конкурентная борьба наблюдаются одновременно и параллельно. Технический прогресс обостряет проявление и того и другого. Но именно для анализа таких динамических ситуаций менее всего приспособлена концепция «рыночной силы», имеющая ярко выраженный статический характер.

Все эти обстоятельства отнюдь не делают концепцию «рыночной силы» незначащей, маловажной. Ее широкое влияние покоится на двух основаниях. Первое — это то, что по крайней мере по форме она выступает против монополии, хотя фактически важнейшие проявления монополии проходят мимо ее внимания. Такая позиция обеспечивает этой концепции поддержку и сочувствие общественности капиталистических стран, настроенной антимонополистически и неискушенной в тонкостях экономической теории. Вторая причина влиятельности этой теории

[1] *W. Adams* and *J. Dirlam.* Big Steel, Invention and Innovation.— «Quarterly Journal of Economics», 1966, May, p. 167—189.

состоит в том, что она дает экономическое обоснование и оправдание антитрестовскому законодательству, широко распространенному в настоящее время в большинстве развитых капиталистических стран. В современном антитрестовском законодательстве, в характере его применения в капиталистических странах как в капле воды отражается противоречивость и ограниченность идеологии «эффективной» конкуренции, борьбы с проявлениями «рыночной силы», т. е. всей той суммы идей, которые антитрестовское законодательство черпает из идейного багажа современных форм неоклассического экономического анализа. Буржуазное государство, борясь с одними, и притом неглавными, проявлениями монополии, поощряет другие и создает значительно более мощные и далеко идущие формы монополизации. Примером такого рода противоречивости может служить современная Англия, в которой на государственном уровне одновременно действуют Совет по монополиям, Суд по рестрикционной практике, Корпорация промышленной реорганизации, причем если две первые организации призваны регулировать и ограничивать проявления монополизации, в основном на отраслевом уровне (Совет по монополиям занят вопросами размеров и структуры отраслей, тогда как Суд по рестрикционной практике рассматривает разного рода соглашения и различные формы монополистического сговора), то Корпорация промышленной реорганизации призвана проводить политику укрупнения и слияния английских компаний с целью повышения их конкурентоспособности на внешнем рынке [1].

[1] Видный английский экономист Т. Вилсон отмечает: «Одним из наиболее парадоксальных аспектов английской политики последнего времени является создание Корпорации промышленной реорганизации, главной целью деятельности которой является поощрение слияний» (*T. Wilson.* A review of policies on monopolies, mergers and restrictive practicies. London, 1971. p. 65). О политике английского правительства в этой области можно сказать: правая рука не ведает, что делает левая. В результате совместной политики государства и монополий произошло резкое ускорение концентрации производства и капитала в английской экономике, особенно за последнее десятилетие. При этом в качестве оправдания такой политики выдвигается задача создания гигантов, равных по размерам ведущим американским корпорациям, с целью достижения повышенной эффективности, особенно в сфере управления. Однако выигрыш в эффективности, который может быть достигнут стимулированием гигантизма, весьма сомнителен, тогда как усиление монополизации и монополистического давления, происходящее в английской экономике, бесспорно. Противоречие в области

Бросая ретроспективный взгляд на историю развития идеологии неоклассического подхода с концепцией «рыночной силы» в качестве ее составной части, можно сделать вывод, что основной ее целью было создание рецептов относительно эффективного функционирования капиталистического рыночного хозяйства. Формирование рынка, товарно-денежного механизма и на этой основе создание условий экономической эффективности — такова была, если можно так выразиться, сверхзадача всего неоклассического подхода.

Научно-техническая революция выводит все более обширные области экономики за пределы возможностей стихийного рыночного хозяйства. Общепризнано, что обширная область социальной и экономической инфраструктуры все меньше укладывается в рамки традиционных капиталистических методов хозяйствования, но капитализм упорно цепляется за изжившие себя формы экономической и социальной организации.

Но и в тех областях, где капиталистическое рыночное хозяйство, по-видимому, представляется еще эффективным, накапливаются проблемы, ждущие иного, некапиталистического решения.

Среди важнейших укажем на все более широко обсуждающуюся проблему «внешних» воздействий капиталистического рынка. Здесь и разрушение внешней среды, и проблема «ограбления соседа», происходящего в условиях развязывания частной инициативы, и проблема расхождения между капиталистической рентабельностью отдельной фирмы и рентабельностью отрасли. По мере роста экономики общество все в большей мере вынуждено считаться со всем этим. И с другой стороны, капитализм с его «эффективным» рыночным хозяйством все в меньшей мере способен решать эти назревшие социальные задачи.

В этом контексте роль неоклассической идеологии с адекватной ей «антитрестовской» политикой на государственном уровне представляется все более консервативной и вызывает критику со стороны тех буржуазных идеологов, которые признают необходимость реформ, обеспечивающих приспособление капитализма к новой обстановке в современном мире.

государственной политики относительно монополизации не в последнюю очередь отражает противоречия, существующие в идеологии двух подходов к проблеме монополии.

2.
Апологетика роли крупной капиталистической корпорации

Очевидный консерватизм неоклассического подхода к теории монополии и к роли научно-технического прогресса породил внутри буржуазной идеологии значительную оппозицию. Если неоклассики искали источники и жизнеспособность технического прогресса в существовании многочисленных мелких капиталистических фирм, то их оппоненты весьма резонно возражали, что в наше время важнейшие направления технического прогресса связаны с крупной экономической организацией. Но единственным видимым для них примером крупной экономической организации служила современная капиталистическая корпорация (акционерная компания) с ее широкими возможностями привлечения капитала в целях осуществления крупных технических проектов.

Сопоставляя и критикуя эти два важных течения внутри буржуазной идеологии, столь различно трактующие связь монополии с техническим прогрессом, мы исходим из ленинской постановки вопроса об историческом взаимодействии и причинно-следственной связи между концентрацией производства и монополией. «...Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» [1]. Таким образом устанавливается взаимосвязь и в то же время качественное различие элементов свободной конкуренции, концентрации производства и монополии в исторической динамике капиталистической системы хозяйства. Между тем для большинства идеологов крупной капиталистической организации, всячески подчеркивающих ее достоинства в смысле технической прогрессивности и эффективности, характерна слитная, тождественная трактовка элементов концентрации производства и монополии.

Впервые острая критика неоклассического подхода, особенно в вопросах экономической эффективности, оформилась в русле социально-институционального направления буржуазной политической экономии, в лице таких его столпов, как Т. Веблен и Й. Шумпетер. Оба этих экономиста и социальных философа остро критиковали капита-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

лизм, однако их социальная критика сопровождалась в целом положительной оценкой крупной организации и монополии в экономической области, в чем выражалась непоследовательность их воззрений.

Шумпетер считал, что развитие конкуренции в отраслях, сохранение «атомистической» структуры, к чему призывали неоклассики, несущественно с точки зрения общей динамики эффективности в условиях, когда технический прогресс приводит к новым видам конкуренции, пересекающим отраслевые и национальные перегородки.

На место статической модели ценовой конкуренции внутри отрасли, ведущей к постепенному снижению издержек производства и вытеснению менее эффективных фирм, Шумпетер выдвинул идею динамического процесса конкуренции, где «значение имеет конкуренция новых товаров, новой технологии, новых источников сырья, нового типа организации (например, укрупнение единицы контроля) — конкуренция, которая несет решающее преимущество в издержках или качестве и ставит под угрозу не просто норму прибыли и размеры выпуска продукции старых фирм, но самые основы их существования» [1].

С его точки зрения, монопольные прибыли, которые получают крупные фирмы-инноваторы, не являются социально нежелательными или социально опасными, наоборот, гарантия их получения, состоящая в монопольной позиции соответствующих фирм (через систему патентов, производственных секретов и других ограничений конкуренции), поощряет принятие и осуществление крупных и дорогостоящих технических решений. Законченное выражение эта линия аргументации получила в работах Дж. К. Гэлбрейта, у которого безусловное восхваление достоинств крупной монополистической фирмы в смысле технического прогресса достигло крайних проявлений: «Благое провидение... создало современную отрасль, состоящую из немногих крупных фирм, в качестве почти совершенного орудия технического прогресса. Она превосходно оснащена для финансирования технических изменений. Ее организация обладает мощными стимулами, поощряющими начинание и проведение в жизнь нововведений...» [2]

В этой точке зрения, защищаемой Гэлбрейтом и впоследствии, заключена прямая полемика со сторонниками

[1] *J. A. Schumpeter.* Capitalism, Socialism and Democracy. New York, 1942, p. 84.

[2] *J. K. Galbraith.* American Capitalism. New York, 1952, p. 91.

концепций «рыночной силы», считающими, что в условиях высокого уровня внутриотраслевой концентрации (олигополия) возникает угроза технической прогрессивности.

В настоящее время восхвалением «динамических» свойств крупной монополистической фирмы занимается и весьма влиятельная группа экономистов из Калифорнийского университета (Ф. Вестон, Г. Демсетц и др.). Они, так же как и Гэлбрейт, ведут острую критику сторонников концепции «рыночной силы», в частности пытаются доказать, что элементы монопольных структур, которые выделяют неоклассические экономисты при анализе отрасли, ничего не говорят о препятствиях либо, наоборот, стимулах к техническому прогрессу, проще говоря, не имеют отношения к рассматриваемому вопросу: «Структура отрасли больше говорит нам о характере издержек и о распределении талантов в отрасли, чем относительно наличия монопольной силы» [1]. Такой подход и такая критика неоклассиков были бы оправданны, если бы они действительно вели к выявлению процессов монополизации по другим, более общим линиям. Но критика неоклассиков со стороны экономистов из Калифорнийского университета не идет дальше выявления некоторых слабых пунктов в постановке вопроса. Объективно же получается, что неоклассики опровергают существование связи между абсолютными размерами фирмы и монополией (см. выше); их критики опровергают взаимосвязь между относительной концентрацией и монополией, и монополия вообще исчезает из поля зрения буржуазного экономического анализа. Сам термин «монополия» представители социально-институционального направления предпочитают не употреблять, заменяя его везде конкретным и «осязаемым» понятием «современная корпорация» или «зрелая корпорация» (ср. у Гэлбрейта в книге «Новое индустриальное общество»).

Та самодовольная точка зрения современных защитников крупной корпорации, что всякая добавочная повышенная прибыль есть достойная плата за технический прогресс, выявляет чисто буржуазный подход, поскольку даже не стремится поставить вопрос о социальных издержках, которые несет общество, и прежде всего трудящееся население, вследствие неограниченной монополистической эксплуатации результатов технического прогресса.

[1] *H. Demsetz.* The market concentration doctrine. Washington, 1973, p. 27.

Все, что касается неопровержимых данных статистики о наличии монопольных прибылей, успокоительно трактуется сквозь призму концепции «справедливой оплаты за технический прогресс». Никак иначе нельзя оценить следующее рассуждение видного экономиста из Калифорнийского университета: «Следует ожидать наличия корреляции между уровнем концентрации и нормой прибыли исходя из существования действенных стимулов, вознаграждающих лучшие результаты деятельности. Патенты, авторские права и т. д., вероятно, ведут к такой корреляции в результате социально-желательной эффективности. Превосходящие способности в снижении издержек или в улучшении продуктов, если даже они не запатентованы, также, вероятно, повышают такого рода корреляцию для значительных периодов времени» [1].

Итак, если монополия запатентовала или приобрела на стороне какое-либо важное изобретение, она может в течение «длительного периода» эксплуатировать его, пользуясь разного рода правовой защитой (патенты, производственные секреты и т. д.). Правда, идеологи монополистической эффективности уповают на то обстоятельство, что со временем разного рода имитаторы, производители товаров-заменителей, а также насыщение спроса новым товаром сами собой приведут к снижению цен и поставят монополизированный товар в один ряд с другими. Но расчет на то, что сами рыночные силы со временем решат проблемы монополизации технического прогресса, никак не принимает во внимание ни те издержки, которые за этот период понесет общество, ни возможность принципиально иного решения проблем внедрения и распространения результатов технического прогресса.

Если американская социально-институциональная школа обращает основное внимание на вопросы, связанные с размерами фирм, их способностью финансировать научно-технический прогресс, то в капиталистических странах Европы наблюдаются попытки оправдания и реабилитации разного рода монополистических соглашений между фирмами.

Английские экономисты П. Эндрюс и Г. Ричардсон поставили под вопрос попытку доказать вредность картельных и иных соглашений для технического прогресса [2].

[1] *H. Demsetz.* Op. cit., p. 20.
[2] *P. W. H. Andrews.* On competition in economic theory. London,

Рассматривая разного типа монопольные соглашения с точки зрения обмена информацией, Ричардсон доказывает что они, уменьшая неопределенность положения фирмы в ходе принятия решений, ведут к общей экономии. Конечно, невозможно отрицать наличие элементов координации и планирования, которые содержат в себе, в частности, разного рода соглашения между капиталистическими фирмами. Столь же очевидна экономия общественного труда, достигаемая в результате этих соглашений. Более того, элементы внутриотраслевого планирования в ряде европейских стран дополняются государственным индикативным планированием, влияющим на распределение долгосрочных капиталовложений в хозяйство и в некоторой степени исключающим дублирование вложений на уровне отдельных капиталистических фирм. Известно, что в этом отношении опыт некоторых европейских капиталистических стран (Голландия, Франция) богаче, чем опыт США, значительно более полагающихся на чисто рыночные методы регулирования капитальных вложений на уровне отраслей и отдельных фирм.

Однако эти соображения не дают никаких оснований считать европейские отраслевые монополистические соглашения «лучше» американских «динамичных» монополистических корпораций. И те и другие существуют с целью извлечения монопольных прибылей. И в том и в другом случае политика монополий заключается в одновременном снижении издержек и монополистическом взвинчивании относительных цен (взвинчивание относительно издержек) либо, если резервы снижения издержек исчерпаны, в выпуске новых видов продукции с одновременной монополистической стратегией цен[1]. Но как бы на поверхности ни выглядели монопольные прибыли, их характерные черты состоят в том, что они не подлежат общественному контролю, выходят (и по времени и по масштабам) далеко за пределы того первоначального вклада, на основе которого они возникают, и потому носят эксплуататорский, грабительский характер.

Это свойство монопольных прибылей, возникшее в тесной связи с техническим прогрессом, особенно наглядно

1964; *G. B. Richardson.* Price notification schemes. Oxford Economic Papers, November, 1967.

[1] О методах монополистического ценообразования см.: «Проблемы и противоречия экономического роста в империалистических странах». М., 1975, гл. V.

проявляется в деятельности международных капиталистических компаний. Стимулом для развития многих технически совершенных производств на территории чужих стран для крупнейших корпораций была возможность в течение длительного периода извлекать прибыли из своего монопольного положения на соответствующих национальных рынках. Американские корпорации пользовались при этом тем стратегическим преимуществом, что значительные расходы на научные разработки и внедрение в производство, которые были ими предварительно произведены и окуплены на внутреннем рынке США, эффективно защищали в большинстве случаев американские филиалы от конкуренции национальных компаний, не располагающих ни опытом, ни средствами проведения научных разработок в таких масштабах.

Примером такой ситуации может служить и производство ЭВМ, и производство некоторых конструктивно весьма сложных предметов потребления долговременного пользования. При этом американские корпорации выглядели проводниками технического прогресса. Но фактически такой монополистический тип технического прогресса обходился странам, куда он направлялся, значительно дороже, чем стоило бы налаживание национального производства на основе покупки патентов, лицензий, технических знаний, т. е. по сравнению с тем путем, по которому идут социалистические страны при развитии контактов с крупными капиталистическими фирмами.

3. Эмпирические исследования взаимосвязи концентрация — технический прогресс

Охарактеризованное выше размежевание экономической теории по вопросу о соотношении монополии и технического прогресса происходило на фоне многочисленных эмпирических, экономико-статистических исследований, касавшихся статистики важнейших изобретений, их источников, экономической эффективности затрат на научные исследования и разработки и т. д. В этих работах преимущественно ставились вопросы, связанные с технико-экономической стороной научно-технического прогресса, с

проблемами экономической организации соответствующей потребностям научно-технической революции. Организация экономической и научной деятельности бралась в основном безотносительно к конкретным социально-экономическим условиям, в которых она осуществляется. Естественно, что исследования этого рода меньше всего подходят для характеристики последствий капиталистического применения научно-технического прогресса, для анализа роли монополистического фактора.

Между тем развитие производительных сил, развертывание научно-технической революции в большой степени увеличивают силу и влияние монополистического бизнеса и одновременно с этим все острее ставят задачи социальных преобразований. Поэтому работы эмпирического характера заслуживают внимательного анализа не только с точки зрения технико-экономической характеристики технического прогресса и изучения форм экономической организации, но и с более широких политико-экономической и социальной позиций.

Весьма подробно был исследован вопрос об источниках важных изобретений при капитализме. Помимо объективной познавательной ценности экономического анализа изобретательской деятельности и большого интереса, который представляет статистическая сводка важнейших изобретений XX в., послуживших после их доведения до стадии промышленного производства бурному прогрессу производительных сил, интерес к этой области питался и определенной идейной установкой многих исследователей, поскольку на примере этой области часто пытались доказать, что частнопредпринимательская активность изобретателей-одиночек и небольших лабораторий питает собой технический прогресс XX в.

Не удивительно, что многие конкретные исследования сопровождались шумной социальной демагогией. Особенно характерны в этом отношении материалы конгресса США, собранные в ходе многолетних заседаний подкомитета по антитрестовскому законодательству и монополиям [1]. Большинство материалов этого разбирательства имеет явно социальную окраску, поскольку их авторы стремились доказать необыкновенную продуктивность деятельности изо-

[1] «Economic Concentration. Hearings before the sub-committee... US Senate». Vol. III, Concentration, Invention and Innovation. Washington, 1965; Vol. VI, New technologies and concentration. Washington, 1967.

бретателя-одиночки. Однако, как замечает по поводу этих материалов западногерманский эксперт Г. Альбрехтскиршингер, «необходимое тщательное разграничение между изобретательством (invention) и внедрением изобретений (innovation) не всегда проводилось достаточно четко» [1]. Последнее замечание существенно, поскольку именно на стадии внедрения изобретений с особой силой проявляются преимущества крупной формы организации. Ряд исследований, касающихся источников изобретательства, получил широкую известность [2]. В них, в частности, отмечается, что значительная доля важнейших изобретений XX в. исходила от независимых изобретателей, мелких фирм, университетских лабораторий, сельскохозяйственных экспериментальных станций, т. е. возникла за пределами лабораторий крупных капиталистических корпораций [3]. Но если рассматривать подробно только более поздний период (50-е и 60-е годы), то, по авторитетному свидетельству, значение перечисленных источников важных изобретений относительно снижается [4].

Исследования источников изобретательской деятельности привели к весьма оживленной дискуссии как среди экономистов, так и среди специалистов-экспертов. Важнейшее возражение со стороны тех, кто не был согласен с преувеличенной ролью, приписываемой индивидуальной инициативе и мелкому предпринимательству, состояло в том, что решающие стадии процесса нововведений, определяющие дальнейшую судьбу изобретений и их роль в социально-экономическом развитии, сосредоточены в крупных корпорациях и требуют концентрации ученых-специалистов и материальных средств. Приводилась при этом как доля крупнейших корпораций в затратах на НИОКР (научные исследования и опытно-конструкторские разработки), так и структура расходов на НИОКР внутри корпораций [5]. Но еще важнее по сравнению с общей суммой

[1] «International Conference on Monopolies, Mergers and Restrictive Practices». London, 1971, p. 163.

[2] Список литературы по этому вопросу содержится в кн.: *Э. Мэнсфилд.* Экономика научно-технического прогресса. М., 1970, стр. 65—68.

[3] *D. Hamberg.* R and D Essays on the Economics of Research and Development. New York. 1966, p. 16.

[4] *R. Nelson, M. Peck, E. Kalachek*: Technology, Economic Growth and Public Policy. Washington, 1967, p. 57.

[5] В большинстве развитых стран от 80 до 90% общих фондов на НИОКР сосредоточено в 100 крупнейших промышленных фир-

средств, затрачиваемой на науку в крупных корпорациях, их реальная отдача. Английский исследователь К. Фримэн красноречиво доказывает, что важнейшие усовершенствования и изменения, доводящие изобретение до уровня, когда оно становится неотъемлемой частью экономики и общества, производятся в ходе кропотливой и зачастую рутинной работы в крупных корпорациях. Эта работа в социально-экономическом аспекте, по мнению Фримэна, в большинстве случаев важнее, чем само изобретение, которое должно еще доказать свою жизнеспособность и экономический потенциал [1].

Его оппоненты со своей стороны пытаются уверить, что и на стадии опытно-конструкторских разработок и внедрения роль небольших фирм продолжает оставаться весьма существенной, в том числе в ряде новейших производств, электроники и т. д. В качестве доказательства при этом приводится пример осуществления программы «Аполлон», которая выполнялась большим числом частных корпораций разного масштаба под координирующей эгидой НАСА. Указывают, в частности, на примеры новых небольших фирм в приборостроении и электронике, «отпочковавшихся» от университетских и государственных лабораторий в результате активности ученого-предпринимателя [2].

На основании этих примеров считают, что и в дальнейшем будет поддерживаться некоторое динамическое равновесие между изобретениями и разработками, требующими концентрации больших средств, и другими, осуществляемыми на основе небольших вложений капитала, но дающими значительный экономический эффект [3].

По существу такое предположение основано на простой экстраполяции прошлого опыта, причем опыта, имеющего уже значительную давность. Оно не учитывает некоторых

мах («Research and Development in Industry», 1968). Деление этих фондов на различные стадии проводилось в следующих пропорциях: 78% — на разработку и внедрение, 18% — на прикладные исследования, 4% — на фундаментальные исследования (*R. Nelson* a. o. Op. cit., p. 55).

[1] *C. Freeman.* Innovation and the firm size. In: «International Conference...», p. 150

[2] «International Conference...», p. 148.

[3] «Проекты, требующие обширных и комплексных затрат на исследования и разработку, не являются общим правилом и в будущем составят лишь часть (subset) общего направления развития» (*D. Turner* and *O. Williamson.* In: «International Conference...», p. 133).

новейших тенденций в развитии научно-технического прогресса.

Определяя общие перспективы развития концентрации в связи с направлениями научно-технического прогресса, подавляющее большинство буржуазных экономистов склонно делать весьма осторожные выводы. Пожалуй, лучше всего общий тон этих выводов выражен в высказывании западногерманского эксперта в области научно-технических разработок: «Нет оснований считать определенную величину фирмы или определенную рыночную структуру оптимально соответствующей техническому прогрессу. Имеющиеся исследования взаимозависимости между размерами фирмы и темпом нововведений составляют, по-видимому, недостаточный базис для рекомендаций в экономической политике» [1]. Что ж, такой вывод вполне устроит и представителей концепции «рыночной силы», возлагающих основные надежды на развитие «работоспособной» конкуренции, и разного рода «институционалистов», связывающих перспективы технического прогресса исключительно с крупной монополистической корпорацией. Именно по этой причине работы экономистов-статистиков и экспертов, исследующие характер взаимосвязи между концентрацией и научно-техническим прогрессом, не составляют особого идейного течения. Главное содержание этих работ связано с исследованием технико-экономической и организационной структуры экономики, возникающей в ходе научно-технической революции. Но по тому, как в ходе этой работы расставляются акценты, на какие процессы обращается повышенное внимание, видно, каков характер идейных симпатий того или иного автора. Технико-экономические исследования научно-технического прогресса отнюдь не являются идеологически нейтральными. Даже по тому, о чем умалчивают эти исследования, видно отсутствие идеологической нейтральности. А умолчания идут по линии социально-экономических последствий развития техники.

Конечно, оценка структуры научно-технического прогресса, роли фирм различных размеров может различаться. В основе этих различий лежит объективно сложный, не укладывающийся в единую схему процесс научно-технической революции. Однако социально-экономические процес-

[1] *G. Albrechtskirchinger.* Market structure in relation to firm growth. In: «International Conference...», p. 162.

сы, сопровождающие научно-техническую революцию, обладают в условиях капитализма определившейся структурой. Усилия монополий направляются на заключительные стадии научно-технического прогресса, связанные с доведением его до стадии рынка, стадии массового сбыта. На этом пути достигается и монополизация результатов научно-технической революции.

4. Новейшие формы монополистической концентрации и несостоятельность буржуазных теорий

В настоящее время вопрос о научно-технической революции неразрывно связан с вопросом об организационных формах ее осуществления. За последнее время процессы монополистической концентрации достигли как в национальных рамках, так и на международной арене такого размаха и значения, что это породило ряд новых буржуазных теоретических конструкций. Мы собираемся рассмотреть некоторые основные теории, касающиеся двух наиболее заметных явлений в области монополистической концентрации, а именно процесса слияний и поглощений и образования так называемых диверсифицированных компаний (конгломератов), и, второе, теорий, связанных с возрастающей ролью многонациональных корпораций (МНК).

И в том и в другом случае общая методологическая особенность буржуазного подхода, находящегося в русле апологетики крупной капиталистической корпорации, состоит в том, чтобы выдать капиталистические методы осуществления организационного прогресса за самое сущность прогресса и одновременно затушевать монополистические последствия усложнения организационных форм.

Организационные изменения, осуществляемые на путях монополистической концентрации, чаще всего трактуются лишь с точки зрения экономической эффективности. Это характерно, в частности, для некоторых теоретических схем, объясняющих логику капиталистических слияний и диверсификации. Теоретик слияний и диверсификации Ф. Вестон пишет: «Таким образом, это двойное следствие: ускорившийся темп технического прогресса и улучшившаяся техника управления, планирования, конт-

роля и т. д. повышают перспективы прибыльной деятельности в результате диверсификации»[1]. Такие объяснения помимо апологетического привкуса обладают еще той особенностью, что рассматривают вопрос о слияниях вне исторического контекста, вне реальной социально-экономической обстановки, подготовлявшей и сопровождавшей этот процесс. Возьмем, например, модную теорию синергизма, при помощи которой делались попытки объяснить конгломератные слияния[2]. Суть ее применительно к слияниям состоит в том положении, что максимум суммы использованных ресурсов больше суммы максимумов использования этих ресурсов. Иначе говоря, если мы обозначим набор ресурсов одной фирмы как X, а набор ресурсов другой фирмы — как Y, то $\text{Max}\ (X + Y) > \text{Max}\ X + \text{Max}\ Y$. Такое явление возможно, если каждая из фирм имеет ограничение по одному ресурсу, но эти ограничения у двух фирм не совпадают. В таком случае объединение ресурсов послужит их лучшему использованию. Конечно, невозможно отрицать, что многие слияния сопровождались такого рода явлениями, связанными с лучшим использованием ресурсов, их внутренним перераспределением и т. д. Однако дело в том, что ни периодизации слияний, ни их распределения по отраслям концепция синергизма не объясняла. Что же касается конгломератных слияний, то слишком большое число их, по свидетельству экономической периодики, не вело ни к какому эффекту синергизма, они предпринимались с самого начала с совершенно иными целями. Поэтому концепция синергизма при объяснении конгломератных слияний оказалась абстрактной, лишенной политико-экономического смысла. Столь же недостаточной для объяснения конгломератных слияний оказалась и ставшая уже традиционной теория «рыночной силы», объяснявшая слияния монопольными выгодами на рынке, извлекаемыми слившейся фирмой. Большинство конгломератных многоотраслевых слияний оставляло присоединяемые фирмы в том же самом конкурентном окружении, в котором они находились и до слияния. Ни произвольно повысить продажные, ни произвольно понизить закупочные цены они не имели возможности. Очевидно, монополистический характер такого рода слияний заключался не в новой рыночной

[1] «The Corporate Merger». McGrow Hill, 1966, p. 51.

[2] *D. E. Logue* and *P. A. Naert*. A Theory of Conglomerate Mergers. — «Quarterly Journal of Economics». November 1970, p. 665—667.

ситуации, а в чем-то ином, для анализа чего теория рыночной силы не была приспособлена.

Слабость существовавшей теории слияний охотно признается современной буржуазной политэкономией. Один из исследователей этого вопроса, Деннис Мюллер (США), писал: «Слияния всегда были в некотором смысле загадкой для теории фирмы. Обсуждение последних событий в этой области, причин слияний, их размаха лишь частично смогло прийти к теоретическому истолкованию» [1].

Не получает также отражения в буржуазных теориях и спекулятивный, эксплуататорский характер слияний и связанное с ним перераспределение общественного дохода, достигаемое капиталистическими методами. Даже в тех случаях, когда при посредстве слияний реализуется определенный организационный прогресс, достигаются более эффективные формы организации (а именно таким способом при капитализме реализуется процесс дальнейшего обобществления производительных сил), и в этих случаях следует обратить особое внимание на те затраты, которые несет при этом общество. Обычно при капиталистической форме осуществления слияний огромные суммы выплачиваются акционерам, спекулянтам, учредителям и т. д.[2] Можно сделать общий вывод, что адепты слияний и укрупнения капиталистического бизнеса видят лишь одну сторону этого дела — повышение эффективности и совершенно не обращают внимания на другую сторону — на то, что результаты этой возросшей эффективности достаются крупной и крупнейшей буржуазии, банкам, крупным биржевым спекулянтам, капиталистам—учредителям и инициаторам слияний. Таковы сущность и результат организационного прогресса в его капиталистических формах.

Проблема монополизации научно-технического прогресса в последние годы стоит особенно остро в связи с той

[1] «Quarterly Journal of Economics», 1969, November, p. 643.

[2] Например, поглощение в 1968 г. металлургической компании «Джоунз энд Лафлин» конгломератом «Линг-Темко-Воут» сопровождалось скупкой на бирже акций поглощаемой компании по спекулятивно взвинченным ценам в 425 млн. долл. с целью захвата контроля в совете директоров. Такие методы экономической войны стали характерной особенностью процесса капиталистических слияний. И всегда их «побочный» результат — повышение капиталистических форм дохода: рост дивидендов; рост сумм, выплачиваемых владельцам акций при их скупке; рост процентных выплат за банковские ссуды, получаемые с целью осуществления слияний.

растущей ролью, которую играют в международных экономических отношениях так называемые многонациональные корпорации (МНК) [1]. Характерно, что к этой форме монополистического объединения с одинаковым одобрением относятся как представители концепции «рыночной силы», так и институционалисты. Для первых рост МНК означает, что в ходе интернационализации экономической жизни снимаются национальные перегородки отраслевых рынков и, в соответствии с их теорией «рыночной силы», происходит уменьшение воздействия монопольного фактора. Для вторых рост МНК представляется тем идеалом сосредоточения ресурсов, к которому следует стремиться для осуществления научно-технического прогресса. Ни те, ни другие не уделяют при этом внимания реальным процессам монополизации, сопровождающим капиталистические формы интернационализации экономической жизни. Значительно острее критикуют монополистические последствия технического прогресса, связанные с распространением МНК, экономисты развивающихся стран. Выбор пути экономического развития особенно актуален для этих стран. Естественно, что они особенно остро реагируют на такие проявления деятельности МНК, как монополистическая структура цен, перевод прибылей в страну-донор. В последнее время обращается также внимание на то, что при огромных размерах и большом внутрифирменном обороте (оборот между отделениями, расположенными в разных странах) МНК, маневрируя внутренними расчетными ценами, переводят прибыли в те пункты своей разветвленной структуры, куда им это выгодно. Этот «безболезненный» способ перевода прибылей в первую очередь из развивающихся стран, где они подвергаются высокому местному налогообложению, в развитые страны стал широко распространенной практикой. Индийский экономист С. Лалл в связи с этим пишет: «...объявленные доходы многонациональных компаний намного меньше, чем стоимость внутрифирменной торговли, так что сравнительно незначительное изменение расчетных цен может привести к очень большому изменению прибыльности... доступные данные указывают, что расчетные цены направленно ис-

[1] До последнего времени термин «многонациональная корпорация» означал, за немногими исключениями, американскую корпорацию с многочисленными зарубежными отделениями. В последние годы имеет место значительный рост числа английских, западногерманских, японских МНК.

пользуются для перевода прибылей»[1]. Расчеты, приведенные индийским экономистом и основанные на конкретных обследованиях деятельности МНК в ряде развивающихся стран, свидетельствуют, что система внутрифирменных расчетных цен стала в руках монополий мощным орудием сосредоточения и узурпации плодов технического прогресса.

В этих условиях ряд экономистов из буржуазного лагеря не могут не искать иные пути экономического и технического развития, на которых можно было бы преодолеть монополистические методы осуществления научно-технической революции. В большинстве случаев такие поиски идут в рамках буржуазного и социал-демократического реформизма. Известный английский исследователь проблем экономической организации и управления П. С. Флоренс в последнем издании своего труда «Логика сравнительной организации и управления в промышленности Англии и США»[2] предпринял попытку подробной классификации признаков, указывающих, что та или иная отрасль не может далее развиваться и совершенствоваться в организационном и техническом отношении, оставаясь в частнокапиталистической собственности. Сводка этих признаков выводит за рамки капитализма большую часть современной капиталистической промышленности[3].

Работы, подобные книге П. Флоренса, служат основанием для различных социал-демократических программ национализации и разных проектов общественного управления промышленностью в ряде капиталистических стран. И хотя эти работы не ставят задач радикального поворота к социализму, острая политическая борьба, развернувшаяся вокруг программ национализации и общественного контроля над монополиями, показывает, насколько назрели и широко осознаются задачи иного, некапиталистического решения актуальных экономических и социальных проблем.

То преломление, которое получает в различных буржуазных теориях монополии противоречивый процесс научно-

[1] *S. Lall.* Transfer Pricing by Multynational Manufacturing Firms. — «Oxford Bulletin of Economics and Statistics», 1973, N 3, p. 188.

[2] *P. S. Florence.* The Logic of Comparative Structure and Government in British and US Industry. London, 1972.

[3] Ibid., p. 267—274.

технической революции, вопреки желанию буржуазных теоретиков проливает дополнительный свет на сущность современных социально-экономических процессов в условиях развитого капитализма.

Буржуазная апологетика пытается установить «вечную» связь между монополией и техническим прогрессом, провозглашая монопольные прибыли двигателем прогресса и, с другой стороны, достойной платой за прогресс. При этом обходится стороной вопрос о социальных издержках, которые несет общество, и прежде всего трудящееся население, в результате неограниченной монополистической эксплуатации технического прогресса.

Общая методология буржуазного подхода состоит в том, чтобы выдать капиталистические методы осуществления технического и организационного прогресса за самое его сущность. Адепты слияний и укрупнения капиталистического бизнеса видят лишь одну сторону этого дела — повышение эффективности и стремятся затушевать другую — то, что результаты этой эффективности достаются крупной буржуазии, банкам, биржевым спекулянтам.

На международной арене монополистические методы осуществления технического прогресса означают попытку продлить экономическое неравенство и политическую зависимость.

Глава
седьмая

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

«Сопровождающаяся при противоположных способах производства различными социальными последствиями научно-техническая революция способствует ускорению развития производительных сил во всемирном масштабе, что делает все более актуальной проблему сохранения окружающей среды, биологического равновесия» [1]. Привлечение внимания мировой науки и общественности к проблеме взаимоотношений общества и природной среды нашло свое выражение, в частности, в появлении в последние годы целого ряда философских, экономических, социологических, правовых и прочих теорий и концепций, посвященных анализу данной проблемы. Для буржуазных концепций, связанных с проблемами окружающей среды, в целом характерно выхолащивание социального содержания экологического конфликта, стремление переложить издержки природоохранных мероприятий на плечи трудящихся и т. п.

Современный экологический конфликт — это угроза истощения невозобновимых ресурсов природы и загрязне-

[1] «Об углублении общего кризиса капитализма». — «Проблемы мира и социализма», 1974, № 8, стр. 50.

ния биосферы. Последнее определяется экологами как ввод в окружающую среду веществ, вредных для человека, мешающих ему использовать свое собственное окружение. Эти вещества вносятся в биосферу прежде всего с массой отходов производства и потребления. По мере ускорения развития производительных сил нагрузка на окружающую среду стремительно возрастает. Ключ к объяснению генезиса экологического конфликта — в правильном научном понимании и трактовке особенностей и характера научно-технической революции. Теоретическое искажение ее содержания и последствий в трудах буржуазных философов, экономистов и социологов накладывает свой отпечаток на современные экологические концепции.

1. Концепция «нулевого роста»

В последние годы в западной экономической литературе под непосредственным влиянием возникшей проблемы окружающей среды резко усилилась критика в адрес теории экономического роста, занимающей более трети века центральное место в буржуазной политической экономии и лежащей в основе государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики. Получившая в последнее время широкое распространение концепция «нулевого роста» не только ставит под сомнение нынешние формы и методы экономической политики капиталистических государств, но и вообще отвергает самое идею необходимости продолжения расширенного воспроизводства.

Проблема окружающей среды застала врасплох буржуазную экономическую науку. В долгосрочных прогнозах буржуазных ученых при определении темпов роста на 70—80-е годы решающее значение придавалось рыночным факторам, т. е. факторам, лежащим на стороне спроса. Буквально за несколько лет до осуществления такого дорогостоящего мероприятия, как запуск «Скайлэба», одной из главных целей которого являются поиски новых природных ресурсов, авторитетная американская научно-исследовательская корпорация «Ресурсы для будущего» в долгосрочном прогнозе перспектив производства основных видов продукции на ближайшие 40 лет выражала уверенность, что в историческом плане не действует какая-либо

общая тенденция ко все большему оскудению ресурсов [1]. Прогнозы, выполненные с использованием новейших методов количественного анализа и ЭВМ, оказались явно несостоятельными.

До недавнего времени буржуазная наука считала, что ресурсы не являются ограничителями экономического роста [2], причем возобновимые ресурсы (воздух, вода, почвы) рассматривались как неиссякаемый дар природы, не реагирующий на прошлые и настоящие затраты общественного труда. Сегодня в трудах буржуазных экономистов эта категория ресурсов оказывается вовлеченной в орбиту экономического анализа в качестве факторов первого порядка, в значительной мере определяющих динамику и структуру материального прогресса. В прошлом, в 50—60-х годах, темпам экономического роста отводилась решающая роль в стратегии империализма США, Японии, ФРГ, Франции. В наше время многие буржуазные экономисты под предлогом сохранения окружающей среды настойчиво и активно выступают за снижение темпов прироста общественной продукции и даже рекомендуют отказаться от расширенного воспроизводства. Подобное шараханье из стороны в сторону буржуазной экономической мысли весьма симптоматично. Утилитарный и откровенно прагматический характер теории экономического роста, обслуживающей классовые интересы общественного меньшинства, не позволяет ей постичь всю глубину противоречий, порожденных научно-технической революцией. Подтверждается тем самым сделанное в «Анти-Дюринге» предвидение Ф. Энгельса о том, что буржуазия неспособна к дальнейшему господству над собственными производительными силами, переросшими ее власть и руководство [3].

Конец 60-х и начало 70-х годов были отмечены атаками многих буржуазных ученых на теорию и практику современного экономического роста. Впервые в нынешнем сто-

[1] На страницах этого прогноза встречались такие, к примеру, утверждения: «Пресной воды, полученной в дар от природы, более чем достаточно для обеспечения уровня экономического развития... Маловероятно, что на протяжении последующих 40 лет встретятся большие затруднения в удовлетворении энергетических потребностей» (*Г. Ландсберг, Л. Фишман, Дж. Фишер.* Ресурсы США в будущем, т. I. М., 1965, стр. 33, 55, 431).

[2] *F. Fisher, A. Boorstein.* The Adequacy of Resources for Economic Growth in the USA; *A. Barach.* USA and its Economic Future. New York. 1964.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 161, 169.

летии теория экономического роста не просто критиковалась, а отвергалась, как говорится, на корню. Страницы научных изданий заполнили прямые и откровенные призывы к отказу от расширенного воспроизводства, рецепты «нулевого прироста» населения, производства и т. п. [1]

Основной аргумент противников теории и практики экономического роста — диаметральная противоположность нынешних форм и путей развития современной экономики требованиям устойчивости экологической системы. Сохранение динамики и структуры материального производства, по их мнению, усугубляет нарушение экологического равновесия и рано или поздно приведет человечество к состоянию хаоса, за которым последует установление баланса между населением и производством жизненных благ на крайне низком уровне.

Американские экономисты Д. Хардести, Н. Клемент и К. Дженкс в работе «Политическая экономия разрушения окружающей среды» считают, что валовой национальный продукт следует рассматривать в первую очередь исходя из «вклада» его компонентов в разрушение среды. В связи с этим ими предлагается классификация всего потока производимых товаров и услуг, в основу которой кладется способ и форма нанесения ущерба окружающей природе теми или иными группами товаров и услуг [2]. Английский эколог Г. Р. Тейлор пишет: «Одной из причин, почему не может продолжаться нынешнее бурное развитие техники, является положение в области мировых ресурсов. Население Северной Америки, составляющее 7,5% населения земного шара, потребляет примерно 50% этих ресурсов. К 2000 г. оно будет поглощать, если ему это позволят, все ресурсы» [3]. П. Эрлих и В. Л. Херимен ратуют за то, чтобы промышленно развитые страны вступили на путь пониженного развития, а развивающиеся замедлили темпы

[1] Среди авторов подобных рекомендаций можно встретить немало известных ученых: супруги Эрлих, К. Боулдинг, Дж. Форрестер, А. Тойнби, Р. Арон, Э. Мишэн, Р. Хейлбронер, Г. Браун, Г. Барнетт, С. Мансхолт, Дж. Фишер, Г. Ландсберг, Г. Ричардсон, У. Джонсон, Г. Дейли, Д. Уэлес, Г. Вилард и др. Группа английских экологов во главе с Е. Голдсмитом пошла несколько дальше своих коллег, выступив с идеей «отрицательного роста» как осознанной цели для общества («Qualität des Lebens», Bd 1. Frankfurt am Main, 1972, S. 35).

[2] «Economic Growth vs. the Environment». Diego State College, 1972, p. 37, 38, 85—89.

[3] *G. R. Taylor.* The Doomsday Book. London, 1970, p. 292.

своего развития [1]. А Э. Мишэн и Г. Ричардсон, ссылаясь на более быстрый рост ущерба от загрязнения среды по сравнению с ростом промышленной продукции, также выступают против роста национального продукта [2].

Широкий резонанс вызвала книга «Пределы роста», написанная группой ученых Римского клуба во главе с Г. Медоузом из Массачусетского технологического института [3]. В книге утверждается, что в результате загрязнения биосферы, истощения полезных ископаемых, нехватки продовольствия и т. п. человечество уже в следующем столетии будет свидетелем сокращения численности населения. Единственной возможностью предотвращения мировой катастрофы, утверждают авторы, является «замораживание» нынешнего уровня населения и отказ от расширенного воспроизводства. В качестве альтернативы современному экономическому развитию выдвигается так называемое состояние равновесия, характеризуемое прекращением демографического и экономического роста.

В отличие от других трудов, посвященных проблеме природной среды и мировых ресурсов и в большинстве своем представляющих исследования эмпирического характера, в работе «Пределы роста» делается попытка в глобальном плане рассмотреть вопросы воздействия современного материального прогресса на окружающую среду и мировые ресурсы. В качестве факторов, определяющих пределы роста, в данной работе указывают: население, производство продовольствия, индустриализацию, потребление невозобновимых и возобновимых ресурсов. Сконструированный при помощи методов системного анализа и моделирования структуры основных динамических сцеплений между всеми факторами, конституирующими будущее развитие мира, долгосрочный прогноз ученых Римского клуба был рассчитан на ЭВМ.

Мрачные выводы книги «Пределы роста» о неотвратимом приближении развития хозяйственной системы нашей планеты к ее естественным пределам в первую очередь обусловлены полным абстрагированием ее авторов от со-

[1] *P. R. Ehrlich, B. L. Harriman.* How to be a survivor. London — New York, 1971, p. 81.

[2] «National Westminster Bank Quarterly Review». London, 1972, May, p. 43—52.

[3] Римский клуб — неправительственная организация ученых и предпринимателей различных стран, занимающихся изучением межнациональных проблем развития современного мира.

циально-политических условий и факторов. В системе биосфера — общество выражены два вида связей. Одни из них выражают существо процесса обмена веществ между обществом и природой через уровень развития производительных сил. Другие, не менее важные определяются классовой, социальной структурой общества, которая при капитализме носит антагонистический характер, что и находит свое выражение в противоречивом отношении к природе. Так, именно второй вид связей в моделях Медоуза и его соавторов не учитывается. Практически эти модели разыгрываются в выхолощенном ирреальном мире, не знающем национальных границ, неравномерной обеспеченности полезными ископаемыми и людскими ресурсами, а самое главное, различий в социальном устройстве.

Прогнозируя будущее, авторы полностью сбрасывают со счетов возрастающее влияние на ход мировых процессов социалистической системы. Благодаря наличию общественной собственности на средства производства, плановости народного хозяйства, отсутствию классового антагонизма и других факторов экономический рост и отношение к природе в странах социализма подчинены иным закономерностям, чем в капиталистическом мире.

В целом современное направление сторонников отказа от расширенного воспроизводства следует охарактеризовать как неомальтузианское. Духовное родство и близость к мальтузианской философии наиболее рельефно выступают в книге «Пределы роста». 150 лет тому назад Мальтус, как известно, первым в буржуазной политэкономии в довольно категоричной форме поставил вопрос о физических пределах развития человеческого общества. Последние были обозначены им как диспропорция между демографическим ростом и состоянием продовольственной базы.

Общность эконометрических моделей роста Форрестера—Медоуза и доморощенных прогнозов Мальтуса очевидна. И для приверженцев системного анализа, и для их предшественника полуторавековой давности характерно возведение в абсолют количественной закономерности роста, которая и объявляется главной причиной исчерпания возможностей для дальнейшего развития. У Мальтуса это прирост населения в соответствии с геометрической, а производство продовольствия — арифметической прогрессиями, в работе ученых Римского клуба это экспоненциальный рост основных, указанных выше детерминантов роста.

Прогноз на 2100 г. в рассматриваемой книге «Пределы роста» опирается на основные тенденции структурных связей прошлого начиная с 1900 г. Основная, по мнению авторов, закономерность экономического развития за эти годы — экспоненциальный рост. Но ведь за ним скрываются и две мировые войны, и опустошительный кризис 1929—1933 гг., и многое другое. Механическое пролонгирование тенденций и структуры прожитых человечеством лет на будущее в наше время чревато опасностью просчетов. Сущность научно-технической революции как раз и заключается в том, что она порождает новые закономерности и тенденции развития сферы материального производства.

Современная концепция «нулевого роста» носит антисоциальный характер. В условиях несправедливого капиталистического распределения национального дохода рост материального производства, с точки зрения трудящихся, не является мерилом общественного прогресса. Но несравненно большие лишения и материальные потери сулит им замедление скорости экономического развития, а тем более и прекращение расширенного воспроизводства. Претворение в жизнь концепции «нулевого роста» означает резкое увеличение безработицы и «замораживание» реальной заработной платы, поскольку отказ от расширенного воспроизводства логически обусловливает и отказ от роста личного потребления. Для большинства стран «третьего мира», прилагающих сегодня максимум усилий к ускорению своего экономического развития, замораживание уровня промышленного производства или даже снижение темпов его прироста означает увековечение хозяйственной отсталости и полуголодного существования.

Своеобразной реакцией на концепцию «нулевого роста» можно считать возникновение другого направления в буржуазных теориях сохранения природной среды — так называемого технического оптимизма. Справедливо указывая на игнорирование и недооценку авторами «Пределов роста» влияния новейших тенденций научного и технического прогресса, представители этого направления подвергают проверке модели Форрестера — Медоуза, вводя в них новые переменные, выражающие новейшие тенденции технического прогресса.

Американский ученый Р. Бойд из Калифорнийского университета изменил модель Дж. Форрестера, добавив переменную «технология» и коэффициенты, выражающие

влияние научно-технического прогресса на другие факторы глобального развития мира. Результаты модели Р. Бойда отличаются от выводов сторонников «нулевого роста». Технический прогресс вызвал увеличение капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство и тем самым стимулировал рост выпуска продукции в этих отраслях. Объем потребления природных ресурсов и уровень загрязнения окружающей среды при этом резко снижались.

Специальное прогностическое исследование, посвященное влиянию роста населения и производства в США на окружающую среду, было проведено известной научно-исследовательской корпорацией «Ресурсы для будущего» в 1972 г. В этом многовариантном прогнозе была показана зависимость генерации загрязнения от темпов роста населения и национального продукта. Исследуя зависимость нагрузки на природную среду в виде остаточных продуктов производства и потребления от величины темпов экономического и демографического роста, авторы долгосрочного прогноза пришли к выводу, что активная перестройка народного хозяйства под углом зрения интересов охраны природы, т. е. широкое внедрение замкнутых производственных схем, «чистых» источников энергии и т. п., одним словом, использование тех возможностей современного научно-технического прогресса, которые не были учтены в моделях Медоуза, позволит нейтрализовать отрицательное влияние высоких темпов роста населения и производства на биосферу [1]. Аналогичное исследование было проведено и американскими учеными Университета штата Мэриленд: разыгранные в их модели четыре варианта зависимости объема загрязнения атмосферы и водной среды от роста национального продукта и населения также подтверждают вывод о том, что если наиболее оптимальный с точки зрения интересов охраны природы вариант технического прогресса получит «зеленую улицу», то результаты прогнозной модели дают иную картину будущего мира, нежели предсказания Г. Медоуза [2].

Уповая на технический прогресс, представители «технического оптимизма» рассматривают проблему окружающей среды исключительно с научно-технических позиций. Между тем борьба с загрязнением среды, контроль над

[1] «Resources for the Future». Annual Report. Washington, 1972.
[2] *G. Ivars.* Environmental implications on Economic Growth in the U. S. — «Proc. IEEE. 14th Symposium. New Orleans, 1972». New York, 1972, p. 487—491.

биосферой относятся к числу важнейших социальных проблем. Их решение связано с необходимостью проведения широких общественных преобразований и социальных реформ. В условиях современного капитализма повсеместное внедрение в сфере материального производства природоохранной технологии требует в первую очередь ограничения всевластия монополий, установления демократического контроля за деятельностью тех из них, которые в наибольшей степени вызывают загрязнение природы, а также национализации энергетических отраслей, развития общественного транспорта и т. п. Важное значение имеет также развитие всестороннего международного сотрудничества с участием всех государств нашей планеты для защиты биосферы. Выполнение этих требований является обязательным условием достижения эффекта реализации многочисленных долгосрочных научно-технических программ, намеченных в ряде капиталистических стран в области охраны природы.

Человек в известном смысле соотносится в природе с самим собой. Вопрос об отношении человека к природе — социально-исторический вопрос, его содержание выражает общественные условия человеческой деятельности. Борьба с загрязнением окружающей среды в условиях различных социально-экономических систем протекает по-разному, сопровождается появлением качественно отличных социальных последствий.

Характер отношения общества к природе определяется существом производственных отношений данного общественного строя. В капиталистическом мире охрана природы сталкивается с целым комплексом противоречий экономических, политических, социальных. Так, например, весьма остро стоит вопрос о том, кто должен финансировать борьбу с загрязнением воздушного бассейна, водной среды и т. п. Ограничить накопление и регулярно расходовать часть своего дохода на охрану среды предпринимателю не позволяет конкуренция. В настоящее время проблема изыскания средств на эти цели решается путем государственно-монополистического регулирования, когда государство берет на себя значительную долю расходов на защиту природы с последующим их изъятием из кармана рядового налогоплательщика.

Как отмечал К. Маркс, капиталистическое хозяйство при всем своем скопидомстве весьма расточительно в расходовании материальных средств, когда для общества те-

ряется то, что выигрывают отдельные производители. При этом К. Маркс указывал на зависимость использования экскрементов производства и потребления в хозяйстве капиталиста от движения цен на сырье [1]. Подобный прагматический подход к судьбе остаточных продуктов исключительно с позиций рентабельности присутствует и сегодня в практической деятельности монополий.

Известно, что по мере роста капиталистического производства его масштабы все в меньшей степени определяются непосредственным спросом на продукт, т. е. действительными потребностями общества, и все в большей степени — размерами капитала, стремлением его к непрерывному возрастанию. По оценке самих буржуазных экономистов, с 1929 по 1963 г. в США от 47 до 56% валового национального продукта было произведено без учета подлинных нужд общества. В результате значительная доля потребления самых разнообразных ресурсов природы (воды, воздуха, минеральных ископаемых, растительного и животного мира) приходится отнюдь не на покрытие действительных потребностей. Раздутые, так называемые ложные, потребности дорого обходятся обществу и природе.

Критический анализ и разоблачение реакционной сущности современных буржуазных концепций охраны природной среды являются сегодня задачей первостепенной важности для марксистской теории, поскольку указанные концепции выполняют важные функции и в идеологической борьбе против растущей притягательной силы идей социализма. Буржуазные ученые стремятся свести всю сложность и многогранность отношения общество — природа к голому техницизму и приходят к выводу о тождественности форм проявления экологического ущерба в капиталистических и социалистических странах. Так, американский ученый Р. Хейлбронер утверждает, что технический прогресс ставит и перед капитализмом, и перед социализмом одни и те же проблемы. Будучи к тому же ярым приверженцем концепции «нулевого роста» и настаивая на ее универсальном характере, Р. Хейлбронер заявляет без обиняков: «Экологический вызов покончит также с мечтой социалистических государств об изобилии, на которое возлагают надежды как на решающий стимул» [2]. За подобными высказываниями скрывается одна из главных

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 99, 112.
[2] «Qualität des Lebens», Bd 1, S. 157, 167.

идеологических нагрузок концепции «нулевого роста» — дискредитировать высокие темпы поступательного развития экономики социализма. Во многих трудах буржуазных ученых вопрос о концепции «нулевого роста», о путях ослабления экологической напряженности отнюдь не случайно перерастает в более широкую проблему долгосрочных перспектив научно-технического прогресса, рассматриваемого ими как один из основных факторов конвергенции двух мировых систем.

С необходимостью защиты природной среды в той или иной мере сталкиваются буквально все страны. Однако хорошо известно, что принципиальное различие целей и законов, которым подчинен рост производства в странах социалистической и капиталистической систем, предопределяет и различие в характере и последствиях научно-технической революции в обеих системах. Различный генезис экологического конфликта в условиях капиталистического и социалистического строя — убедительная иллюстрация правильности и научности данного положения.

При социализме цель экономического роста — максимально возможное при данном уровне развития производительных сил удовлетворение разнообразных общественных потребностей, одной из которых является защита биосферы. Конечно, проблема охраны окружающей среды может приобрести известную остроту и в социалистических странах. На наш взгляд, вполне правомерно рассматривать здесь загрязнение среды как временные издержки роста производительных сил[1]. В недалеком прошлом необходимость в форсированном восстановлении ущерба, нанесенного нашей стране разрушительными мировыми войнами, не позволяла в полной мере учитывать интересы охраны окружающей среды. Но плановая, сознательно регулируемая экономика имеет в этом отношении бесспорные преимущества: так как сфера, где производятся загрязняющие продукты, и сфера, куда они удаляются, находятся в собственности и распоряжении одного и того же субъекта — социалистического общества. Последнее обладает большим набором средств и возможностей для формирования структуры и динамики производства и тем самым для успешного решения проблемы защиты биосферы. Ра-

[1] См. *П. Олдак.* Проблема окружающей среды — необходимость нового подхода. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 5.

зумеется, реализация этих возможностей не происходит автоматически, а требует точно рассчитанной, научно обоснованной экономической политики.

2. Проблемы окружающей среды и «качества жизни»

С выдвижением фактора окружающей среды на первый план в системе национальных приоритетов непосредственно связано и широкое распространение в зарубежной литературе понятия «качество жизни». Во времена научно-технической революции требуется новое понятие, более пригодное для обобщенной характеристики условий жизни и труда членов общества, чем традиционный «уровень жизни».

Данная проблема имеет непосредственное отношение к воспроизводству рабочей силы. Марксистско-ленинской теории принадлежит приоритет в такой постановке вопроса об условиях воспроизводства рабочей силы, при которой последнее рассматривается как постоянно изменяющаяся совокупность потребностей, чей диапазон всегда имеет тенденцию к расширению. Закон возвышения потребностей всего населения и пролетариата как неизбежное следствие развития капитализма был сформулирован В. И. Лениным еще в 1893 г. [1]

Сто с лишним лет назад, когда еще не были в ходу понятия «окружающая среда» и «качество жизни», Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» дал анализ тех сторон и условий жизни рабочего класса, многие из которых сегодня и составляют содержание понятия «качество жизни». Энгельс рассматривал не только заработную плату, личное потребление, условия труда английских рабочих, но и в разделе «Большие города» подробно, в деталях исследовал, в частности, состояние окружающей среды в рабочих районах.

«Качество жизни» как воплощение и отражение объективного процесса формирования новых нужд и потребностей трудящихся заслуживает особого внимания, если учесть, что им начинают оперировать многие политические и профсоюзные организации рабочего класса.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101.

Каждый класс в обществе имеет свою иерархию потребностей, несущих отпечаток господствующих производственных отношений. Классовая принадлежность того или иного индивида и определяет круг его потребностей и материальных интересов. У разных классов и даже слоев населения различный подход к содержанию понятия «качество жизни». Сумма далеко не одинаковых слагаемых составляет это понятие.

Сосредоточение средств производства в руках меньшинства превращает остальную массу населения в объект постоянной эксплуатации. Тем самым для большинства общества устанавливаются жесткие пределы и границы «качества жизни» в условиях данного строя. Такая трактовка этого понятия отражает реальное положение трудящихся масс в условиях капиталистического строя. Взятая на вооружение рабочим классом, она ориентирует его на усиление классовой борьбы как на единственно верный путь к улучшению своего положения и повышению «качества жизни».

Совершенно иной смысл и содержание придается понятию «качество жизни» в рассуждениях буржуазных ученых и политических деятелей. В арсенале средств и инструментов социальной демагогии государственно-монополистического капитализма этому понятию отводится вполне определенное место.

Сам факт широкого распространения этого нового термина и в литературе, и в социально-политическом обиходе следует рассматривать как реакцию идеологов и политиков правящего класса на объективно подготовленный научно-технической революцией процесс расширения круга требований рабочего класса капиталистических стран, направленных на ликвидацию отставания социальной инфраструктуры, т. е. той части непроизводственной сферы, которая косвенно обслуживает материальное производство, обеспечивая специфические запросы трудящихся в удовлетворительных условиях для отдыха, в полноценной окружающей среде, в доступности медицинских услуг, в возможности повысить свой образовательный и квалификационный уровень и т. п.[1] Буржуазные идеологи со своей стороны с помощью понятия «качество жизни» преследуют

[1] См. *О. Сальковский.* Актуальные проблемы воспроизводства рабочей силы в условиях капитализма. — «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 9, стр. 66.

цель поставить под контроль правящих классов формирование современной структуры требований трудящихся классов, количественно ограничить рост реальной заработной платы и т. п.

Для количественного определения «качества жизни» буржуазными экономистами и социологами настойчиво рекомендуется новое средство—система социальных индикаторов. Последние представляют собой агрегированные показатели, дающие информацию о состоянии целого комплекса социальных условий. Каждое входящее в их состав слагаемое получает собственную оценку в баллах, которые затем вводятся в совокупный индикатор через величину удельного веса данного слагаемого в этом индикаторе. Полученный таким путем синтетический показатель качества того или иного фактора социальных условий позволяет сделать вывод о степени отставания зафиксированного уровня от оптимального, о размерах ущерба, вызванного этим отставанием, и т. п.

Социальные индикаторы в трудах ученых — апологетов капиталистического строя используются для маскировки и искажения сущности социальных процессов, протекающих в промышленно развитых странах в результате научно-технической революции. Формально поведение индикаторов должно сигнализировать о появлении социальных патологий, вызванных новыми социальными стрессами под влиянием научного и технического прогресса. На самом же деле выбор и формирование индикаторов происходит таким образом, что в качестве источников этих «стрессов» выступает не социальное положение различных групп населения, не их место и роль в системе общественного производства, а отдельные стороны и моменты научно-технического прогресса.

В многообразии буржуазных концепций и трактовок «качества жизни» находят свое отражение разные социальные позиции отдельных группировок монополистической буржуазии, которые в зависимости от экономической и политической конъюнктуры выдвигают на передний план те или иные слагаемые «качества жизни», различные критерии для его оценки и в соответствии с этим дают разные рецепты и рекомендации для его повышения. В данном случае представляет интерес вопрос о роли и значении фактора окружающей среды в буржуазных концепциях «качества жизни». Состояние окружающей среды является одним из тех компонентов социальной инфраструктуры,

необходимость улучшения и учета которого в конечном счете и вызвала к жизни понятие «качество жизни».

Буржуазные теории охраны окружающей среды, в первую очередь концепция «нулевого роста», отводят фактору окружающей среды ведущее место в многоступенчатой иерархии общественных потребностей. При этом из существа этих концепций неизбежно вытекает противопоставление мероприятий по контролю над окружающей средой решению таких проблем, как занятость, рост заработной платы и т. п. Путь к сохранению и повышению качества природной среды последователи теории «нулевого роста» видят в торможении темпов экономического роста, т. е. практически в замораживании реальной заработной платы, ограничении личного потребления и т. п.[1] Подобные рецепты выдвигаются в тот период, когда в капиталистическом мире бушует невиданная за последние 40 лет инфляция и растет безработица. В США, самой богатой стране капиталистического мира, средний уровень заработной платы производственных рабочих не «дотягивает» даже до низшей границы официального прожиточного минимума, определяемого федеральным бюро трудовой статистики в 7717 долл. в год на семью из четырех человек [2]. Произвольно совершаемые буржуазными идеологами перемещения в шкале жизненных ценностей оторваны от реальной действительности. В статье, посвященной движению за охрану природы в США, журнал «Американ опиньон» недавно отмечал: «Сторонники охраны окружающей среды не представляют себе, что для большинства людей качество жизни прежде всего зависит от наличия работы» [3]. Очевидно, что успехи, достигнутые в благоустройстве городов или в очистке воздуха, воды и т. п., не могут значительно улучшить «качество жизни», если не решена проблема трудоустройства или повышения доходов в соответствии с ростом цен для лиц наемного труда. Для широких масс трудящихся именно от этих факторов зависит возможность удовлетворения их насущных потребностей в медицинском обслуживании, образовании, природопользовании и т. п.

[1] Именно с такой программой выступил, в частности, в 1972 г. в Оберхаузене на международной конференции, посвященной проблеме «качества жизни», тогдашний министр ФРГ Э. Эплер («Qualität des Lebens», Bd 1, 1972, S. 45).

[2] «AFL a. CJO News», 23.VI.1973.

[3] «American Opinion», February 1973, p. 10.

В трудах противников экономического и демографического роста во имя охраны окружающей среды концепция «качества жизни» выступает практически как второй этап концепции «нулевого роста». Эта позиция нашла свое отражение в послании бывшего президента Комиссии ЕЭС по окружающей среде С. Мансхолта, посвященном современным проблемам, стоящим перед Сообществом. В этом послании Мансхолт предлагает проводить политику «сокращения производства материальных благ на душу населения», «ограничения свободного использования благ» и т. п. Сущность предложений руководящего деятеля ЕЭС заключается в рекомендациях усилить наступление на уровень жизни населения путем повышения налогов, отмены семейных пособий и сокращения потребления [1]. Антинародная направленность рекомендаций С. Мансхолта очевидна. Бельгийский марксист Ж. П. Ванкерберген отмечает, что на подобных позициях стоят и бельгийские социалисты, судя по их программе «Цели экономической политики», подготовленной к конгрессу Бельгийской социалистической партии [2].

Трудящиеся в странах капитала жизненно заинтересованы в улучшении качества природной среды, в борьбе с ее загрязнением, поскольку состояние среды является важной составной частью воспроизводства рабочей силы. Несправедливое распределение национального богатства и дохода предопределяет в буржуазном обществе строгую дифференциацию пользования благами природы для различных слоев населения. Лица, живущие только на трудовые доходы, в гораздо большей степени, чем буржуазия, страдают от загрязнения воды и воздуха, роста шумовой нагрузки, чрезмерной индустриализации ландшафтов и т. п. Социолог Ю. Галтунг пишет, что в капиталистическом мире рабочий живет в грязи, дышит нечистым воздухом, его окружают шум, эстетическое уродство, сажа и дым, поскольку рабочие кварталы, как правило, находятся вблизи предприятий [3].

Профсоюзные и политические организации рабочего класса стремятся к тому, чтобы проблема чистоты природного окружения решалась в органическом единстве с такими проблемами, как занятость, повышение реальной за-

[1] «Cahiers marxistes». Bruxelles, 1973, a. 5, N 17, p. 50.
[2] Ibid., p. 49.
[3] «Qualität des Lebens», Bd 1, 1972, S. 45.

работной платы, улучшение производственной среды и т. п. Кроме того, для рабочих, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и т. д., борьба за повышение качества окружающей среды включает в себя и борьбу с травматизмом на предприятиях, и ликвидацию городских трущоб, и развитие общественного транспорта, и т. п.

Выдвигая концепцию повышения «качества жизни» через ограничение личного потребления и т. п., буржуазные теоретики тем самым подводят теоретическую базу под «замораживание» заработной платы и законодательное ограничение забастовочного движения, под классовую политику доходов и т. п. Затушевывая при помощи социальных индикаторов подлинные причины неудовлетворительного на фоне требований и возможностей, создаваемых для общества научно-технической революцией, «качества жизни» основной массы населения в странах капитала, противопоставляя количественные требования качественным и т. п., буржуазные идеологи и правящая верхушка превращают объективно важное понятие «качество жизни» в инструмент классовой государственно-монополистической политики, направленной в конечном итоге против насущных потребностей трудящихся.

Недооценкой и упрощением противоречий и трудностей, стоящих перед капитализмом в последней трети XX в., было бы объяснять происхождение буржуазных теорий «нулевого роста» и «качества жизни» только экологическими мотивами. Разочарование деловых и правящих кругов буржуазного мира в экономическом росте, неокейнсианский и неоклассический варианты которых настойчиво проводились в жизнь в последние десятилетия, — такова одна из причин появления новых идеологических спекуляций. Многие буржуазные экономисты считают, что именно стремление к наращиванию прироста общественного продукта ввергло мир капитализма в пучину инфляции 60—70-х годов. Апологеты государственно-монополистического капитализма вынуждены признать провал и банкротство тех буржуазных теорий и доктрин, которые связывали свои надежды на классовый мир и смягчение социальных конфликтов с высокими темпами роста национального дохода. Проблема защиты биосферы сыграла роль своеобразного катализатора, ускорившего подрыв веры в теорию экономического роста, доминировавшую в последние полвека в экономической мысли капиталистического мира.

Используя доступность и привлекательность проблемы повышения «качества жизни» и призывов к борьбе против загрязнения среды для различных слоев населения, политики и идеологи монополистической буржуазии стремятся придать им надклассовый характер, направить энергию рабочего и молодежного движения по выгодному для правящих кругов руслу. Буржуазные политико-экономы и социологи неустанно подчеркивают, что движение за охрану природы — это не борьба одной социальной группы против другой, а движение всех общественных слоев за улучшение физических условий существования человека, в котором усилия частного бизнеса, государства, профсоюзов, всех политических партий и общественных организаций должны быть слиты воедино и подчинены одной цели. В этих утверждениях отчетливо проявляется «сверхзадача» правящих кругов: растворить в «энвайронменталистском[1] котле» классовые и социальные конфликты.

В соответствии с логикой концепции «нулевого роста» обострение классовой борьбы в капиталистическом мире изображается как следствие перенаселенности нашей планеты, начавшегося истощения природных ресурсов, исчезновения свободных неосвоенных земель и т. п. Медоуз утверждает, что сто лет назад Америка была страной равенства, ибо ее ресурсы были тогда неограниченны. Возможность для каждого недовольного получить 125 акров земли способствовала снятию социальной напряженности. Рост экономики вширь, по мнению Д. Медоуза, позволял избежать обострения социальных проблем[2].

Действительно, сто лет назад на Дальнем Западе США на месте нынешних задымленных урбанистских агломераций находились целинные земли и шумели девственные леса. Но тогда в Америке свирепствовало рабство, а восстание Джона Брауна, о котором К. Маркс писал как о великом событии того времени, явилось проявлением высокой степени накала общественных конфликтов. Общий кризис капитализма в XX в. вызван социально-экономическими противоречиями данной формации, а отнюдь не исчерпанием природных ресурсов или недостатком продовольствия.

Поставленная на повестку дня научно-техническим прогрессом проблема окружающей среды, пути и способы

[1] От environment — окружающая среда (*англ.*).
[2] «Futures», February 1973, p. 143.

ее решения оказываются вовлеченными в сферу идеологической классовой конфронтации и широко используются буржуазными и социал-реформистскими теоретиками для апологетического объяснения новых кризисных явлений и противоречий, обнаружившихся в последние годы в капиталистическом мире. Проблема загрязнения биосферы приобретает здесь характер острой социальной проблемы. Для развертывания демократическими силами широкой кампании критики негативных сторон монополистической системы привлечение внимания к проблеме охраны природы создает благоприятную обстановку. В свою очередь это влечет за собой расширение фронта антимонополистической борьбы за счет вовлечения в нее новых социальных групп.

Глава
восьмая

КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Научно-технический прогресс повысил в буржуазной социологии интерес к проблемам организации труда. Преобразуя материально-техническую базу производства и ускоряя его обобществление, научно-техническая революция меняет формы подчинения труда функционирующему капиталу и проявления противоречий этого производства как общественного и как эксплуататорского. Она требует смены укоренившихся принципов организации труда в результате широкой реализации в производстве научного знания, усложнения труда и массового спроса на технически грамотных работников. Однако в условиях глобальной схватки сил труда и капитала, соревнования двух мировых систем и влияния социалистического примера на классовую борьбу в капиталистических странах учет объективных потребностей производства неизбежно сопровождается разработкой новой идейной аргументации и новых форм классового маневра капитала внутри организации производства, в столкновениях с рабочими по поводу ее принципов. Поэтому в центр исследований наряду с прикладными аспектами организации труда поставлено обновление ее общих идей-

но-теоретических принципов и всей «философии управления» капиталистическим производством. Отсюда черпаются новые аргументы для апологии буржуазного технического прогресса.

Тематическая и концептуальная пестрота буржуазных теорий организации труда отражает противоречивое взаимодействие технологических, экономических, социальных и политико-идеологических процессов в сфере производства, а также различия в методологии и в социальной философии буржуазных теоретиков. Сегодня в их идейном обороте находятся аргументы, характерные для тейлоризма, для теории «человеческих отношений в промышленности» и для новейших концепций организации труда в условиях научно-технической революции.

Но стержень послевоенных теоретических разработок составила борьба противоречивых тенденций в самом производстве. Первая, имманентная природе капитала как овеществленной прибавочной стоимости и утверждающаяся с каждым новым скачком в технической базе производства, безжалостно подгоняя рабочего к системе машин, вела к ужесточению интенсивности труда, к бесчеловечным формам его эксплуатации, т. е. к достижению эффективности ценой высоких человеческих издержек, в ущерб развитию самого рабочего как производительной силы. Вторая, отражая новейший этап в развитии рабочего класса внутри производства, пробивает путь через тупики и сбои безоглядной интенсификации труда, бьющей по целям непосредственного экономического выигрыша. Учитывая не только физиологические пределы, но и производительные резервы рабочего в виде его психологии и интеллекта и ревизуя организацию труда, основанную на концепции человека-робота, буржуазные теоретики пытаются подчинить эти процессы не требованиям организованной борьбы рабочих, а развитию новых форм реального господства капитала на базе научно-технической революции. В этих условиях на смену первому столкновению обеих тенденций, закончившемуся в 60-х годах компромиссом между принципами Тейлора — Форда и школы «человеческих отношений» [1], идет новое столкновение — между сторонниками так называемого технологического детерминизма и капиталистической «гуманизации» труда.

[1] См. *Э. Д. Вильховченко.* Критика современной буржуазной теории «человеческих отношений в промышленности». М., 1971; *С. Эпштейн.* Индустриальная социология в США. М., 1972.

Оба направления отражают общее для буржуазной социальной науки противоречие между объективным познанием и идейной защитой системы капиталистического господства. Поэтому методология подхода к сложным процессам в ходе научно-технической революции подчиняется их классовой, буржуазной интерпретации, а характер теоретических аргументов — целям прибыльности и конкурентоспособности производства, а также пропаганды социально-политического реформизма.

Применительно к организации труда это связано прежде всего с оценкой новых форм классового господства. Их эмпирическая и объективистская трактовка расширяет возможности апологии: гносеологически удобнее и политически выгоднее выделить тенденции развития производительных сил, нежели обнажить их социальный смысл, глубинную связь с противоречиями эксплуататорского производства. В абсолютизации возможностей современных производительных сил рождаются прогностические картины «нового» общества, где рабочий класс выступает пассивным объектом буржуазного реформизма, а капитал — лидирующей силой общественного прогресса.

Это определяет актуальность идейно-теоретической критики буржуазных концепций организации труда, принижающих способность рабочего класса возглавить борьбу за обращение научно-технической революции на благо социального прогресса. Подход к этим теориям в современных условиях требует критики их методологии, тщательной проверки и соотнесения их выводов с процессом углубления капиталистических противоречий.

1. Направление «технологического детерминизма»

К началу автоматизации производства (в США — рубеж 50-х годов) тейлоризм как форма инженерно-организационной подгонки рабочего к технике и реализации его экономического принуждения через элементарные потребности и стимул к заработку был дополнен учетом ряда социально-психологических потребностей в духе школы «человеческих отношений». Однако дальнейший прогресс научно-технической революции вновь усилил в буржуазной науке организации производства и управления акцент на преимущественном развитии материально-технического эле-

мента производительных сил. С одной стороны, это привело к принижению роли социальных факторов производства и возрождению тейлоризма в целях подгонки рабочего к автоматической системе, с другой — к появлению новых технологических концепций, критикующих тейлоризм как порождения крайнего разделения труда. На этой основе возникли и новые формы апологии капиталистического «индустриального развития».

Наиболее полный и законченный характер этот принцип получил в концепции бывшего советника английского министерства труда Джоан Вудворд, выводившей из типа технологии характер всей производственной организации [1]. Сосредоточив внимание на изменении характера труда и контроля как решающих для типа организации элементов, и отвергнув «универсальность» тейлоризма, Вудворд пыталась доказать, что в ходе капиталистической автоматизации вместе с «автономностью» квалифицированного рабочего в труде и с заменой социальных методов контроля и надзора над трудом автоматическими методами, произойдет смягчение форм подчинения в производстве и притупление классового антагонизма [2]. Этот тезис лег в основу позднейших технологических версий «демократизации управления» (см. п. 2).

Теория Дж. Вудворд весьма противоречива. Выделив в динамике производительных сил роль прогресса технологии как инженерной реализации материально-технических возможностей общества, она положила начало изучению его влияния на организацию, что прослеживается в характере труда и рабочей силы, в принципе рационализации производства, в типе надзора и контроля, определяя важность соответствующих исследований. И в этом смысле оценка ее концепции социологами как «реально применимой... промежуточной теории организации» согласуется с принципами системного анализа, с накоплением конкретных обобщений на уровне подсистем. Влияние технологии учитывается в прогнозах развития капиталистической производственной организации [3]. В то же время эта теория

[1] *J. Woodward.* Industrial organization. New York, Oxford, 1965; «Industrial organization: Behaviour and Control». Ed. by J. Woodward. New York — Oxford, 1970.

[2] «Industrial organization: Behaviour and Control», p. 62—72.

[3] *D. Wedderbern, R. Crompton.* Workers' Attitudes and Technology. Cambridge, 1972, p. 18; «SAM. Advanced Management», April 1973. p. 50.

резко оспаривается теми, кто не считает технологию ни единственным фактором изменения организации, ни независимой переменной вообще.

Новейшие исследования показали особую уязвимость «технологической» трактовки трудового поведения рабочих. Игнорирование социально-психологической природы трудового поведения и превращение его в орудие «технологических требований» составили главное содержание критики этого подхода новейшими социологическими школами [1]. Представитель организационного бихевиоризма К. Аржирис определил теорию Дж. Вудворд как «новый инженерно-технический вариант», который «вряд ли размороз и обновит традиционные принципы организации» [2].

Противоречивые отклики отразили место этой теории в изучении факторов производственной организации: известный вклад в познание и явную абсолютизацию роли технологии, что в свою очередь требовало нахождения методологически более точного соотношения между этим и остальными переменными организационного развития. Концепция Вудворд — пример буржуазно-объективистского искажения вызванных научно-технической революцией процессов. Отрывая их от социально-экономических отношений, Дж. Вудворд затушевывает роль организации труда в подчинении его капиталу через подчинение технологическому режиму. Игнорируя роль рабочего класса как общественной производительной силы, она, естественно, упускает и такое важное для реализации «требований технологии» обстоятельство, как отношение рабочего к труду и его потребности.

Все это позволяет маскировать в условиях научно-технической революции социальные функции «встроенного» в автоматику контроля, рождение новых форм интенсификации труда и обострение классовых конфликтов. Тем самым технологический детерминизм вслед за тейлоризмом увековечивает буржуазную организацию труда как един-

[1] Экспериментально выявлена зависимость установок трудового поведения рабочих не только от различий труда и квалификации, но и от опыта, удовлетворения содержательным трудом, привычки к новому социальному статусу и т. д.

[2] *Ch. Argyris.* The Applicability of the Organizational Theory. Cambridge, 1972, p. 92—97; *P. A. Clark.* Organizational Design. Assen, 1972, p. 39; *D. Wedderbern, R. Crompton.* Op. cit., p. 140.

Организационный бихевиоризм в буржуазной эмпирической социологии изучает психологические аспекты управления «организации в целом».

ственно возможную вопреки назревшей потребности в ее пересмотре, закрепляет господствующие в производстве ценности. Это делает очевидной теоретическую несостоятельность и политико-идеологическую опасность объективистского буржуазного понятия «потребности технологии», необходимость различать в организации труда *эксплуататорский принцип развития самих производительных сил,* т. е. капиталистический характер использования техники, развития рабочего в качестве производительной силы, соединения работника с техникой, классовую природу разделения и комбинации общественного труда на предприятии.

Идейные выводы из подобных построений включают технократическую апологию капиталистической рациональности, идеализацию условий непрерывного автоматического производства для изменения характера труда и «социальной интеграции». Канадский социолог М. Фуллэн, например, видит в концепции Вудворд путь к решению «по крайней мере двух важных проблем: принятия рабочими перестроек в производстве и — отчуждения труда» [1].

Второе «технологическое направление» развивается в области социологии труда, преимущественно в связи с проблемой отчуждения.

Философское понятие «отчуждение», примененное К. Марксом к анализу отношений капиталистического господства, сегодня широко используется буржуазией, от капиталиста Форда и политической элиты до рядового управляющего. Его вульгаризация, выхолащивание из него классового, революционизирующего содержания — прямой результат усилий буржуазных политиков и теоретиков. Под их пером отчужденный труд превращается в побочную и устранимую издержку «индустриального развития». Так, американский экономист Р. Блаунер, используя типологию «симптомов» отчуждения, предложенную М. Зимэном (безвластность над процессом, непонимание его смысла и т. д.), доказывает вслед за Вудворд убывание этой проблемы с прогрессом научно-технической революции [2]. Устранить отчуждение — для Блаунера и Зимэна задача не сложная, поскольку экономическое отношение труда и капитала как «чуждая и господствующая» над рабочим сила ими крайне психологизировано. Деятельное отчуждение рабочего в процессе эксплуатации фактически подменяется его субъ-

[1] «American Sociological Review». vol. 35, December 1970, p. 1038.

[2] *R. Blauner.* Alienation and Freedom. The factory worker and his industry. Chicago — London, 1964.

ективным аспектом, тем, что Маркс называл «самоотчуждением» рабочего от условий, процесса и результатов труда, т. е. отношением к труду как к средству существования.

Ощущение «отчужденности» вместо отчуждения «*действительного,* а не *мнимого,* существующего не только в представлении рабочих и капиталистов» [1], облегчает технологическую интерпретацию и его генезиса, и условий преодоления. Психологизация и «технологический детерминизм» — две грани буржуазной вульгаризации понятия «отчуждение», проходящей через работы Дж. Вудворд, М. Зимэна, Р. Блаунера, а также Ч. Уокера, У. Фонса, П. Блау, М. Мейера, У. Форма и определяющей оптимистические прогнозы классовых отношений в условиях научно-технической революции. Эти работы содержат и позитивное изучение социальных издержек технологического прогресса, в частности влияния режима технологии на характер социальных контактов в труде. Однако все это мало связано с понятием «отчужденный труд», в котором Маркс видел исходный пункт анализа капиталистического принуждения, его сущность и результат. Поэтому разделение технологического и социально-экономического аспектов отчуждения правомерно лишь как условное, аналитическое, и не больше.

Понятием «технологические факторы отчуждения» буржуазные теоретики этого направления фактически подменяют единичное разделение труда внутри предприятия, отождествляя отчуждение с психологическим результатом парцеллированного труда. Однако развитие единичного разделения труда шло рука об руку с движением форм его эксплуатации и подчинением капиталу, комбинирующему наемный труд как деятельность, имеющую «свое *духовное единство* вне себя» [2], в форме классового разделения труда.

Эту связь типа единичного разделения общественного труда со зрелостью капиталистических отношений Маркс отмечал в подготовительной рукописи «Капитала» 1863—1864 гг. Развитие разделения труда «внутри общества» и «капиталистическое разделение труда внутри мастерской, — писал он, — взаимно обусловливают и производят друг друга... Только на основе капиталистического производства, следовательно, также *капиталистического разде-*

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 347.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 460.

ления труда внутри мастерской, весь продукт необходимо принимает форму товара, и все производители поэтому необходимо суть производители товаров» [1].

Распределение труда «*внутри фабрики*» осуществляется в целях капитала и «*против* рабочего», подчеркивал В. И. Ленин [2].

Поэтому в «технологическом» подходе к отчуждению рациональна лишь конкретизация технико-организационных условий его развития в капиталистическом производстве. В этом смысле говорил Маркс о крайней форме отчуждения [3] на базе капиталистической системы машин. На стадии сплошной механизации труд рабочего был окончательно лишен профессионального содержания, а его разрушительная интенсификация и монотонность в сочетании с деспотическими формами принуждения и обезличивающей концентрацией производства придали отношениям отчужденного труда наиболее мучительные и жестокие формы.

Это не означает ослабления «отчуждения» в ходе капиталистической автоматизации. Сохранение капитализма постоянно увеличивает противостоящую рабочему овеществленную стоимость. Капитализируются все новые сферы его жизнедеятельности. «*Капиталистические производственные отношения,* — подчеркивают французские коммунисты, — *в их современной форме... покрывают все общество своего рода сетью, из которой никто не в состоянии вырваться.* Труд каждого индивида, обращение товаров и денег, доходы, цены, инвестиции, кредит, а также... и организация производства несут на себе следы этих производственных отношений» [4]. Поиск технологических средств смягчения принудительности труда игнорирует, даже по оценке его буржуазных критиков, действительно «важный аспект контроля и движущих сил новой технологии в широком социальном плане» [5].

Однако в свете исторического развития отчуждения, создающего, как подчеркивал К. Маркс, предпосылки своего диалектического отрицания [6], на качественно новом

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 49, стр. 5.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 370.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 508.
[4] «Государственно-монополистический капитализм», т. 1. Пер. с франц. М., 1973, стр. 177—178.
[5] *P. A. Glark.* Op. cit., p. 39.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 508.

этапе научно-технической революции классовые столкновения по поводу реализации прогресса техники превращаются в борьбу против основ эксплуатации. Не видеть этих новых возможностей — значит отрицать историческую ограниченность капитализма и обрекать рабочий класс на политическую пассивность. Социально-экономический аспект отношения наемного рабочего к труду — решающий в исторической перспективе. Он связан с классовой основой преодоления чуждого рабочему характера труда, которую составляет не тип доверяемой ему технологии, а его собственное развитие в носителя новых ценностей в общественном производстве.

Буржуазная же критика технологической трактовки отчуждения имеет расплывчатую методологическую базу. Так, английская школа Дж. Голдторпа [1], справедливо связывая поведение рабочих с широким кругом факторов, в том числе в сфере формирования сознания, отводит технологии опосредствующую роль в реализации «центрального жизненного интереса», сосредоточенного преимущественно на семье и досуге. Этим объясняется их прагматическое, «инструментальное» отношение к труду как средству жизни. Природа отчужденного труда и здесь не раскрывается, хотя указанная трудовая ориентация есть прямой его результат. Более того, вывод Голдторпа о «смягчении» при такой ориентации ощущений «отчужденности» фактически оправдывает капиталистическую организацию производства, отвлекая от сопротивления ей. Методологическая слабость такой критики технологизма, подобно бумерангу, бьет по первоначальным целям. Так, американским социологом У. Формом тезис о спасительной роли «инструментализма» уже вновь используется для апологии капиталистического «индустриального развития».

Отвергая «всякую связь отчуждения с технологией», Форм не исследует и других его факторов, а, опираясь на зондаж позиций рабочих в автомобилестроении США, Италии, Аргентины, Индии, а также на исследования Б. Тюдора среди американских рабочих и М. Зимэна среди французских в 1972 г., утверждает, что промышленный труд, включая конвейерный, «дает рабочим чувство интегрированности», «организует их жизнь». При этом за преимущества капиталистической «индустриальной жизни» он

[1] *J. H. Goldthorpe.* The affluent worker: Industrial attitudes and behaviour. Cambridge, 1968.

выдает те формы адаптации к тяжелому труду, которые исторически выработал рабочий класс в виде неформальной солидарности внутри производства и за его пределами. Форм объявляет профессиональную компетентность рабочего средством «включения» его в производственную систему, в сферу «социального контроля» и даже «социальной власти в обществе» [1]. Логика Форма состоит в том, что эксплуатируемый рабочий удовлетворен всегда: в автоматизированных отраслях — квалификацией и содержательностью труда, при их отсутствии — заработком и приобщением к индустриальной жизни. С этих позиций Форм критикует «модные», по его определению, концепции «гуманизации труда» более дальновидных идеологов государственно-монополистического капитализма. Отрицая порабощение рабочего фабричной системой и утверждая, что машины в «индустриальном обществе» не делают его несчастнее [2], Форм требует пересмотра всей концепции Маркса. Порабощение рабочего овеществленным в машине капиталом подменяется у Форма отношением рабочего к машине как таковой.

Но рабочий класс, начиная с борьбы за сокращение рабочего дня, довольно рано перешел от сопротивления технике (луддизма) к сопротивлению организации труда как инструменту господства капитала. Вульгарный тезис о «современном луддизме» принижает боеспособность рабочего класса. Основные профцентры в странах капитала выступают не против прогресса техники, а против его эксплуататорского использования. Растущее ожесточение рабочих на конвейерных и автоматических линиях связано с протестом не столько против техники, сколько против бесчеловечной организации труда по ее обслуживанию. Их цель — ломка не машин, а режима труда, т. е. сохранение в итоге главного достояния рабочего, способности к производительному труду. И в автоматизированных отраслях конфликты связаны с характером влияния технологии на организацию труда.

У. Форм идиллически отрицает и то и другое, «опровергая» К. Маркса ссылками на интерес рабочего к передовой технике. Но именно Маркс, а не Форм связывал развитие отношения рабочего к технике с прогрессом производительных сил, включая и развитие самого рабочего, и пред-

[1] «American Sociological Review», vol. 37, December 1972, p. 736; vol. 38, December 1973, p. 699.

[2] «Social forces», vol. 52, 1973, p. 13—14.

сказал его способность встать «рядом с процессом производства» в качестве контролера и регулировщика на базе превращения науки в непосредственную производительную силу [1].

«Технологическая» критика марксизма Формом, построенная на заведомой фальсификации, — это наиболее грубая апология капиталистического производства с откровенно антирабочими, антикоммунистическими идейными выводами.

Таким образом, попытки устранить отчужденный труд на базе прогресса технологии лишь по форме игнорируют, а по существу увековечивают его эксплуататорскую природу. Они исходят из тезиса о пассивности рабочего класса в условиях научно-технической революции. Однако его лучшим опровержением является капиталистическая реальность, острые классовые конфликты в производстве, а также попытки самих буржуазных теоретиков преодолеть узость «технологического детерминизма» в новейших концепциях организации труда.

2. Концепция «социотехнической системы»

Понятие «социотехническая система», применяемое к предприятию и его отдельным участкам, в современном толковании [2] явилось результатом развития нового теоретического направления в буржуазной науке организации производства. Не отрицая роли технологии в формировании принципов организации, оно конструктивно развивало, приспосабливая к условиям научно-технической революции, идеи школы «человеческих отношений». Оно и возникло на базе разработок теоретиков тавистокской школы «человеческих отношений» (Лондон) — Э. Триста, Ф. Эмери, Э. Джэкса, П. Кларка. Это направление реалистически учло сдвиг в массовой психологии рабочих в конце 60-х — начале 70-х годов и серьезность его последствий, выразившихся в падении производственных

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 213, 215.

[2] Введенное Дж. Вудворд в «технологической» трактовке, оно по существу относится к любому типу системы человек — машина. В этом смысле и тейлоризм, и принципы «человеческих отношений» была историческими формами «социотехнических систем».

показателей, в обострении социальных проблем управления, в классовых столкновениях внутри производства. Учет в организации труда нового круга социально-психологических потребностей рабочих — в профессиональном росте, в повышении социального престижа и личностной самооценки — оказался более адекватным требованиям производства и классовой стратегии государственно-монополистического капитализма.

Основополагающий тезис нового подхода состоит в отрицании жесткой заданности организации труда требованиями технологии и в возможности создания при перестройках производства «целой серии альтернативных способов соединения человека с техникой». Этот тезис теоретик организационного бихевиоризма Д. Макгрегор расценивал как самый значительный после открытия Э. Мэйо «малых групп» [1]. Те формы организации труда, которые, по Вудворд, были «встроены в технологию», превращались лишь в один из возможных вариантов, в зависимости от выбранного. Изучение социальных факторов производственной организации обособило эту школу в самостоятельное направление.

Подход к предприятию как к социотехнической, а не только технической или только социальной системе предполагает, что ни одна ее сторона не выводится из другой, а при данной технологии отыскивается оптимальное организационное решение. Целью этого оптимума провозглашалось освобождение «требований системы к человеку» от требований «тех, кто ее проектирует» [2], т. е. от субъективизма организаторов производства и от тейлористских принципов проектирования. Методологически ориентация на тенденцию развития потребностей рабочего класса означала шаг вперед по сравнению с позицией Голдторпа. Тавистокский институт вместе с другими исследовательскими центрами участвовал в реорганизации труда на монополистических предприятиях Англии, США, Норвегии, Франции, Индии [3].

Социотехническая диагностика организации при перестройках производства включает оценку социальных структур предприятия и коммуникаций, частоты контактов в

[1] *P. A. Clark.* Op. cit., p. 19, 30.

[2] *J. Child.* The Business Enterprise in Modern Industrial Society. London, 1969, p. 82.

[3] «International Institute for Labor Studies». Bulletin 9. Geneva, 1972, p. 201.

труде, профессионального диапазона рабочих, их потребностей и ценностей, восприятия своего статуса и т. д., а рекомендации — создание соответствующей системы информации.

Признание важной роли рабочего класса в современном производстве методологически означало введение в системный анализ организации противоречивого социального элемента. Логическим следствием этого могла бы стать дифференциация «социотехнических систем» современного капиталистического производства в зависимости от конкретного характера технологии и используемой рабочей силы. Так, соединение рутинного труда с «инструментальной» ориентацией работника отражает, по-видимому, пройденный этап развития производительных сил. Описанная Блаунером организация сложного труда в автоматическом производстве полнее отвечает тенденциям этого развития. Ответственный труд в передовых отраслях без соответствующей ему ориентации работника—также реальный феномен современного производства, требующий совершенствования рабочей силы. Но и соединение рабочего, равняющегося на передовые формы труда в условиях научно-технической революции, с рутинными операциями уже требует подтягивания организации труда до уровня запросов рабочего класса. Для массового капиталистического производства это назревшая проблема, во многом определяющая завтрашний тип труда. Именно эта ситуация, обостряя конфликты, требует новых принципов организации.

Однако, ориентируясь на идеализированные возможности всех современных производительных сил, соединяемых в организации труда, социотехнический подход игнорирует и реальную дифференциацию уровней развития потребностей в рабочем классе, и масштабы распространения передовых форм труда в капиталистическом производстве.

Явившись новой буржуазной антитезой развитию производства ценой развития рабочего и выдвинув «контртенденцию технологическому принижению активной роли человеческого фактора в производстве» [1], социотехнический подход повлиял на характер социальной философии управления. Однако влияние это не безусловное и не однозначное, поскольку от введения в анализ производственной организации человеческого фактора можно идти в противоположных идейно-политических направлениях: и к оправ-

[1] *P. A. Clark.* Op. cit.. p. 111.

данию более рациональной эксплуатации, и к солидарности с интересами рабочего класса. Это нашло отражение в известном размежевании внутри социотехнической школы. С одной стороны, социотехнический анализ становится в условиях научно-технической революции новым инструментом капиталистической рационализации и, по оценке Триста, продолжателя социотехнических традиций в США, способствует как выживанию капиталистического производства, так и идейному подчинению рабочих [1].

С другой стороны, наметилась и новая ориентация — на более глубокое изучение конфликта ценностей в производстве, что уже вплотную подводит к выбору между полярно противоположными принципами организации. «Социотехнический подход, — пишут, например, исследователи из Тавистока, — позволяет оспорить любое предложение производственных инженеров... может перечеркнуть принятое разделение труда и потому неохотно принимается менеджментом» [2]. Таким образом, в формировании методологических позиций буржуазных социологов возрастает роль не только их теоретической, но и политической ориентации. Однако именно в этом пункте дальнейшее развитие идеи гуманизации наемного труда наталкивается на классовый характер капиталистической организации и развивающегося конфликта ценностей в производстве, без понимания которых даже наиболее либеральные теоретики остаются в лучшем случае абстрактными гуманистами, а их практические рекомендации, как и прежде, — объектом выбора фактических хозяев производства.

3. Прикладные буржуазные концепции организации труда

Бóльшая часть прикладных концепций организации труда в капиталистическом производстве опирается уже на методологические принципы и «философию управления», сформулированные социотехнической школой. Однако их противоречивость ведет к обострению идейной борьбы внутри всех прикладных направлений — от эргономики,

[1] *P. Hill.* Towards a New Philosophy of Management. London, 1973, p. 195—200, 233—237.

[2] «Approaches to the Study of Organizational Behaviour». London, 1970. p. 82.

исследующей принципы системы человек — машина [1] и сферы стимулирования труда, до концепций «демократизации управления». Выдвижение в центр анализа социальных характеристик современного рабочего класса требует учета уже не только его функций в качестве производительной силы, но и его роли в обществе. Растущее влияние ценностей эксплуатируемого класса на характер возможной эволюции буржуазных теоретиков «влево» и на тип их реформистской ориентации придает проблеме гуманизации труда особую идеологическую остроту.

Наиболее развитой сферой прикладных разработок является стимулирование наемного труда — общий объект усилий и прежних (тейлоризм, «человеческие отношения»), и новых (социотехническая) буржуазных школ. Приспособление к новым характеристикам рабочей силы сопровождается здесь активной разработкой так называемой гуманистической концепции человека в производстве. Ее вызов тейлористскому и технологическому прагматизму сегодня выглядит резче, чем 15 лет назад в устах ее создателя Д. Макгрегора [2]. «Человеческие ценности» провозглашены чуть ли не смыслом капиталистического производства. Недооцененный тезис Макгрегора о развитии работника в труде теперь объявлен теоретиками мотивации и организационного бихевиоризма (А. Маслов, Ф. Герцберг, Р. Ликкерт, У. Беннис, К. Аржирис) философским принципом критики технобюрократической организации труда.

Ясно, что ни один из этих теоретиков не является принципиальным противником капитализма. Но активизация борьбы трудящихся за доступ к содержательному труду и возможность новой классовой интерпретации абстрактно-гуманистических идей создают угрозу более категорического массового отрицания капиталистических принципов организации производства. В результате вновь возникают умеренные, компромиссные концепции, «стабилизирующие» баланс общественных ценностей. Они ориентируются на капиталистически деформированные потребности рабочих, созвучные буржуазной этике. Так, согласно «концепции Z» американского теоретика управления У. Реддина, удовлетворение потребностей рабочего зависит от взаимодействия с другими, его поведение всегда «ситуационно» и потому поддается менеджеристскому ре-

[1] Анализ идейной борьбы в рамках этого важного направления здесь опускается.

[2] *D. McGregor.* The Human Side of Enterprise. New York, 1960.

гулированию, а принцип «золотой середины» позволяет обойти «идеологические ловушки на полюсах X и Y» [1], т. е. тейлоризм и бихевиористский гуманизм. Фактически он и служит предупреждению антикапиталистической трактовки «гуманистического вызова» в новых теориях управления. Логика прихода буржуазного гуманизма на каждом этапе к своей «теории Z» определяет его исторические пределы.

С ростом экономической ценности компетентного труда ведущим мотивом буржуазных публикаций становится уже с 60-х годов критика тезиса о рабочем — нажимателе кнопок и признание его «субъектом системы автоматов» в интеллектоемком производстве. Трудовое поведение рабочего, связанное с его отношением к труду, уже признается независимой переменной индивидуальной производительности, а сложный механизм реализации всех способностей работника — причинным фактором в системе человек—машина [2]. Это объясняет внимание к стимулированию уже не только исполнительных функций рабочего, но и профессионального роста, подготовки его к будущим формам труда. «Потребуется... радикальное изменение нашей системы ценностей, — признают теоретики современной корпорации. — Компании, не способные нанять, обучить и удержать гибко адаптирующихся и производительных работников, не могут рассчитывать на рост и процветание в технологических условиях XX в.» [3].

Помимо соображений экономической выгоды модернизация принципов стимулирования вызвана влиянием новых ценностей рабочей силы, вливающейся в производство, сферу услуг, управление. Ее трудовую этику все чаще определяют ценности личностного развития во всех жизненных проявлениях.

Новейшие принципы стимулирования развивает в США школа Маслова—Герцберга, а в Европе — тавистокская школа. Их проверка в 60—70-х годах в производстве и в полемике с другими направлениями обнаружила экономическую и политико-идеологическую выгоду для капитала. Принцип «обогащения труда» профессиональными требованиями, т. е. использования, согласно Ф. Герцбергу, «по-

[1] *W. Reddin.* Management effectiveness. New York, 1970, p. 190 etc.
[2] См. *М. К. Старр.* Управление производством. М., 1968, стр. 150.
[3] «Harvard Business Review», November—December 1973, p. 158.

требностей роста» рабочего [1], отвечает требованиям производства и представляет шаг вперед по сравнению с ориентацией Голдторпа в Англии, У. Форма, Р. Дабина, Х. Шепарда в США на внешний к производству «жизненный интерес» рабочего класса. В свете развития структуры потребностей рабочих само понятие «центральный жизненный интерес» потребовало конкретизации. Эксперименты среди различных групп наемных работников, включая производственных рабочих, показали, что сосредоточение интересов на условиях жизни не противоречит привлекательности содержательного труда.

Ценности рабочего формируются уже как результат не только индивидуального трудового опыта, но и коллективного, классового, влияя на характер «жизненных интересов», распространяя их и на трудовую деятельность. Итог столкновения обеих школ сформулирован буржуазной теорией пока лишь в терминах учета индивидуального «жизненного опыта» [2], т. е. в отрыве от перспективы и тенденций развития рабочего класса. Он приноравливается к отставанию потребностей одних групп рабочих от других и всего рабочего класса от других классов общества, т. е. отвечает скорее «ситуационному» выбору принципов стимулирования менеджментом, нежели интересам возвышения потребностей трудящихся.

Концепция Ф. Герцберга нуждается в другом типе критики, касающемся реальных условий развития и удовлетворения потребностей рабочих при капитализме. Тот факт, что «потребности роста» часто заслоняются интересами статуса, говорит лишь об их капиталистической деформации и перемещении в нетрудовую сферу. Главная посылка Ф. Герцберга — высокий уровень жизни как основа развития духовных потребностей — идеализирует капитализм, провозглашая прочность достигнутого материального статуса. Соответствие этой концепции подвижной иерархии ценностей наемного рабочего весьма относительно и условно. Оно несколько благоприятнее при стабильной экономике и обратимо при спадах производства, безработице, инфляции и других превратностях реального капитализма.

[1] См. *Э. Д. Вильховченко.* Цит. соч.; *С. Эпштейн.* Участие без участия. — «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 2.

[2] «Personnel psychology», vol. 27, 1973, p. 107—117; «Recherches en vue d'une organisation plus humaine du travail industriel». Ed. par Y. Delamotte. Paris. 1972, p. 15.

Существенный просчет Ф. Герцберга состоит в недооценке активно стимулирующей, а не только удовлетворяющей роли материального стимулирования для людей наемного труда и в так называемые спокойные периоды, при неполном и негарантированном удовлетворении всех потребностей — от недоплаты стоимости рабочей силы до социальных барьеров личностного развития за пределами ее воспроизводства. Идеализация капиталистического «просперити» ведет к искусственному, этизированному противопоставлению духовных и материальных мотивов поведения рабочего. Это придает теории Герцберга элемент социального утопизма, умело используемого, однако, в пропаганде государственно-монополистического реформаторства.

Социотехнический подход с его ориентацией на «обогащение» операций, на обратную связь текущих и дальнейших результатов труда, на полное использование квалификации, человеческих контактов радикализировал идею Герцберга о стимулировании трудом. Перестройка коллективного, а не индивидуального труда резче ломала технологическое и организационное закрепление его парцелляции. Она затронула некоторые механизированные и частично автоматизированные работы, особенно сборку на конвейере, обеспечивавшем рекорды капиталистической производительности на целом историческом отрезке, до тех пор пока его технико-экономическая эффективность не натолкнулась на барьер социально-психологических реакций рабочего. Однако глубину практической ломки в масштабах всего капиталистического производства будут определять не пожелания буржуазных теоретиков, а характер социальной атмосферы внутри производства и соотношение классовых сил, т. е. в конечном счете позиция рабочего класса. Относительно более высокий, но подчиняемый интересам капитала учет потребностей рабочего в области стимулирования труда отражает эту закономерность.

Наряду с теоретической разработкой идеи воссоединения трудовых операций (А. Туреном, Д. Макгрегором, К. Аржирисом, Ф. Герцбергом, П. Дракером) внутри капиталистического производства шла практическая переоценка тейлоризма, поиск новых форм рационализации, «атакующих парцеллированный труд». В 60—70-х годах в крупных монополиях проверялись принципы организации труда, намеченные социотехнической школой. На базе «обогащенного труда» создавались «автономные группы» как

новый тип кооперации [1]. В автомобилестроении Швеции, Италии, США проводились опыты сборки без конвейера. Современная буржуазная социология уже признает важность обобщения этого опыта в автоматизированном и механизированном производстве [2].

Новый характер коллективного труда в «автономных группах», его возросшая сложность и взаимозависимость рабочих в трудовом процессе послужили поводом для использования в идеологических целях новых форм групповой ответственности. Групповой контроль за качеством, технадзор, учет труда и другие функции прежнего персонала управления в буржуазных теориях стимулирования выдаются за признаки распространения и на рабочих принципов «целевой организации», действующих в НИОКР и управлении. Предложенные Дракером в целях оптимальной эффективности, а Макгрегором — в целях «гуманизации труда», они объявляются сегодня «важнейшим достижением последнего десятилетия» [3].

В то же время в рассмотренных процессах принципиально важно появление возможности перераспределения производственных и части управленческих функций внутри «совокупного рабочего» на нижних этажах производственной организации. Она возникла как результат накопления новых важных характеристик в современном рабочем классе, опровергающих буржуазный тезис о неспособности наемных трудящихся компетентно управлять производством. Однако в буржуазных теориях эта историческая тенденция дискредитируется посредством новых идеологических спекуляций вокруг «демократии в промышленности», «управления с участием подчиненных», «участия на рабочем месте» и т. д. Капиталистическая децентрализация управления отнюдь не равнозначна его демократизации. Полномочия рабочих по-прежнему ограничены. По оценке прогрессивной печати, реорганизация труда дает рабочему контроль «только на словах», а «более широкие свободы подозрительно отсутствуют». Там, где речь идет о прерогативах капиталистического менеджмента, об основах его

[1] «Recherches en vue d'une organisation plus humaine du travail industriel», p. 11; «Studies in organizational behavior and management». Sceranton, 1971, p. 659.

[2] Одна из попыток обобщения принадлежит французскому специалисту по проблемам труда И. Деламотту.

[3] «Entreprise», 28 février 1974. p. 56; «Management by objectives in action». London, 1970, p. 25; *F. W. Horton.* Reference guide to advanced management methods. New York, 1972. p. 149—151.

власти, даже минимальное «разделение» с рабочими функций управления для капитала немыслимо без «идеологического согласия»[1]. Поэтому наделение рабочего новыми функциями неизменно облекается в форму «социальной интеграции», а доступ рабочих к управлению производством остается объектом непримиримой борьбы с капиталом за тип производственных отношений.

Тот же разрыв возможного и действительного характерен и для трудового коллективизма. По мнению Д. Картрайта — ведущего специалиста в области современной социологической теории малых групп[2], удовлетворение в бригаде «потребностей роста» определило переход к коллективным формам стимулирования. Теоретически влияние коллектива с высокими ценностями ответственного и компетентного труда можно считать активным стимулятором наряду с содержанием труда. В действительности чуждые рабочему цели труда по обслуживанию современной техники создают лишь «суррогаты коллективизма» (Маркс).

Потенциально такая кооперация труда позволяет соединить преимущества сложного труда с преимуществами коллективной ответственности. Как форма организации обобществленного труда «автономная группа» адекватна характеру современных производительных сил, что особенно наглядно в автоматизированном производстве.

Но в этом качестве она уже отрицает капиталистические отношения, тормозящие дальнейшее развитие. Выявляющиеся в ней черты рабочего класса как общественной производительной силы составляют предпосылку социализма, вырастающую из противоречий капиталистического производства. Современные производительные силы, — как отмечают коммунисты Франции, — *«постоянно создают условия своего выхода за рамки существующих производственных отношений»*[3]. Поощряя навыки организации и профессиональную грамотность рабочего класса, капитал резче обнажает эксплуататорскую сущность разделения труда на умственный и физический, на монотонный и творческий, на исполнительный и управленческий. Несовместимость этих процессов с отношениями власти в производстве делает еще актуальнее вопрос о способности рабочего класса к сознательной борьбе против господства капитала.

[1] «New society», 14 February 1974; «Entreprise», 1 février 1974.
[2] «Studies in Organizational Behavior and Management», p. 763.
[3] «Государственно-монополистический капитализм», т. I, стр. 179.

Проблема использования новых форм производственной кооперации, возникающих на базе компетентного труда, а также профессионального и социально-психологического развития рабочего класса, становится объектом острой идеологической борьбы. Теоретики и организаторы капиталистического производства поощряют развитие трудовой солидарности в рабочих группах, которая по-прежнему «безвозмездно присваивается капиталом» как «общественная производительность» общественного рабочего [1]. Коммунисты капиталистических стран подчеркивают эксплуататорскую сущность функционально-трудового сплочения, расценивая целевые принципы организации «коллективного, особенно квалифицированного труда» как «средство наращивания прибылей и идеологической интеграции под лозунгом «самоуправления»», как одну из «форм искушенной сдельщины» [2].

Это создает почву для новых апологетических концепций «интегрированного» рабочего класса. На этом основана, в частности, и новейшая эволюция практики «человеческих отношений», приспосабливающей к условиям научно-технической революции свою функцию подчинения энергии рабочих коллективов производительным целям, стирания классового различия между коллективизмом, официально насаждаемым менеджментом, и рабочей солидарностью трудовых групп. Но именно это различие заставляет буржуазных социологов признавать не только отсутствие автоматического влияния новой технологии на трудовую отдачу [3] и на «вовлеченность» рабочих, но и рост их сопротивления в передовых отраслях. Приспосабливаясь к специфике технических и социальных условий на предприятии, развивающиеся с 60-х годов «новые человеческие отношения» составляют важную часть «кадровой» политики фирм, кампаний борьбы за качество продукции, перестроек производства. Они включаются в политику трудовых отношений и учитываются в социально-экономических планах фирм как важный инструмент контроля над развитием новых социальных процессов внутри производства.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 345—347.

[2] «Economie et politique», september 1973, N 229—230, p. 172; «Politica ed economica». Roma, 1973, N 3, p. 54 etc.

[3] *J. Retzler*. Automation and Industrial Labor. New York, 1969; *R. A. Beaumont* and *R. B. Helfgott*. Management, Automation and Peoples. New York, 1964.

4. Государственно-монополистический маневр и борьба рабочего класса за освобождение труда

В социальном маневрировании капитала проблемам организации труда отводится центральное место. Смысл маневра — в опережении действий рабочего класса. Так, буржуазия Франции увидела здесь способ выхода из социального кризиса после мая 1968 г., расценив переговоры с профсоюзами как сугубо «превентивные меры» [1]. Маневр включил и принятие закона о «гуманизации труда». В Италии поворот к проблемам труда связывается с радикализацией борьбы рабочих и потребностью в их «минимальном согласии с отвергаемой системой». В 1973—1974 гг. организацией труда занимались правительственные комиссии Англии. В конгрессе США дебатируется проблема «отчуждения» [2]. Комиссия ЕЭС признала серьезность «расточения рабочей силы» при существующей, в частности конвейерной, организации труда. МОТ рекомендовала внедрение в производство социотехнических и эргономических принципов.

Пропагандируемый поворот к этой проблеме рассчитан на весомый выигрыш в новой сфере классовой борьбы. На фоне начавшегося кризиса системы Тейлора—Форда, этой, по оценке А. Грамши, «навязанной буржуазией пролетариату» организации труда, динамичные группы в правящих кругах готовы сменить и систему ценностей, и само понятие рациональности ради сохранения господства капитала. Конкретизируя эту превентивную стратегию, буржуазная социология пытается сформулировать свои «критерии социальной эффективности» производства, которые вновь должны быть навязаны рабочему классу.

В сфере организации труда складывается новое соотношение классовых сил, обнажающее пределы капиталистического способа производства, заложенные в сути экономического принуждения лично свободного работника.

[1] «Les grèves de 1971». — «Sociologie du Travail». Numéro spéciale, 1973, N 4, p. 368, 375, 408.

[2] Специальный отчет «Труд в Америке» (1973 г.) был расценен в буржуазной печати как «синтез Марксовой концепции отчуждения с менеджеристской политикой «человеческих отношений»».

Активность рабочего класса внутри производства резче дифференцировала степень контроля капитала над развитием разных элементов производительных сил (науки, техники, рабочей силы, разделения труда). Организация труда как инструмент господства капитала становится объектом не только противодействия, но и определенного сознательного выбора рабочего класса. Созревание этой его способности неотвратимо, ибо связано с движением главного противоречия производства, с превращением рабочего класса в могильщика капитализма. Совершенствуя организацию как резерв производительности и как форму подчинения труда, капитал углубляет это противоречие, подготавливает перевес ценностей рабочего класса в одном из решающих звеньев своего экономического господства.

В этом сдвиге в организации труда под влиянием протеста эксплуатируемого класса проявляется длительно созревавший вызов не только деспотическим формам эксплуатации, но и капиталистическим принципам использования рабочей силы. Он переводит в практическую плоскость вопрос о способности трудящихся утверждать в производстве свои представления о достойном человека характере труда, о роли его в технической системе. Роль рабочего класса как носителя новых гуманистических ценностей в производстве, его способность к соединению научно-технического прогресса с социальным вырастают непосредственно из его положения в производстве, из противоречий его развития в капиталистических оковах. Критический момент в расчетах буржуазных идеологов на выигрыш в маневре и новые возможности для рабочего движения заключены именно в вынужденном обращении капитала к таким формам приспособления, которые в тенденции обращаются против его имманентных целей.

В этом плане чрезвычайно ценно накопление новых черт классовой психологии рабочих, инициатива масс в создании элементов рабочего управления (типа опыта на судоверфях Верхнего Клайда в Англии или на предприятии «Лип» во Франции) [1]. Отношения господства и подчинения на местах характеризуют степень решимости рабочего класса противостоять капиталистической организации

[1] Об этом см., в частности, «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, стр. 80; *Э. Миланова.* Капиталистическое предприятие без хозяев. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 1; *А. Н. Байкова.* Полевение рабочего движения в Англии. — «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 1.

производства. Бесспорная для механизированных отраслей роль рабочего класса в реорганизации труда начинает ощущаться и в автоматическом производстве, где техническое лидирование и организационные прерогативы капитала до сих пор не оспаривались. Живучесть тейлоровских принципов, переходящих и в эти отрасли, и раздающиеся уже пожелания некоторой «деавтоматизации» [1], а также пробивающаяся сквозь эту систему рационализаторская инициатива рабочих способствуют расширению их вмешательства в технический прогресс. Противодействие трудящихся новым формам отчуждения труда и капиталистический маневр перемещаются в автоматическое производство в связи с обострением и здесь социальных проблем организации.

Массовая инициатива рабочих, их пассивный (бегство с предприятий) и активный протест (требования с мест, стихийное представительство от цехов, смен, конвейерных линий) обретают организационное оформление, которое эффективнее там, где четче классовая идейно-политическая ориентация профсоюзов. Столкновения по поводу организации труда сливаются с антикапиталистической борьбой за вмешательство в управление экономикой на всех уровнях, за реализацию «промышленной демократии» по пролетарскому, а не по буржуазному образцу. Как часть борьбы за социальный прогресс такая стратегия способствует соединению объективных и субъективных предпосылок для вытеснения капитала из общественного производства.

В силу гибкости государственно-монополистического маневра, осуществляемого во всеоружии финансовой мощи и прикладных исследований, для рабочего движения особенно актуально критическое освоение достижений буржуазной науки и теоретическая подготовка своих кадров в этой области. Анализ идейных споров в академических и правящих кругах позволит выделить и использовать в интересах революционного пролетариата углубляющиеся противоречия капиталистического производства.

Марксистская концепция общественного контроля над техническим прогрессом включает и сферу организации труда. Эти проблемы выдвигаются в центр теоретической и практической деятельности компартий. Так, конференция 1973 г. в Институте имени Грамши подчеркнула особую важность этого «до сих пор недооценивавшегося аспекта

[1] «Work in America». New York, 1973, p. 20; *R. L. Katz.* Management of the total enterprise. Englewood—Cliffs, 1970, p. 544, 545.

преобразования производственных отношений в союзе с техническими специалистами и людьми науки, который до сих пор недооценивался» [1].

Таким образом, сопротивление трудящихся отчужденному труду в условиях научно-технической революции лишь начинается с защиты их непосредственных социально-экономических интересов, но неизбежно подводит к борьбе за устранение капиталистического диктата в общественном производстве, за утверждение в нем «политической экономии рабочего класса», за подлинное освобождение человеческого труда.

[1] «Unitá», 9.VI.1973; «Rinascita», 29.VI.1973; «Вопросы философии», 1973, № 12.

Глава
девятая

КРИТИКА ТЕОРИЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

1.
Современные системы организации и управления производством

Труды буржуазных экономистов по вопросам организации и управления имеют по преимуществу ярко выраженный прагматический характер. Стремясь заинтересовать бизнесменов своими работами, современные буржуазные специалисты зачастую не скрывают, что при создании теоретических основ системы организации и управления они прежде всего исходят из предпосылки, что «основная цель корпорации — получение прибыли для себя и для своих акционеров» [1]. Вполне обоснован поэтому и подход к определению эффективности каждой теоретической разработки, согласно которому «единственной оценкой может быть лишь та, которую можно выразить в денежной форме» [2]. Как известно, В. И. Ленин, характеризуя исследования Ф. Тейлора по проблемам управления, называл их «научной» системой выжимания пота [3].

[1] *W. E. Moore.* The Conduct of the Corporation. New York, 1956, p. 137.

[2] *T. A. Peter.* The Moral Crisis in Management. New York, 1967, p. 3.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 18—19.

В США никто из ведущих специалистов по менеджменту не подразделяет свои работы на прикладные разработки и на «чистую» науку, так как, по мнению многих теоретиков, конечный продукт их деятельности не статья или книга, а участие в «диагностической группе» (специальной бригаде экспертов, определяющей по заказу корпорации пути дальнейшего повышения эффективности эксплуатации занятых на предприятии рабочих и служащих). К началу 70-х годов сотни американских теоретиков участвовали в работе «диагностических групп» [1].

Анализ, проведенный многими американскими специалистами, показывает, что лишь крупные исследовательские центры в университетах, концернах и межфирменных объединениях имеют условия (финансовые ресурсы, коллективы специалистов, включающие представителей самых различных отраслей науки и техники) для разработки теоретических основ, необходимых при создании современных организационных форм и методов управления.

Этот вывод распространяется как на фундаментальные исследования, так и на прикладные разработки. Теперь теории в области организации и управления (идентично с процессом развития науки в других областях) появляются, как правило, не в результате труда отдельно, обособленно работающих ученых, как это было еще четверть века назад, а в процессе творчества больших научно-технических центров, вооруженных мощной техникой и разветвленным научно-техническим аппаратом. Сейчас нет теоретиков, которые бы подобно Ф. Тейлору, А. Файолю и М. Веберу, создавали законченные системы управления производством. Только отдельные элементы современных систем организации и управления иногда связаны с именем того или иного ученого или практика.

Еще одна важная черта экономического развития в эпоху научно-технической революции: новые теоретические разработки широко внедряются в практику лишь в крупных производственных объединениях. Все большее число небольших и средних фирм в условиях современно-

[1] Так, при Мичиганском университете создан специальный центр, включающий несколько десятков «диагностических групп», состоящих из специалистов по теории управления. Нередко группы обязуются за несколько месяцев дать рекомендации, обеспечивающие повышение производительности труда на 10—30% без вложений в новую технику, т. е. в результате создания более эффективной системы эксплуатации рабочих и служащих корпорации.

го капиталистического хозяйства остается вне достижений науки и техники управления, так как стремительный рост издержек, связанных с внедрением систем, отвечающих нынешним требованиям, необходимость подключения специалистов самых различных отраслей науки для перестройки имеющегося аппарата не дают им возможности наладить постоянный процесс совершенствования системы управления — важнейшего условия сохранения организации на уровне требований научно-технического прогресса.

В результате в начале 70-х годов лишь немногие американские корпорации (приблизительно 0,5%) использовали ЭВМ в качестве базы для своей системы управления[1]. Только крупные корпорации имели техническую и финансовую основу для применения современных методов управления. Поэтому можно с полным основанием сказать, что современная теория организации и управления состоит практически из разработок, направленных на обеспечение эффективной работы только крупного капиталистического объединения. Это очень важная перемена, так как еще в 40—50-х годах средние и даже мелкие фирмы могли строить свою систему управления на тех же теоретических основах, что и крупная корпорация (т. е. на системе управления заводом, разработанной Тейлором).

Таким образом, в условиях современного капиталистического производства внедрение новых систем управления приводит к тому, что значительный сектор в экономике оказывается не в состоянии использовать этот столь существенный рычаг технического прогресса. Вполне очевидно, что возникшее ограничение является одним из важнейших недостатков теоретических разработок, созданных за последние годы. Практика 60—70-х годов говорит о том, что внедрение терминальных устройств и других новинок, на которые уповали буржуазные теоретики, пропагандирующие возможность процветания «независимой» мелкой фирмы в хозяйстве Америки, не оправдало их надежд.

Осознание новой обстановки, в которой от теоретических разработок может выиграть лишь крупный бизнес, в значительной мере объясняет огромную волну слияний и поглощений, прокатившуюся по всему капиталистическому миру в конце 60-х и в начале 70-х годов.

[1] В число корпораций, обладающих такой базой, входят практически лишь те из них, которые имели более тысячи человек занятых, и лишь 50% с числом занятых от 500 до 999 человек («Datamation», June 1970, p. 69).

При анализе современных теоретических работ по вопросам организации и управления обращает на себя внимание еще один важный момент. Все большее число разработок посвящается вопросам, не связанным с производством. Так, например, теоретики направляют усилия на определение путей наиболее эффективной игры на бирже, на обоснование многочисленных вариантов получения прибыли не от производства, а от спекулятивных операций, т. е. наука управления все больше сосредоточивает свои усилия на обосновании операций, свойственных только капиталистической экономике.

2. Модернизация «классической» теории буржуазной науки организации и управления

Капиталистическая экономика еще до второй мировой войны не могла опираться лишь на теории, созданные «классической школой» управления, хотя Ф. Тейлор и его сторонники называли их «единственной научной» теорией [1].

В послевоенный период, особенно в 50—60-х годах, для теории и практики управления характерно становление многочисленных школ и разрозненных теоретических разработок. Быстро внедряются в практику теоретические работы таких направлений, как школы «человеческих отношений» [2], «социальных систем», эмпирической, «принятия решений», новой, или математической.

Каждая из теоретических систем (кроме эмпириков) утверждает, что она приходит на смену существовавшим ранее, что только комплексное использование ее теории (и соответственно отказ от других теорий) приводит си-

[1] «Классическая школа» образовалась вокруг Ф. Тейлора и А. Файоля в конце XIX — начале XX в. В 30—50-х годах ее возглавляли Л. Урвик и Л. Гьюлик. В настоящее время наиболее известны Г. Коонтц и С. Доннел. Внимание представителей этого направления сосредоточено на решении проблем организации производства на предприятии (фабрике, заводе). По их мнению, главная задача теоретика — обобщение опыта отдельных предприятий и математическое (в тех случаях, когда это возможно) обоснование норм производства, разработка организационной схемы предприятия, изучение функций управляющих и выведение главных принципов их работы.

[2] Основные положения теории «человеческих отношений» и их критика изложены в гл. VIII.

стему организации и управления в полное соответствие с требованиями технического прогресса.

Для современной науки управления характерны призывы к отказу от «устаревших догматов» тейлоризма. Так, по мнению ведущих представителей школы «социальных систем» Г. Саймона и М. Хейера, положения традиционной «классической школы» безнадежно устарели и не дают возможности правильно оценить действия людей в условиях современной экономики.

Какова же реакция бизнесменов на призыв к отказу от наследия традиционной «классической школы?» Ознакомление с конкретными схемами организации и методами управления в отдельных концернах приводит к выводу, что практически все управляющие не считают целесообразным (и даже возможным) полностью отказываться от положений, разработанных представителями этого направления. К ним прежде всего относятся: количественный анализ в применении к вопросам управления, принцип делегирования полномочий, масштаб контроля, выделение самостоятельной функции планирования и десятки менее существенных положений. Многие корпорации по-прежнему издают и распространяют среди своего аппарата (с некоторыми изменениями) теоретические принципы Урвика — Гьюлика в качестве теоретического пособия, определяющего поведение управляющих и рабочих [1]. Вполне очевидно, что любая капиталистическая корпорация оставляет незыблемым и главный тезис теории Тейлора, с которого он начинает свою книгу: «Самой важной задачей в управлении предприятием должно быть обеспечение максимальной прибыли для предпринимателя» [2].

Однако теперь в традиционную систему организации и управления концерны включают, как правило, элементы теории новых школ, которые приближают ее к требованиям сегодняшнего дня. Так действует в последние годы практически любая крупная корпорация. В качестве теоретической базы ее руководство использует комплекс положений, взятых из разработок нескольких школ, с обязательным включением элементов теории традиционной «классической школы». Поэтому можно заключить, что ни одна новая буржуазная теория управления не пришла на смену традиционной. Можно согласиться с П. Дракером,

[1] Так, например, поступает автомобилестроительный концерн «Дженерал моторз».

[2] *Ф. У. Тейлор.* Научная организация труда. М., 1925, стр. 5.

одним из ведущих американских экспертов по вопросам управления, отметившим, что у многих складывается представление, будто Ф. Тейлор и его учение — «вчерашний день в американской экономике», а в действительности, как он утверждает, «такие важнейшие элементы современной теории управления, как исследование операции, системный анализ и «человеческие отношения», в значительной мере являются частью наследия Тейлора» [1]. Столь лестные высказывания о традиционалистах объясняются разочарованием практиков, а отчасти и теоретиков в результатах внедрения современных теоретических разработок, в том числе теорий «маркетинга», «человеческих отношений», ставших модными в 50—60-х годах [2]. Многие менеджеры осознали, что зачастую резкая критика Тейлора, Файоля и других представителей «классической школы» отнюдь не объясняется недостатками теорий традиционалистов, а лишь является прикрытием острой нехватки действительно новых, конструктивных идей в современных буржуазных теориях управления.

Большинство практиков отмахивается от предложения полностью следовать той или иной современной теории. Они видят в таких предложениях лишь никому не нужные ограничения в своей работе. Поэтому они все чаще называют себя сторонниками эмпирической школы, использующими лишь те положения, которые «работают» на практике, или же объявляют, что вообще не являются сторонниками какой-либо школы. Схожий процесс происходит и в самой буржуазной науке управления. В настоящее время доминирующее положение в ней занимают эмпирики. К лидерам этого направления причисляют самых популярных теоретиков менеджмента 60-х и 70-х годов — П. Дракера, А. Слоуна, Ф. Моора.

3. Буржуазные теоретики в поисках решения проблем управления

Как уже отмечалось выше, с момента появления первых теоретических работ в области управления буржуазные специалисты были убеждены, что главная задача их раз-

[1] «Advanced Management Journal», October 1967, p. 9.

[2] В соответствии с теорпями «маркетинга» фирма в условиях современной экономики должна исходить из примата сбыта (маркетинга) над производством.

работок — обеспечение условий, при которых организация получит максимальную отдачу от каждого сотрудника, т. е. максимальную прибыль. Но в современных условиях для большинства из них становится вполне очевидным, что такая цель недостижима в результате использования традиционных методов экономического и административного подчинения. Буржуазные теоретики не могут теперь не считаться с привлекательностью идей социализма. Поэтому они видят одну из главных задач теории организации и управления в обосновании выгоды для рабочих методов повышения производительности труда, в результате которых, как говорил П. Дракер, сам «пирог будет больше» [1]. Их усилия направлены на то, чтобы либо наметить пути «развязывания» инициативы, приводящей к росту производительности труда, либо создать какие-то другие рычаги, обеспечивающие максимальную отдачу каждого занятого. Эти предпосылки определяют принципы построения иерархической системы, методы повышения ее гибкости и динамичности, отношение к различным формам материального и морального стимулирования.

Почти все эксперты по менеджменту приходят к выводу, что в современных условиях необходим отказ от принципа единоначалия и от других принципов, придающих авторитарный характер системе иерархического подчинения в крупной корпорации. В 50—60-х годах крупнейшие концерны США один за другим довольно быстро осуществили переход от принципа единоначалия к принципу коллегиального руководства. Этот процесс идет и в других экономически развитых капиталистических странах, но со значительным отставанием от американских корпораций. Быстро распространяются такие формы руководства, как комитет, комиссия, совет и т. п., которые коллегиально разрабатывают и принимают решения по важнейшим вопросам в современном производственном объединении.

Постепенно эта существенная перемена была обобщена и обоснована такими теоретиками, как Р. Ликкерт, А. Танненбаум (школа «человеческих отношений»), П. Дракер (эмпирик), Г. Саймон, Дж. Марч (школа «социальных систем») [2]. Был разработан также принцип «уча-

[1] «Advanced Management Journal», October, 1967, p. 9.

[2] Нередко Г. Саймона и Дж. Марча относят к эмпирикам. Сам же Саймон называет себя то эмпириком, то представителем направления, получившего название «принятие решений» и сводя-

стия в управлении» [1], пришедший на смену единоначалию.

Практика управления современным крупным производственным объединением не оставляет места для деятелей типа Генри Форда I и Генри Кайзера, единолично принимавших решения в своих промышленных империях. Уже попытки Генри Форда II, Эдварда Кайзера и некоторых других руководителей концернов единолично править, как показывает опыт США, оканчивались серьезными экономическими просчетами.

Сторонники теории «участия в управлении» полагают, что если им удастся разработать систему, при которой рабочие и служащие убедятся, что они более не являются придатком машины, а «участвуют» в управлении, то исчезнет классовая борьба. Конечно, принцип «участия» не ликвидировал классовые антагонизмы. Стоит обратить особое внимание на провал многочисленных попыток внедрения в американскую практику «японского» варианта теории «участия», декларирующего начало эры «родственных отношений» между корпорацией и ее рабочими и служащими. У современных рабочих и служащих вызвали возмущение лозунги, объявляющие, что «корпорация является матерью для всех своих подчиненных». Не вызвало восторга у рабочего и «демократическое» право избивать манекен, напоминающий фигуру мастера или начальника его цеха. А предложения о совместном обсуждении задания, плана представителями дирекции и рабочих давали краткосрочный эффект лишь на предприятиях, где отсутствует профсоюзная организация. На заводах, где сильны организации рабочего класса, менеджеры стремятся избежать любого обсуждения производственных заданий. Разочарованию в «японском» варианте системы «участия» особенно способствовали сообщения о провалах этого варианта патернализма и в самой Японии.

щего все проблемы управления к оптимизации способов разработки и принятия решений.

[1] «Участие в управлении» — теоретическое положение, в соответствии с которым каждый эшелон управленческой пирамиды возглавляется группой, а не одним человеком. Эти группы должны коллегиально принимать решения, они же несут и ответственность за результативность работы данного участка управленческого аппарата. Согласно этой теории, каждый участник производственного процесса на своем уровне должен участвовать в управлении.

В целом опыт, накопленный корпорациями за последние годы, приводит к выводу, что слабый эффект от внедрения принципа «участия» отнюдь не связан с недоработкой этой теоретической концепции. Корпорации оказались бессильными предложить систему управления, которая бы развивала инициативу у всех участников труда в современном капиталистическом производственном объединении. Инициативу проявляют лишь высшие элементы управленческого аппарата. Нерешенной осталась и главная задача управления — «управление рабочим и работой в условиях новой техники» [1].

Часть эмпириков во главе с П. Дракером сумела поставить верный диагноз болезни неуправляемости корпораций-гигантов. По их мнению, ни рост центрального аппарата, ни все более широкое использование ЭВМ в управленческой практике не могут дать ожидаемых результатов, потому что в современной капиталистической корпорации функция управления полностью отделена от тех, кто занят непосредственно на производстве.

По мнению экспертов, связанных со школами «социальных систем» и «человеческих отношений», недовольство рабочих направлено не против работы, как таковой, а против авторитарной системы, созданной инженерами, которые полагали, что рабочий бестолков, боится ответственности и слишком эмоционален [2]. Они убеждены, что любая экономическая организация, если она хочет стать на уровень задач современности, должна отказаться от основной установки таких технократов, которые требуют от занятых в производстве, чтобы они и впредь подчиняли всю свою деятельность принципу, изложенному традиционалистами:

«Для вашего успеха самое большое значение имеет следующий совет. Каждый день и в начале и в конце года каждый человек обязан задавать себе вновь и вновь два вопроса: Кто тот человек, на которого я работаю?

Ответив на него, надо задать себе второй вопрос: Что в данный момент требует человек, на которого я работаю?..»

Представители школ «социальных систем», «человече-

[1] *P. E. Drucker.* The Practice of Management. New York, 1954, p. 286.

[2] «Work in America», Report of a Special Task Force to the Secretary of Health, Education and Welfare.Washington, December 1972, p. 41.

ских отношений», эмпирической приходят к единому мнению, что подобный предельно «упрощенный авторитаризм представляется нелепым и смехотворным современному рабочему, так как он больше уже не является необразованным человеком, как и поныне полагают некоторые представители традиционной школы» [1].

Проблема усугубляется еще одной переменой. В условиях общего кризиса капитализма быстро расширяется основа для антимонополистической борьбы. Концерны и работающие на них теоретики сталкиваются не только с оппозицией рабочих. Против концернов начинают активно выступать низшие и средние звенья управленческого аппарата. Как показало правительственное обследование, проведенное в начале 70-х годов, ранее незыблемая основа капитала — среднее управленческое звено — не представляет уже единого целого. Минимум $^1/_3$ его представителей считает, что их интересы в современных условиях совпадают с требованиями рабочих, их профсоюзных организаций, а не с политикой корпораций [2]. По мнению профессора С. Сесси, перемена объясняется ужесточением авторитарного характера системы управления [3].

Эмпирики, представители школ «социальных систем», «человеческих отношений» видят выход либо в развитии теории патернализма, либо в разработке систем управления, включающих в руководство концерна представителей профсоюза, в разработке более совершенных комплексных систем материального и морального стимулирования.

Представители школы «социальных систем» выдвигают теорию трансформации функций современного концерна и высшего звена его управленческого аппарата. Согласно этой теории, корпорация в эпоху научно-технической революции уже не обособленная экономическая единица, противостоящая конкурентам. Теперь любое производственное объединение (концерн), говорят они, неотрывная часть экономики, отражающая интересы хозяйства страны в целом. Соответственно меняются и функции руководителя концерна. Как пишет А. Турен, «ранее управляющий был только инструментом в руках капитала, который был занят лишь установлением дисциплины и обеспечени-

[1] «Work in America», Report of a Special Task Force to the Secretary of Health, Education and Welfare. Washington, December 1972, p. 17, 41.
[2] «Work in America», p. 17.
[3] «Business Week», November 1973, p. 14.

ем выпуска продукции». Теперь он «уже не простой представитель капиталиста» [1]. Управляющий становится технократом, будто бы отражающим интересы и рабочего, и служащего, и владельца капитала. Отсюда автор делает вывод о возможности преодоления классовых противоречий между руководством современного концерна и остальными участниками производства. Для этого рекомендуется создание в системе управления концерна специальных отделов, ведущих пропаганду его «новых» задач в современную эпоху. Большое внимание уделяется усовершенствованию программ «участия» в прибылях всех занятых в производственном процессе. Однако, как признает буржуазная печать, трудящиеся без энтузиазма относятся к предложениям о распределении среди них акций корпораций. И они делают все возможное, чтобы отделаться от них [2]. В некоторых случаях на решение концерна распространить в обязательном порядке акции среди рабочих последние отвечают забастовкой. Они прекрасно понимают, что акции играют роль современного троянского коня, облегчающего предпринимателям внедрение все более жестоких потогонных систем эксплуатации.

Стоит подчеркнуть, что теория «участия» в управлении встречает серьезное сопротивление и со стороны основной массы предпринимателей. Во-первых, они убеждены, что даже столь незначительная модернизация системы управления станет угрозой для всей системы частного предпринимательства, так как у рабочих может появиться еще одно доказательство их права на действительное руководство и предприятием, и экономикой в целом. И во-вторых, предприниматели считают, что рабочего можно заставить работать с максимальной отдачей сил и без расходов на систему «участия».

Эта точка зрения нашла поддержку среди представителей новой, или математической, школы. По мнению ряда представителей этого направления, в эпоху научно-технической революции, когда система управления базируется на электронно-вычислительной технике, нет никакой необходимости в программах «участия». Согласно этой теории, ЭВМ предопределяет оптимальное участие каждого человека в работе производственного объединения, если хорошо разработана система организации работ. Все

[1] *A. Touraine.* Post-Industrial Society. New York, 1969, p. 153.
[2] «International Herald Tribune», September 12—13, 1973.

рабочие и служащие, кроме высшего звена управленческого аппарата, являются лишь «пассивным инструментом» [1]. Поэтому для успеха концерна необходимо щедро стимулировать лишь верхний эшелон управленческого аппарата, разрабатывающий такие системы. А уж система заставит всех трудиться с максимальной отдачей.

Такие теоретические воззрения были заложены в основу системы управления самого современного предприятия концерна — «Дженерал моторз» в Лордстауне, штат Огайо. Однако руководство этой автомобилестроительной монополии быстро разочаровалось в новой системе организации работ. Предприятие, где была запрограммирована «оптимальная» нагрузка каждого участника производственного процесса без каких-либо вариантов материального стимулирования, принесло концерну убытки, а не ожидаемые прибыли. Через несколько месяцев после пуска завода эта корпорация была вынуждена пересмотреть всю систему организации и управления в Лордстауне, так как и рабочие, и служащие ответили на нее одним из самых бурных выступлений протеста против системы эксплуатации на предприятиях США за весь послевоенный период.

4. Предложения новых организационных схем. Конгломераты

В начале 60-х годов возникла новая организационная форма монополии — конгломерат, представляющая собой объединение предприятий самых различных отраслей, связываемых только финансовым контролем. В оперативном отношении это объединение управляется не центральным аппаратом, а производственным отделением или дочерней компанией [2].

Во второй половине 60-х годов печать заговорила о возникновении «школ» Дж. Линга и «Литтон индастриз», разрабатывающих «революционную» теорию конгломера-

[1] *J. G. March, H. A. Simon.* Organizations. New York, 1958, p. 29.

[2] В Западной Европе нередко термин «конгломерат» относится к любому мощному диверсифицированному производственному объединению. Это существенное различие в европейском и американском толковании понятия «конгломерат» нередко приводит к различным оценкам объединений конгломератного типа. В данной работе мы исходим из американского толкования этого термина.

та, соответствующую эпохе научно-технической революции [1]. Для этих «школ» характерно широкое участие в разработке основных теоретических положений руководителей крупных производственных объединений и профессуры, совмещающей свою научную работу с деятельностью консультанта или директора в ведущих концернах страны. Падкая на сенсацию печать называла таких экспертов (Дж. Линга из «ЛТВ», Г. Дженина из «ИТТ» и др.) теоретиками-практиками организаций будущего.

К началу 70-х годов в числе 100 крупнейших промышленных концернов США уже насчитывалось 18 конгломератов. Сторонники конгломератов предсказывали, что уже к концу 70-х годов практически вся экономика США будет охвачена 200 конгломератами [2].

Наиболее типичным примером объединения нового типа может служить концерн «Литтон индастриз». Сфера его деятельности охватывала в конце 60-х годов производство военной техники, счетную аппаратуру, мебель, выпуск пищевых продуктов, хирургический инструмент. Она включала сеть гостиниц и ресторанов и производство многих других товаров и услуг. В целом концерн обладал предприятиями в нескольких десятках отраслей [3].

Нет сомнения, что производство оружия, мебели, пищевых продуктов и наладка работы сети гостиниц — все имеет свою совершенно различную технологию. Но сторонников конгломератной формы объединения не смущало это многообразие. Они доказывали, что в век научно-технической революции просто необходимо радикально пересмотреть всю систему управления в концерне в соответствии со следующими принципами.

Во-первых, сам рост организации уже обеспечивает увеличение ее мощи, дает ей новые качественные черты. При слиянии двух равных по величине корпораций появляется организация, потенциал которой намного превышает простую сумму двух объединившихся подразделений. Поэтому главная цель конгломерата — максимальное количество слияний и поглощений.

Во-вторых, трудности управления в концернах-гигантах возникают потому, что центральный аппарат «берется не за свое дело». Руководство крупной современной корпорации должно заниматься не организацией и управле-

[1] «Fortune», August 1969, p. 92.
[2] «Transportation Journal», Summer 1970, p. 17.
[3] «Moody's Industrial», 1973, vol. II, p. 3386—3387.

нием производства, а организацией активов, управлением финансовыми операциями. Новый подход, говорил Дж. Линг, обеспечивает сокращение центрального аппарата корпорации в несколько десятков раз. И эти заявления подтверждались конкретными примерами из практики. Так, центральный аппарат при новом подходе в концерне «ЛТВ» сократился в 2 раза при увеличении объема продаж в 30 раз [1]. И это происходило в то время, когда в обычных корпорациях центральный аппарат растет неуклонно из года в год.

В-третьих, главное и единственное требование к руководству концерна — знание разработанной ими теории управления. Один из основных тезисов новой школы менеджеризма — «хороший управляющий не только может руководить чем угодно, но и способен существенно поправить дела любой компании». Эксперты утверждали: «Хороший жокей может успешно править любой лошадью, и надо ставить на жокея!» [2] Таким образом, знания в области науки управления и личные способности управляющего становились единственным критерием, от которого зависит успех концерна. Знания техники, специфики отрасли необходимы лишь руководителям низших звеньев управленческой пирамиды.

Опыт конгломератов в течение второй половины 60-х годов, казалось, подтверждал, что найдена оптимальная форма капиталистического менеджмента. Однако кризис 1969—1971 гг. помог быстро проверить обоснованность оптимистичных утверждений о преимуществах новых организационных форм. Он способствовал выявлению чрезвычайно опасных, уязвимых мест, присущих конгломератам. Первые же удары кризиса привели к огромным убыткам на предприятиях конгломератов (намного превышающим потери других корпораций). И это не было роковым стечением обстоятельств. Конгломераты были нынуждены дорого платить за советы теоретиков, предложивших сконцентрировать все внимание на управлении активами. Самые ловкие «жокеи», специализировавшиеся на манипулировании акциями, оказывались не в состоянии спасти свои корпорации, где из года в год пренебрегали вопросами производства. Попытки срочно поправить дела с помощью включения в центральный аппарат людей, хорошо

[1] «Fortune», April 1973, p. 70.
[2] «Fortune», August 1969, p. 163.

знающих производство, не давали желаемого эффекта. Отмеченное нами многообразие предприятий в составе конгломерата не дает возможности проводить единую техническую политику, становится нереальным создание единого технического комплекса. Руководство объединения конгломератного типа оказалось лишенным возможности управлять производством со знанием дела. Таким образом, теоретические разработки, заложенные в основу системы организации и управления конгломератами, свидетельствуют о том, что современные представители буржуазной науки все чаще идут на создание систем, нацеленных на получение прибыли не от повышения эффективности производства, а от спекулятивных операций на бирже. Такие работы особенно ярко показывают, чьим интересам служит буржуазная наука управления.

Провалы многих конгломератов привлекли особое внимание теоретиков и практиков к другому пути решения проблем, возникающих в эпоху научно-технической революции. В последние годы во всех странах заметны лихорадочные поиски новых форм организации и управления, позволяющих объединить усилия целого ряда концернов. В современной экономике нередко возникают научные и технические задачи, оказывающиеся не под силу и крупнейшим концернам. Они требуют таких гигантских капиталовложений, связаны со столь большим риском, что их осуществление становится экономически возможным или целесообразным лишь в рамках межкорпорационных объединений [1]. Самые же дорогостоящие (и связанные со значительным риском) проекты могут осуществляться лишь с помощью финансовых ресурсов и организационных рычагов государства, соединяемых с потенциалом межкорпорационных комплексов (например, программы освоения космоса, создания новых систем военной техники, проведения комплексных мероприятий по защите окружающей среды, разработке конструкции сверхзвукового пассажирского лайнера и т. п.). В эпоху научно-технической революции количество подобных программ растет из года в год.

Именно на этом уровне обобществления капиталистического производства особенно ярко проявляются противоречия между старыми теоретическими разработками, лежащими в основе организации концерна, и теми новыми

[1] Межфирменные объединения обычно состоят из нескольких концернов, десятков, а иногда сотен и даже тысяч средних и мелких корпораций.

формами управления, которых требует технический прогресс.

До появления программ, осуществляемых десятками и сотнями корпораций с помощью государства, любая теория исходила из необходимости построения схем, приводящих к повышению эффективности отдельного предприятия, а в дальнейшем отдельной корпорации. В новой же обстановке для решения технических и экономических задач возникает необходимость подчинения интересов всех корпораций-участниц общим для программы задачам. Таким образом, все рельефнее проявляется зависимость технического прогресса не только от эффективности системы организации и управления в рамках отдельной корпорации, но и от характера всей экономической системы в стране.

На первых порах буржуазные теоретики полагали, что имеющиеся теоретические основы организации и управления могут обеспечить эффективное претворение в жизнь любой грандиозной программы в рамках капиталистической системы. Необходима лишь разработка соответствующих положений, дополняющих теорию организации и управления в корпорации.

Таким дополнением к обычным схемам стала организация специального координирующего органа, обладающего, как отмечала американская печать, «царскими» полномочиями. Для этого один из участников наделяется исключительными правами. По мнению создателей новой системы, эта организация могла бы взять на себя функции, выполняемые планирующими организациями. Первая подобная попытка была предпринята при разработке ракеты «Поларис». Руководителем работ по этой программе была назначена корпорация «Рамо-Вулдридж». Однако уже через несколько месяцев после образования межкорпорационного объединения во главе с «царем» в печати появилось сообщение, что «царь» использует техническую информацию, поступающую от участников проекта, не только в интересах создания «Полариса», но и для развития других своих производств, что он далек от объективности в распределении фондов, поступающих от федерального правительства. «Царские» полномочия сыграли не последнюю роль в превращении этой небольшой корпорации в один из крупнейших американских концернов — «Томпсон Рамо-Вулдридж».

Анализ каждой из программ, осуществляемых рядом корпораций, возглавляемых «царем», свидетельствует, что современная буржуазия, как и сто лет назад, распространяет свою солидарность, свое «поистине масонское братство» лишь на борьбу с рабочим классом. Когда же дело доходит до дележа прибыли и особенно убытков все определяется не классовой солидарностью, а силой и хитростью отдельных капиталистов [1]. Таким образом, современный капитализм еще и еще раз доказывает, что планомерная организация производства ему доступна лишь в пределах отдельного предприятия и производственного объединения. Все же попытки ликвидации анархии производства в экономике в целом оказываются безуспешными.

Противоречия между корпорациями — участницами организации работ в сложных комплексах способствовали появлению другой теоретической разработки. По мнению авторов новой схемы, эффективное осуществление сложных программ частными корпорациями возможно, если каждый участник является равноправной частью системы. Однако реализация этого предложения теоретиков обнаружила появление еще больших трудностей. Участники тратят массу времени на согласование общей политики. В результате программа осуществляется с многомесячным опозданием и с существенным превышением первоначальной оценки ее стоимости.

Буржуазные эксперты в последние годы пришли к признанию того факта, что ни одна из существующих теоретических разработок не обеспечивает оптимальной организации крупных программ в рамках частнокапиталистического объединения. Самые очевидные доказательства бесперспективности теорий всех буржуазных школ и направлений практики-менеджеры получили в период жестоких экономических потрясений капиталистической системы хозяйства в середине 70-х годов. «Менеджеры разочаровываются в науке управления и в наши дни зачастую не желают ее даже серьезно рассматривать как рабочий инструмент в решении важных проблем. Управляющие и теоретики существуют как два обособленных мира, каждый из которых имеет свои цели, свой язык и собственные методы. Эффективная кооперация и даже связь между ними минимальны... Несмотря на все усилия, предпринимаемые в течение ряда лет... разрыв между ни-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 217, 278.

ми не ликвидирован» [1]. Приведенное заключение сделано не менеджером-неудачником или непризнанным ученым. К такому выводу пришел один из руководителей новой экономической политики республиканского правительства, декан школы бизнеса Дж. Грейсон. И он не одинок, к подобным заключениям приходят и другие специалисты.

Симптоматично, что за признаниями неудач буржуазных теоретиков следует всевозрастающее число сообщений в американской печати о необходимости проведения национализации крупнейших концернов или даже целых отраслей. О возможности подобной ситуации на транспорте сейчас говорит даже министерство внутренних дел США [2].

Таким образом, развитие научно-технической революции приводит даже буржуазных экспертов к выводу, что никакая новая теоретическая концепция управления не приведет частное предпринимательство в соответствие с требованиями технического прогресса, с требованиями современных производительных сил. Они воздерживаются лишь от одного вывода, что все развитие экономики приводит к необходимости национализации крупнейших капиталистических концернов и межфирменных объединений. Они, конечно, не могут также признать, что возникшие противоречия являются одним из существенных проявлений общего кризиса капиталистической системы и не могут разрешиться лишь в результате образования новой экономической формации. Только эта новая экономическая формация обладает всеми условиями для разработки и применения на практике действительно научной теории организации и управления производством в эпоху развития научно-технической революции.

[1] «Harvard Business Review», July—August 1973, p. 41.
[2] «Business Week», January 20, 1973, p. 55.

Глава
десятая

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

1. Научно-технический прогресс и «взаимозависимость наций»

Проблемы научно-технического прогресса развивающихся стран привлекли внимание буржуазных экономистов сравнительно недавно. Их первой реакцией на завоевание бывшими колониями империалистических держав политической независимости было отрицание возможности самостоятельного экономического развития молодых государств. «Серьезные сомнения в самой возможности развития» этих государств подчеркивал, например, в 1959 г. А. Хиршман [1]. Широкое распространение получила концепция «порочных кругов», из которых экономически отсталые страны якобы не могут вырваться без посторонней помощи. Б. Хиггинс и Д. Маленбаум в 1955 г. «порочными кругами» бедности объясняли трудности самостоятельного финансирования экономического развития молодых государств [2]. Однако жизнь быстро опровергла

[1] *A. Hirshman.* The Strategy of Economic Development. New Haven, 1959, p. 2.

[2] *B. Higgins, D. Malenbaum.* Financing Economic Development. New York, 1955.

утверждения буржуазных идеологов об обреченности освободившихся стран на экономический застой.

Завоевав политическую независимость, освободившиеся страны стали осуществлять программы индустриализации. Однако в условиях научно-технической революции возможность эксплуатации этих стран капиталистическими монополиями все больше ограничивалась отсталостью их экономической структуры. В этой связи лидеры монополистического капитала и руководители империалистических государств разработали новую стратегию. Немаловажное место в ней отводится использованию более современной техники и технологии в целях закрепления неравноправного и зависимого положения молодых государств в системе мирового капиталистического хозяйства.

В последние годы монополии, и прежде всего так называемые многонациональные корпорации, перебазируют в развивающиеся страны производства, которые связаны с использованием массы неквалифицированной рабочей силы, требуют больших площадей для своего размещения, а также загрязняют окружающую среду и потребляют большое количество дефицитной в Западной Европе, США и Японии пресной воды. На территории развивающихся стран организуется производство ряда новых промышленных изделий, в том числе электронного оборудования, современных электротехнических товаров и т. д. При этом предприятия рассредоточиваются так, что ни в одной стране не создается полного цикла. Отдельные развивающиеся страны превращаются во взаимосвязанные звенья международного капиталистического производственного конвейера, контролируемого обычно многонациональными корпорациями.

В то же время в развивающихся странах ощущается все более настоятельная необходимость использования современных достижений мировой науки и техники для решения стоящих перед ними задач: обеспечение населения продуктами питания, осуществление индустриализации, борьба с эпидемиями, предупреждение разрушительных последствий стихийных бедствий, ускорение темпов экономического роста и др. Тот факт, что национально-освободительные революции, разрушив колониальную систему империализма, открыли путь независимому развитию бывших колониальных народов как раз в ту эпоху, когда в мире разворачивается научно-техническая революция, обусловил возникновение новых теоретических и практических

проблем. На первый план выдвинулись устремления монополистического капитала воспользоваться научно-технической революцией для усиления экономической зависимости освободившихся государств от империализма, для повышения степени эксплуатации народов этих стран. С этим связана прежде всего проблема растущей «взаимозависимости наций» под влиянием научно-технической революции, проблема роли частного предпринимательства в отраслях, оснащаемых современной техникой, проблема экономических критериев для выбора техники.

Объективный процесс развития производительных сил общества ведет к росту интернационализации производства. На этом основании новая буржуазная теория «взаимозависимости наций» объявляет экономическую независимость стран в эпоху бурного технического прогресса недостижимой утопией, а усилия, направленные на ее завоевание, — реакционной недальновидной политикой, вступающей в конфликт с объективным процессом усиления интернационального характера производства, связанного с особенностями новой техники. Объектом нападок проповедников теории «взаимозависимости наций» становится национальный суверенитет вообще. «Национальный суверенитет может мешать и часто действительно мешает эффективной организации экономической активности, распространению технологии в мировом масштабе и достижению более высокого стандарта жизни для большей части человечества» [1], — пишет американский экономист Л. Браун, один из идеологов Совета заморского развития [2]. Хотя Л. Браун считает анахронизмом национальный суверенитет всех стран, его рассуждения касаются главным образом молодых освободившихся государств, ибо, по его мнению, страны Западной Европы уже постепенно жертвуют своим суверенитетом ради материальных выгод: «Экономический суверенитет стран — членов «Общего рынка» все больше обменивается на ускоренный экономический

[1] *L. Brown.* The Interdependence of Nations. Washington, 1972, p. 6.

[2] Совет заморского развития (Overseas Development Council) был сформирован в 1969 г. как независимая частная организация американского монополистического капитала с целью координировать деятельность отдельных компаний в «третьем мире», проводить изучение возникающих в ходе этой деятельности проблем, служить национальным центром для обсуждения этих проблем и вести пропаганду американской буржуазной идеологии по всем вопросам, «касающимся развития бедных наций».

прогресс, который становится возможным в результате интеграции» [1]. Он призывает развивающиеся страны следовать этому примеру.

В основе роста «взаимозависимости наций», утверждает Л. Браун, лежат именно те факторы, которые определяются характером современной техники. К ним относится взаимозависимость стран, существующих в общей внешней среде, которая сейчас драматически заявляет о себе экологическим кризисом. Что будет, спрашивает он, если, например, при помощи новейших научно-технических средств в области метеорологии Пакистан будет вызывать над своей территорией искусственные дожди, усиливая тем самым засуху в соседней Индии, а ускоренная разработка лесных ресурсов Непала приведет к более частым наводнениям в Индии, Пакистане и Бангладеш? Крупные ирригационные сооружения, создаваемые в отдельных странах, способствуют распространению шистозоматоза [2] в крупных регионах. Уже сейчас эта болезнь стала самой распространенной в Африке, Южной и Восточной Азии и в тропических районах Латинской Америки. Назревает и кризис рыболовства.

Взаимозависимость стран усиливается неравномерностью распространения природных богатств. О грозящем энергетическом кризисе экономисты Совета заморского развития писали еще задолго до израильской агрессии в октябре 1973 г., известных мероприятий стран — членов ОПЕК и роста спекуляций международных нефтяных монополий. Подчеркивая усиление взаимозависимости стран в области снабжения сырьем, Л. Браун ссылается на расчеты, согласно которым уже в конце текущего столетия растущие в результате технического прогресса потребности всех стран в свинце, цинке, меди и олове будут превышать разведанные сейчас мировые запасы этих металлов.

В этих условиях, утверждает Л. Браун, материальное благосостояние людей в одних странах ставится в зависимость от того или иного курса экономической политики в других, жизненный уровень населения в США или Западной Европе — от доступа этих стран к источникам сырья, расположенным на территории развивающихся стран.

[1] *L. Brown.* Op. cit., p. 6.

[2] Возбудителя этой инфекционной болезни, поражающей внутренние органы человека, разносят моллюски, которые размножаются в тропических озерах, реках, водохранилищах, каналах.

«Если государство не может в широких масштабах пользоваться мировыми ресурсами, его усилия повысить качество жизни своего населения будут серьезно подорваны» [1].

Растет и технологическая взаимозависимость, которая усиливается по мере того, как модернизация экономики охватывает все новые районы мира. Расширяющийся технологический разрыв между «странами атлантического сообщества» и Японией, с одной стороны, и остальным миром — с другой, еще крепче, чем раньше, связывает «бедные» страны с «богатыми», ибо, «помимо многонациональных корпораций, нет никаких других учреждений, способных осуществлять передачу технологии в необходимых масштабах» [2].

Различные страны, утверждает Л. Браун, зависят друг от друга также и в социальной области. Разработка новых технических средств в одних странах в конечном счете вызывает рост безработицы в других, перед развивающимися странами зловеще нависает угроза неминуемого «кризиса занятости».

Весь мир, по словам Л. Брауна, под воздействием развития науки и техники превращается в единое сообщество наций, в котором «качество жизни» каждой из них зависит от использования ресурсов остальных и от экономического сотрудничества с ними. Поэтому экономические и политические решения, принимаемые в одной стране, совершаемые в ней научные открытия или происходящие технические сдвиги могут затронуть судьбы большего числа людей за пределами этой страны, чем внутри ее. Решение многонациональной корпорации о строительстве промышленного комплекса в какой-либо развивающейся стране может иметь более важные последствия для ее экономики, чем многие решения ее собственного правительства.

Изложенные Л. Брауном взгляды отражают общепринятую сейчас буржуазными идеологами концепцию, противопоставляемую ими стремлению развивающихся стран к экономической независимости от империализма [3]. Цель

[1] *L. Brown.* Op. cit., p. 6.

[2] Ibid., p. 45.

[3] В докладе, представленном международной конференции «Ассамблея единой Азии» (Дели, 1973 г.), голландский экономист Я. Тинберген писал: «Слишком большой упор на такие националистические аспекты, как опора на собственные силы, также уг-

этой концепции—теоретическое обоснование политики неоколониализма периода научно-технической революции. Опасность ее в том, что она прикрывается реально происходящим под воздействием научно-технической революции усилением интернационализации производства и отражает действительный факт растущей в этих условиях технологической зависимости развивающихся стран от империализма и многонациональных корпораций. Эта концепция находит поддержку и у определенных кругов в самих развивающихся странах, кругов, преуспеяние которых связано с эксплуататорской деятельностью иностранного капитала.

В теории растущей «взаимозависимости наций» главный упор делается на то, что от этой взаимозависимости прежде всего и больше всего будто бы выигрывают развивающиеся страны. Повторяются старые вымыслы о «цивилизаторской миссии белого человека» периода расцвета империалистической системы колониализма. Единственный путь прогресса для освободившихся государств, согласно этой теории, — постоянный ввоз готовой современной техники из стран Запада, привлечение из этих стран технических специалистов, капиталов.

Действительно, в последние годы растет объем современной техники, поставляемой странами развитого капитализма своим бывшим колониям. Это новое явление по сравнению с тем временем, когда капиталистические монополии старались не допустить технику в развивающиеся страны, тормозить развитие там промышленности. Однако неоколониалисты при этом преследуют совершенно определенные цели — использовать современную технику для ускоренной разработки природных богатств развивающихся стран в интересах промышленных монополий, для усиления эксплуатации местного населения, для укрепления технологической зависимости молодых государств от империализма.

Эффективное использование новых возможностей для эксплуатации развивающихся стран, которые открывает иностранному монополистическому капиталу научно-тех-

рожает скрыть по существу интернациональный характер стратегии развития. В общих интересах всего мира нацелиться на международное разделение труда, в результате которого используются все ресурсы, особенно людские, и распределять продукт по справедливости» (*J. Tinbergen.* The Human Dimention of Economic Growth. New Delhi, 1973, p. 7).

ническая революция, предполагает соблюдение двух условий.

Первое — некоторая технико-экономическая модернизация развивающихся стран, рост капиталистических отношений. Г. Мюрдаль писал еще в 1956 г.: «Хозяйственное развитие слаборазвитых стран признано теперь в качестве основной цели международной экономической интеграции» [1]. Свою теорию «международной экономической интеграции» он подчинил задаче обоснования необходимости объединения освободившихся стран в одно экономическое и политическое целое с промышленно развитыми странами капиталистического мира. В трехтомном труде «Азиатская драма» Г. Мюрдаль также подчеркивает необходимость использования в развивающихся странах новой техники при одновременном расширении сферы капиталистических отношений. Он считает, что главные препятствия ускорению капиталистического развития в этих странах заключаются в низком уровне дисциплины, в консервативной аграрной системе, неразвитых формах предпринимательства, торговли и кредита, низкой эффективности администрации [2]. Второе — открытый доступ монополистического капитала империалистических государств в развивающиеся страны, к их природным богатствам, к их рынкам, к их трудовым ресурсам.

Буржуазная политэкономия концентрирует свои удары против экономической политики тех развивающихся стран, которые пытаются защитить национальное хозяйство от разрушительной конкуренции со стороны империалистических монополий и от бесконтрольного хозяйничания в нем иностранного капитала. При этом наиболее убедительными аргументами считаются те, которые связывают необходимость отказа от политики протекционизма с закономерностями развития современной техники.

Буржуазные экономисты стремятся убедить общественность развивающихся стран в том, что политика протекционизма якобы задерживает повышение технического уровня хозяйства, ухудшает экономическую эффективность производства. Современная техника, утверждают они, требует свободы торговли. В книге, посвященной проблемам индустриализации развивающихся стран и их участию в мировой торговле в условиях научно-технического

[1] *G. Myrdal.* An International Economy. New York, 1956, p. 321.
[2] *G. Myrdal.* Asian Drama. New York, 1969, vol. III, p. 1860.

прогресса, авторы, связанные с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), утверждают, что «протекционизм — это лишь один из нескольких способов поощрения промышленного развития и в общем и целом наихудший способ» [1]. Наихудший именно потому, что, защищая национальные промышленные предприятия от иностранной конкуренции, он, по утверждению авторов книги, не стимулирует эти предприятия к поискам путей повышения технической и экономической эффективности, к обновлению и совершенствованию техники, к снижению издержек производства и улучшению качества продукции.

Тем самым протекционизм, цель которого состоит, во-первых, в создании условий для развития национальной экономики, и прежде всего промышленности, во-вторых, в поддержании равновесия платежного баланса путем ограничения импорта, в наш век стремительного научно-технического прогресса по утверждению буржуазной политэкономии приводит к обратным результатам. Созданная в тепличном климате протекционизма промышленность развивающихся стран, по мнению буржуазных экономистов, обязательно должна отличаться технической отсталостью и низкой экономической эффективностью, а позиции платежного баланса не могут не подрываться тем, что развивающиеся страны из-за более низкой технической и экономической эффективности своей промышленности оказываются неспособными производить конкурентные товары на мировой рынок. Протекционизм буржуазные экономисты отождествляют с автаркизмом и называют экономическим национализмом. Они осуждают также политику ограничения свободы деятельности иностранного капитала в развивающихся странах [2].

Несостоятельность буржуазной теории «взаимозависимости наций» и связанных с ней концепций «международной экономической интеграции» определяется их направленностью против стремлений освободившихся государств к экономической независимости от империализма. Именно проходя через призму этой целенаправленности, факты и тенденции экономического развития освободившихся стран в условиях научно-технической революции преломляются

[1] *I. Little, T. Scitovsky, M. Scott.* Industry and Trade in Some Developing Countries. A Comparative Study, Oxford University Press. London. 1970, p. 114.

[2] «Economic Nationalism in Old and New States». Ed. by H. G. Johnson. Chicago, 1966.

в искаженном виде. Действительно, научно-техническая революция, более чем когда-либо, превращает каждое национальное хозяйство, в том числе хозяйство каждой развивающейся страны, в частицу мирового хозяйства. В перспективе следует ожидать еще большего расширения международных экономических связей. Но отсюда отнюдь не должен следовать вывод о необходимости противопоставления национального суверенитета техническому прогрессу и накоплению богатства, которое составляет основное содержание буржуазной теории «взаимозависимости наций». Наоборот, именно расширение международных экономических связей, контролируемых в капиталистическом мире крупнейшими промышленными корпорациями, означает небывалое возрастание экономической власти этих корпораций, резкое повышение степени эксплуатации менее развитых народов, ускоренное истощение их природных богатств при помощи современной техники, углубление разрыва между передовыми в техническом отношении странами развитого капитализма и большой частью человечества, лишь недавно избавившегося от колониального угнетения.

В условиях научно-технической революции развивающиеся страны нуждаются в защите своих экономических интересов больше, чем когда-либо раньше. Защита эта может быть реальной лишь в результате установления полного национального суверенитета над их экономической жизнью, в результате достижения подлинной экономической независимости. Борьба за экономическую независимость от империализма — это борьба против империалистической эксплуатации, которая не ограничивается лишь пределами мирового капиталистического рынка, но захватывает и внутреннее, национальное хозяйство развивающихся стран. Борьба за экономическую независимость от империализма становится важной формой национально-освободительной борьбы в современных условиях, она в то же время превращается в борьбу против утонченных и изощренных форм эксплуатации при помощи новейшей техники. А сейчас, как говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, «главное состоит в том, что **борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических**» [1].

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 18.

Не случайно на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, проходившем в октябре 1973 г. в Москве, было подчеркнуто: «Нестерпимо, что в условиях научно-технической революции не преодолено наследие колониализма и колониальных социальных структур в огромной части мира, что во многих районах земли свирепствуют голод и болезни, сохраняется экономическая и культурная отсталость, царит нищета... Настойчивость и созидательные усилия народов развивающихся стран... способны решить эти жгучие социально-экономические проблемы, поднять жизненный уровень сотен миллионов людей. Этому должно способствовать повсеместное сокращение военных бюджетов, строгое уважение права народов владеть и распоряжаться своими естественными ресурсами, усиление экономического и научно-технического содействия развивающимся странам без каких-либо политических условий» [1].

Экономическая независимость ни в коей мере не означает хозяйственной изоляции развивающейся страны от внешнего мира, автаркии. Она может вполне сочетаться с постоянно усиливающейся включенностью развивающихся стран в международные хозяйственные связи. Внешнеэкономические связи этих стран должны реально содействовать более быстрому и успешному развитию, и в том числе укреплению экономической самостоятельности. Включенность страны в мировое хозяйство и ее экономическая зависимость не тождественные понятия.

Это наглядно показывает исторический опыт развития социалистических стран. Хозяйственная интеграция, производственная кооперация, координация национальных планов и осуществление общих крупных мероприятий сочетаются в странах, объединенных Советом Экономической Взаимопомощи, с уважением национального суверенитета каждой из этих стран, с соблюдением принципа равенства и взаимной выгоды. Рост экономического и научно-технического сотрудничества СССР с рядом капиталистических государств в последние годы, в том числе с США, не только не ведет к какой-либо опасности утраты экономической независимости социалистической страны, но, наоборот, содействует укреплению ее материально-технического потенциала, созданию материальной базы коммунизма.

Рост мирохозяйственных связей — закономерный результат развития производительных сил, углубления меж-

[1] «Правда», 3 ноября 1973 г.

дународного разделения труда, производственной специализации отдельных стран. Этот прогрессивный процесс не может быть приостановлен. Он служит основой дальнейшего расширения научно-технической революции. Однако в условиях капиталистических отношений и господства монополистических объединений в мировой капиталистической экономике последствием развития производительных сил становится усиливающаяся экономическая зависимость более слабой и технически отсталой страны от монополий. Экономическая зависимость определяется не самим фактом включения той или иной страны в мировое хозяйство в качестве его составной части, а условиями, на которых это включение происходит, теми отношениями, которые складываются при этом между странами и участниками производственной деятельности. По мере углубления общего кризиса капитализма империалистическим государствам и многонациональным монополиям становится все труднее навязывать освободившимся странам те условия, которые были обычными раньше. От позиции правительств этих стран и сотрудничества их с социалистическими странами зависят в большой степени условия, на которых в современном мировом хозяйстве формируются взаимоотношения между бывшими колониями и бывшими метрополиями. Итак, под экономической независимостью следует понимать не изоляцию страны от мирового хозяйства, а такую форму ее включения в это хозяйство, при которой страна сохраняет национальный суверенитет в решающих областях своей экономики. Стрелы буржуазной теории «взаимозависимости наций», направленные против борьбы развивающихся стран за экономическую независимость от империализма, летят поэтому мимо цели.

История последних лет показала, что во многих случаях именно изъятие природных богатств из-под контроля иностранных монополий и передача их в руки национального государства способствуют более полному и рациональному использованию этих богатств. Так, хозяйничавшая много лет в Перу американская горнодобывающая компания «Серро де Паско корпорейшн» не только не вводила в эксплуатацию разведанные месторождения, которые получила в концессию, но даже, когда считала для себя необходимым, свертывала объем работы на уже действовавших рудниках. Правительство Перу было вынуждено экспроприировать принадлежавший этой компании

горно-металлургический комплекс, с тем чтобы расширить добычу руд и экспорт металлов — ценного сырья, необходимого промышленности многих стран мира. Значительно увеличился экспорт нефти, газа и ряда сырьевых материалов из Алжира в результате национализации собственности иностранных компаний — важнейшего мероприятия на пути завоевания экономической независимости этой страной.

Закономерно, что в тех странах, где прогрессивный путь экономического развития оказывается прерванным контрреволюционными переворотами, прежде всего восстанавливается собственность иностранных монополий. Так, в Чили после захвата власти фашистской хунтой многие предприятия, перешедшие в руки народа при правительстве С. Альенде, были возвращены монополиям США. Кроме того, хунта заключила соглашение с американскими фирмами о совместной эксплуатации месторождения меди «Эль-Абра», открытого чилийскими геологами по программе работ правительства Народного единства.

Отождествляя экономическую независимость с хозяйственной изоляцией страны от внешнего рынка, буржуазная теория «взаимозависимости наций» намеренно путает разные вещи. Цель ее — содействовать сохранению освободившихся стран в рамках мирового капиталистического хозяйства как объекта усиливающейся в условиях научно-технической революции эксплуатации многонациональными, главным образом американскими, корпорациями.

2. Буржуазные экономисты о роли частного предпринимательства в техническом прогрессе

Главная цель буржуазных экономических теорий, рассматривающих проблемы научно-технического прогресса в развивающихся странах, состоит в том, чтобы обосновать решающую роль частного предпринимательства как главного фактора, определяющего возможности и границы применения современной техники. Для выполнения своей основной задачи — теоретической защиты капитализма буржуазные экономисты прежде всего искажают суть и причины реальных противоречий, возникающих в освободившихся странах под влиянием научно-технической рево-

люции. Они заявляют, что только частное капиталистическое предпринимательство способно обеспечить использование современной техники в хозяйстве развивающихся стран. В странах, вступивших на некапиталистический путь развития, по их утверждению, неизбежно возникают труднопреодолимые препятствия к использованию новых технических средств. Непрерывный поток технических и технологических нововведений будто бы способно обеспечить только частное предпринимательство, государственная же собственность якобы препятствует техническому прогрессу.

Американский эксперт Джон Симмонс из Гарвардского университета, принимавший участие в Североафриканском исследовательском проекте, говорил на международной конференции по проблемам науки и техники в развивающихся странах в Бейруте (1967 г.): «В странах, где правительства имеют тенденцию контролировать импорт и распределение новых идей через национализированные отрасли промышленности, государственную систему образования и сельского хозяйства и где наиболее ответственные государственные служащие избегают принимать на себя риск, недостаток предпринимателей ограничивает поток технических нововведений» [1].

Главным фактором, лимитирующим техническое и экономическое развитие освободившихся стран, буржуазные экономисты считают отсутствие духа предпринимательства, недостаток инициативных людей, которые могли бы стать предпринимателями. Воспитание предпринимателей и обеспечение благоприятного климата для их деятельности рассматривается как главное условие приобщения развивающихся стран к мировой экономике.

В соответствии с этими теориями строится и практическая деятельность различных служб содействия развитию, которые созданы в развитых капиталистических странах, даже малых европейских странах, а также таких международных организаций неоколониализма, как Международный банк реконструкции и развития и др. Эта деятельность в значительной степени состоит в «обучении» капиталистических предпринимателей из числа местных жителей — от мелкого фермера до менеджера крупной промышленной фирмы — искусству современного бизнеса.

[1] «Science and Technology in Developing Countries». Cambridge, 1969, p. 49.

В книге, написанной по заказу Международного совета научных союзов (она должна была носить видимость беспристрастности) и посвященной роли науки и техники в развивающихся странах, английский автор Г. Джонс упрекает эти страны в том, что «мало внимания уделяется в большинстве стран необходимости создавать предпринимателей, способных организовывать новые предприятия» [1]. Он подчеркивает, что для существования слоя предпринимателей требуется прочная власть буржуазии: «Успешного создания класса отечественных предпринимателей нельзя ожидать в условиях враждебной окружающей среды и без соответствующей поддержки, как технической, так и финансовой» [2].

Использование новой техники и технологии, поступающей из стран частного предпринимательства, утверждают буржуазные экономисты, предполагает создание в развивающихся странах такой же системы. Они рассматривают модернизацию общественной жизни в связи с технической модернизацией хозяйства этих стран как создание системы частнокапиталистического предпринимательства.

В издании Международного корпуса исполнительной службы, созданного в 1964 г. правительством США совместно с американскими монополиями, говорится: «Сама по себе передача капитала мало что дает, так как у молодых наций отсутствует опыт в руководстве современным хозяйством». Научить национальных предпринимателей искусству предпринимательства, в частности искусству «привлекать дополнительные частные капиталовложения», создать «класс менеджеров», отсутствующий в развивающихся странах, — вот цели, перечисленные в информационном документе Международного корпуса исполнительной службы [3]. Д. Рокфеллер, президент «Чейз Манхэттен бэнк», еще в 1963 г. заявил о необходимости создать «специальную боевую силу менеджеров свободного предпринимательства в помощь развивающимся странам» [4].

Сотни опытных менеджеров и предпринимателей, руководителей небольших и крупных американских компа-

[1] *G. Jones.* The Role of Science and Technology in Developing Countries. London, 1971, p. 154.
[2] Ibid., p. 155.
[3] «International Executive Service Corp». New York, 1967, p. 6.
[4] «Fortune», September 1, 1967, p. 2.

ний, направляются ежегодно Международным корпусом исполнительной службы в развивающиеся страны учить местных промышленников науке и искусству частнокапиталистического хозяйствования, создавая там попутно свою агентуру, на которую можно опереться. Дж. Феррис, владелец одноименной американской фирмы и управляющий Нью-Йоркской фондовой биржей, был направлен, например, для реорганизации фондовой биржи на Тайвань. М. Пил, прослуживший 42 года в администрации ряда американских корпораций и бывший в течение ряда лет президентом «Рипаблик авиэйшн корп.», руководил реорганизацией крупной, по пакистанским масштабам, промышленной группы «Амин К°», которой принадлежат джутовые фабрики, нефтеперерабатывающие заводы, угольные шахты, предприятия пищевой промышленности и т. д. [1]

Буржуазная теория о решающей роли частного предпринимательства в условиях научно-технического прогресса, таким образом, связана с практикой американского монополистического капитала, стремящегося распространить капиталистические отношения во все новые и новые районы мира. По отношению к развитым капиталистическим странам эта теория не раз подвергалась критике марксистской политэкономией. Она еще более несостоятельна по отношению к развивающимся странам с их многоукладной экономикой и преобладанием докапиталистических форм хозяйства и эксплуатации. Дело не в том, что в африканских или азиатских странах трудно найти предприимчивых людей. Беда данной буржуазной теории в том, что объективные условия в освободившихся странах ограничивают возможности капиталистического применения новой техники гораздо более узкими рамками, чем в развитых капиталистических странах. Частнокапиталистическое предпринимательство или неспособно использовать многое из новых технических средств, необходимых для народного хозяйства этих стран (по этой причине государство там часто бывает вынуждено брать на себя создание некоторых из тех отраслей, которые остаются в сфере частного предпринимательства в странах развитого капитализма), или так извращает сам характер экономической деятельности, что преимущества новой техники для этих стран не реализуются в достаточной степени. Героем рас-

[1] «Fortune», September 1, 1967, p. 4.

сматриваемых буржуазных теорий нередко выступает фигура предпринимателя, способного из «мальчика на побегушках» вырасти в миллионера, основывающего крупные корпорации, создающего новые отрасли промышленности, оснащенные современной техникой. В специфических условиях развивающихся стран действуют гораздо более сильные экономические факторы, направляющие энергию этих лиц обычно как раз в те виды прибыльной деятельности, которые противоречат как национальным интересам, так и техническому прогрессу в их хозяйстве (спекуляция, ростовщичество, торговое посредничество, контрабанда и т. д.).

Экономический и технический разрыв между странами развитого капитализма и молодыми государствами настолько глубок, что политика деколонизации экономики этих государств обязательно требует принятия особых мер защиты национального хозяйства государством и введения системы государственных мероприятий поощрения научно-технического прогресса. Социально-экономические условия в развивающихся странах оказываются существенно отличными от условий, характерных для западноевропейских стран и США XIX — начала XX в., т. е. того времени, когда наиболее удачливые из частнокапиталистических предпринимателей основывали высокоприбыльные компании, из которых впоследствии выросли монополистические объединения.

Предприниматель в развивающейся стране, связанный с международным капиталом, злоупотребляет прежде всего государственными мерами по стимулированию экономического и научно-технического развития. Он получает по правительственной лицензии иностранную валюту для закупок техники в странах развитого капитализма. Значительная часть этой валюты оседает на его тайных счетах в западноевропейских и американских банках [1].

В результате новая техника обходится чрезмерно дорого для страны. Сроки строительства предприятий и поставок оборудования намеренно затягиваются, окрестно-

[1] Механизм утаивания иностранной валюты, выдаваемой правительством предпринимателям-промышленникам в Пакистане на приобретение техники в развитых капиталистических странах, подробно показан в статье американского экономиста Г. Уинстона, работавшего старшим научным советником Пакистанского института экономического развития (*G. C. Winston.* Overinvoicing, Underutilization, and Distorted Industrial Growth. — «The Pakistan Development Review», 1970, vol. X, N 4).

сти городов заполняются недостроенными зданиями промышленных предприятий, а выстроенные фабрики и заводы работают с большой недогрузкой производственных мощностей. Разумеется, эти факты находятся в поле зрения буржуазных экономистов. Дж. Барансон отмечает: «Различные системы поощрений, лицензирование импорта и предоставление кредитов поставщиками иностранной техники также оказывают важное влияние на выбор техники. Поощрение капиталовложений, оказываемое в форме скидок с подоходного налога на прибыль, реинвестированную в капитальное оборудование, или завышение нормы амортизации приводят к более высокой степени капиталоинтенсивности, чем это имело бы место в иных условиях. Во многих случаях импортное лицензирование, цель которого состоит в защите отечественных промышленников, также стимулирует закупки более дорогого иностранного оборудования, и в больших количествах, чем необходимо... Равным образом доступность кредитов, предоставляемых некоторыми иностранными поставщиками, вызывает чрезмерные расходы на приобретение оборудования» [1].

В буржуазном мировоззрении эти наблюдения преломляются весьма своеобразно. Вместо того чтобы сделать вывод о неспособности частного предпринимателя использовать технический прогресс в интересах общества, удар направляется против экономической политики тех государств, которые стремятся обеспечить развитие государственного сектора, хозяйственной самостоятельности. Тем самым буржуазные теории выступают против очевидной истины, что без активной хозяйственной деятельности государства, без государственной экономической политики технического прогресса поступательное развитие освободившихся стран сейчас невозможно. Они закрывают глаза на то, что «неуправляемость» частнокапиталистического предпринимательства имеет своим результатом растущее несоответствие между его деятельностью и объективными интересами научно-технического и экономического развития страны.

Конкретное проявление это несоответствие находит, в частности, в решениях, принимаемых частными предпринимателями относительно выбора техники.

[1] *J. Baranson.* Role of Science and Technology in Advancing Development of Newly Industrializing Countries. Washington, 1969, p. 13.

В условиях научно-технической революции стремительно расширяется технологический разрыв между хозяйством развивающихся стран и экономикой промышленно развитых капиталистических государств. На мировой рынок поступает все более разнообразное оборудование — от устарелых моделей подержанного оборудования, замененных на капиталистических предприятиях еще до их износа, до новейших образцов современной техники. В этой связи важное значение приобретает проблема выбора техники для развивающихся стран, разработки экономических критериев оценки различных технических вариантов. Буржуазные экономисты подходят к этой проблеме с традиционных позиций концепции факторов производства, уходящей корнями в «триединую формулу» Ж. Б. Сэя. Они противопоставляют развивающиеся страны развитым как хозяйства с различным соотношением таких факторов производства, как труд и капитал. А технику они разделяют соответственно на капиталоемкую и трудоемкую и ставят выбор между первой и второй в зависимость от конкретного соотношения в той или иной стране между капиталом и трудом, считая именно эти факторы производства определяющими.

Таким образом, действительные экономические отношения и острые хозяйственные проблемы многоукладных обществ, в которых все четче проявляется противоположность классовых интересов трудящихся и эксплуататоров и которые к тому же находятся под воздействием борьбы между социализмом и капитализмом во всемирном масштабе, нашли преломление в линзе теорий, подходящих ко всем странам с одной буржуазной меркой, неверной и в условиях современного развитого капитализма. Неспособность прийти к правильному решению проблемы выбора оптимальной техники для развивающихся стран на базе этих теоретических предпосылок проявляется в том, что различные буржуазные экономисты дают разный ответ на вопрос о том, какая техника предпочтительнее в условиях развивающихся стран — капиталоемкая или трудоемкая. Г. Зингер в книге «Международное развитие, рост и перестройка», изданной в 1964 г., пишет, что «во многих отношениях технология прошлого века была бы для них более подходящей и облегчила бы их экономическое развитие» [1].

[1] *H. Singer.* International Development: Growth and Change. New York, 1964, p. 59.

В 1970 г. он же писал: «Передаваемая техника и технология отличается высокой капиталоемкостью, она подходит к условиям богатых стран, тогда как бедные страны скорее нуждаются в трудоемкой технике и технологии» [1]. В развивающихся же странах, где ощущается нехватка капитала и в избытке трудовые ресурсы, «орудие экономии труда лишено почти всякого смысла», утверждает Б. Хиггинс [2]. Эти взгляды распространены среди буржуазных экономистов и поныне.

Так, видный английский экономист Н. Калдор призывает развивающиеся страны строить свою промышленность на устарелом, подержанном оборудовании, списанном с предприятий промышленно развитых капиталистических стран в связи с его моральным износом еще до того, как оно снашивается физически. В дискуссии об использовании средств автоматизации и передовой техники, проведенной в 1970 г. Международной организацией труда, он заявил: «Морально изношенное оборудование может быть приобретено по низким ценам; в странах, где заработная плата низка по сравнению с ценами на товары, оно может быть рентабельнее, чем более дорогое оборудование, отвечающее последнему слову техники. Существует значительная международная торговля таким подержанным оборудованием, и имеющие возможность покупать такое оборудование по низким ценам по сравнению с его первоначальной стоимостью развивающиеся страны могут получать выгоды от применения не новейшей техники передовых стран, а той техники, которая была передовой 10 или 15 лет назад» [3].

Дж. Барансон предупреждает развивающиеся страны, что «преждевременное внедрение передовой техники может на деле лишь задержать долговременный экономический рост» [4].

Исходя из той же буржуазной концепции факторов производства, английский экономист А. Кэрнкросс, один из авторитетов по проблемам развивающихся стран, писал: «В Америке движение техники определяется главным образом необходимостью экономить труд, и более высокой технологией считается обычно такая, которая снижает затраты труда, даже если при этом увеличиваются другие

[1] *H. Singer.* Science and Technology. Venture, January 1970, p. 15.
[2] «Land Economics», August 1955, p. 193.
[3] «Automation in Developing Countries». Geneva, ILO 1972, p. 15.
[4] *J. Baranson.* Op. cit., p. 7.

затраты; это техника, которая подходит к условиям высокой реальной заработной платы и высокого уровня жизни. Слаборазвитые страны не могут достичь такого уровня жизни одним прыжком, какую бы технику они ни использовали, и им нужна техника, которая позволяет экономить другие факторы, прежде всего капитал, организационные способности и техническую квалификацию» [1].

Логика буржуазных экономистов, механически распространяющих условия, в которых развивался в свое время капитализм в странах Западной Европы и США, на современные развивающиеся страны, логика, из которой следует якобы большая заинтересованность этих стран в использовании трудоемкой техники (ибо такой фактор производства, как труд, по их доводам, имеется в изобилии и дешев) и незаинтересованность в применении новой капиталоемкой техники (капитал дефицитен и относительно дорог), приводит их к выводам, которые противоречат реальным тенденциям технического развития этих стран.

Не все буржуазные экономисты разделяют убеждение о нецелесообразности для развивающихся стран использовать высокую производительность и капиталоемкую современную технику.

Например, американский экономист В. Леонтьев еще в 1955 г. писал: «Новая техника, возможно, будет иметь более революционизирующее влияние на так называемые слаборазвитые страны, чем на Соединенные Штаты и другие старые промышленные нации. Нехватка капитала и отсутствие должным образом подготовленной и образованной рабочей силы являются двумя основными препятствиями быстрой индустриализации таких отсталых районов. Теперь автоматизированное производство с его относительно низкими нормами расхода капитала и труда на единицу продукции коренным образом меняет их перспективы. Вместо попыток поднять всю экономику медленными и болезненными методами прошлого промышленно отсталая страна может избрать драматически кратчайший путь, построив небольшое число крупных современных автоматических заводов» [2].

Американский математик, один из создателей современной кибернетики, Н. Винер после посещения Индии

[1] *A. Cairncross.* Factors in Economic Development. London, 1962, p. 174.

[2] *W. Leontief.* The Economic Impact. — «Automative Control». Scientific America, 1955, p. 174—175.

в начале 50-х годов под влиянием картин индийской действительности писал: «Неограниченный рост заводов и фабрик, характерный для девятнадцатого века, уже превратил пригороды больших городов в места, где отвратительным образом сочетается индийский голод и безысходная тоска Манчестера. Но я вполне допускаю, что Индии можно избежать тоски и нищеты Манчестера или Чикаго, если на ранней стадии индустриализации ввести в строй заводы-автоматы» [1].

В. Леонтьев выдвигал идеи о применении капиталоемкой техники в начальный период индустриального развития, исходя из общетеоретических соображений. Н. Винер поддерживал эту идею как ученый-математик, абстрагируясь от экономических проблем.

Американский же экономист Д. Драйблатт недавно провел исследование по вопросу выбора между капиталоемкой и трудоемкой техникой в крупномасштабных земляных работах в развивающихся странах. На основании подробных расчетов и сравнения экономических показаний выполнения программ крупных строек (сооружение плотин в Венесуэле, каналов, плотин и дамб в Пакистане и Индии, высотной Асуанской плотины в АРЕ, плотин в Замбии и т. д.), на которых применялись самые различные методы — от трудоемких, почти без использования современной техники, до самых современных с применением новейшей строительной техники, Д. Драйблатт приходит к выводу: «Основные работы при сооружении крупных земляных объектов в развивающихся странах должны предприниматься современными капиталоемкими методами» [2]. С этим выводом солидаризируется и проф. Мелман (Колумбийский университет), который отмечает, что, хотя экономические факторы требуют использования современной технологии, политические соображения могут в каждый данный момент возобладать над экономической целесообразностью и заставить принять иное решение. Кроме того, следует учитывать, что в ходе научно-технической революции растет значение таких отраслей, где возможности выбора между капиталоемкой и трудоемкой техникой ограничены спецификой технологического процесса или даже вообще отсутствуют.

[1] *Н. Винер.* Я — математик. М., 1967, стр. 338—339.
[2] *D. Dreiblatt.* The Economics of Heavy Earthmoving. New York, 1972, p. 79.

Ни В. Леонтьев, ни Н. Винер, ни Д. Драйблатт, выступая за использование в развивающихся странах капиталоемкой техники, не пытаются дать ответа на вопрос, чем же можно занять массу безработных в этих странах. Подходя к проблеме с точки зрения прибыльности отдельного предприятия и рассматривая эту прибыльность глазами частнокапиталистического предпринимателя, буржуазные экономисты, как правило, игнорируют общенациональные экономические факторы. Отсюда их представления о предпочтительности того или иного технического варианта оказываются несоответствующими действительной объективной необходимости. А необходимость требует от государства в развивающихся странах проведения такой технико-экономической политики, которая идет в разрез с рекомендациями буржуазной политэкономии.

Именно новейшие достижения науки и техники содержат потенциальные возможности для решения острых проблем, доставшихся в наследство народам освободившихся стран от колониализма. Во многих необходимых для них отраслях хозяйства, может применяться только современная техника. Такой техникой оснащаются, в частности, предприятия, сооружаемые в Индии, Египте, Ираке и десятках других развивающихся стран при содействии Советского Союза и других социалистических стран. Продукция этих предприятий не только отвечает потребностям национальной экономики, но и поступает на мировой рынок, а этого в большинстве случаев невозможно добиться, если пойти по пути использования устарелой техники и технологии.

Конечно, имеется и много таких отраслей хозяйства в развивающихся странах, где еще в течение долгого времени будет сохраняться экономическая целесообразность применения техники и технологии мелкого производства, особенно для местных рынков, в сфере услуг. В мелкой промышленности находят работу миллионы людей в условиях, когда проблема занятости — одна из труднорешаемых проблем развивающихся стран.

Но разумное сочетание использования современной и традиционной техники, конструирование новой техники, предназначенной для решения тех или иных специфических задач, вытекающих из особенностей как природно-

[1] *P. Prebisch.* Change and Development. Latin America Great Task. Washington, 1970, p. 15.

климатических условий, так и социально-экономических обстоятельств той или иной страны, другими словами, правильный выбор оптимальной для конкретной обстановки техники, учитывающей общенациональные интересы, частнокапиталистическое предпринимательство не может обеспечить.

В тех странах, где государство стремится решать такие задачи, как ликвидация нищеты и массовой безработицы, голода, неграмотности и высокого уровня смертности, ускорение темпов экономического роста и обеспечение экономической независимости, уменьшение социальной несправедливости, оно во всех областях своей деятельности, в том числе и в области научно-технической политики, вынуждено осуществлять мероприятия, которые объективно ограничивают свободу действия частнокапиталистического предпринимательства. Практика частнокапиталистического предпринимательства все более противоречит общенациональным интересам научно-технического развития освободившихся стран. Буржуазные теории, выдвигающие частнокапиталистическое предпринимательство на роль главной движущей силы научно-технического прогресса, все более искаженно отражают их реальные экономические проблемы.

Среди экономистов развивающихся стран все большее распространение получают идеи некапиталистического пути развития, использование организационных форм, заимствованных из опыта экономического и научно-технического развития стран социализма. Отражая эти новые тенденции и анализируя последствия применения современной техники для развития латиноамериканских стран, П. Пребиш признавал: «Сам ход событий может вести к социалистическим методам развития, даже если это и не входило в первоначальные намерения тех, кто взялся за укрепление динамических сил социальной системы» [1].

Научно-технический прогресс в освободившихся странах неизбежно усиливает антикапиталистические тенденции, побуждает со своей стороны прогрессивные силы ориентироваться на развитие по пути социализма.

[1] *P. Prebisch.* Change and Development. Latin America Great Task. Washington, 1970, p. 15.

Глава
одиннадцатая

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Использование научно-технической революции в целях реализации военно-политических программ империализма

Научно-техническая революция оказала всестороннее влияние на военную систему империализма, вызвала коренную перестройку всех отраслей военного дела. Принципиально новые закономерности, которыми стала характеризоваться война в связи с внедрением в вооруженные силы современных систем оружия, вызвали фундаментальные изменения военной организации и военных концепций империалистических блоков и стран.

На протяжении всего периода развития научно-технической революции для военно-политических кругов наиболее развитых капиталистических государств, прежде всего США, оставалось характерным стремление прямо использовать достижения военной технологии, для того чтобы поставить их на службу глобальной политики и стратегии империализма как на данном историческом этапе, так и в перспективе; чтобы, по возможности, располагать в рамках общего паритета сил определенными военно-технологическим и военно-стратегическим преимуществами над государствами иной социальной системы. В этом и состоит основополагающая концепция военной

политики империализма с точки зрения использования научно-технической революции и порожденной ею революции в военном деле.

Речь идет о поддержании «руководящей роли» США в мире, о стремлении создать элементы превосходства военной силы, несмотря на признание того факта, что ее равенство со странами социализма представляет собой основу глобальной политической стабильности. Р. Кларк, член «Североамериканского конгресса по Латинской Америке», так формулировал суть американской военной стратегии после Вьетнама: на самом высоком военном уровне необходимо всегда сохранять превосходство США в области стратегического оружия, чтобы сдерживать любое посягательство на глобальную гегемонию США [1].

Уже на заре научно-технической революции империалистические силы стремились в полной мере использовать открываемые ею возможности для борьбы с социализмом, с нежелательными для них классовыми, политическими, социальными последствиями второй мировой войны. Общеизвестна история «атомной дипломатии», которая заявила о себе миру взрывом над Хиросимой.

В 50-е годы Запад стремился приспособить политику к новым условиям и возможностям, открываемым крупнейшими сдвигами в области военной технологии. Центральной политической задачей выдвигалась гонка вооружений, которая приобретала иную, чем прежде, качественную основу. Особое значение качественного аспекта объявленного империализмом после второй мировой войны соревнования в области вооружений (что отнюдь не уменьшало до поры до времени и роли количественных аспектов) составило главную специфику этого процесса, порожденную развитием научно-технической революции.

Эта характерная для своего времени концепция содержала три следующих главных элемента, которые остались в общем и целом неизменными и в последующие два десятилетия.

Во-первых, требование приспосабливать внешнюю политику капиталистических государств к достигнутому в данное время уровню военной технологии с целью использования открывающихся внешнеполитических и военно-стратегических возможностей для борьбы с противостоящей социальной системой.

[1] *R. Clarke.* The Science of War and Peace. London, 1971, p. 69.

Во-вторых, тенденция к созданию перед общественным мнением заведомо искаженных, неадекватных глобальных и региональных международно-политических схем, предназначенных для оправдания гонки вооружений, для ликвидации якобы существующей «угрозы советской агрессии».

В-третьих, стремление превзойти социалистический лагерь в уровне военной мощи и вместе с тем постепенно перенести центр тяжести гонки вооружений в уже отмеченную выше качественную ее сферу, чему научно-техническая революция открывала неограниченные возможности. При этом роль качественных аспектов гонки вооружений повышалась по мере того, как с количественной точки зрения достигались пределы насыщения оружием тех или иных видов вооруженных сил.

Складывание и развитие этих установок, как и других концепций, связанных с военным использованием империализмом достижений научно-технической революции, происходило под непосредственным влиянием глобальных сдвигов в расстановке классовых, политических сил, характерных для периода научно-технической революции.

Социализм вырастал в мировую систему. Ее создание проходило в условиях широкого наступления революционных сил, которое распространялось на различные районы мира. Развитие народно-демократических революций привело к новым поражениям империализма, к дальнейшей демократизации ряда общественных институтов. Советский Союз превратился в державу всемирного масштаба, авторитет которой стал неоспоримым. Развернулось мощное национально-освободительное движение. Начиналось крушение мировой колониальной системы. Существенное ослабление позиций мирового капитализма в результате второй мировой войны и кардинальные изменения всей структуры глобальных отношений ставили перед господствующими классами капиталистических стран новые экстренные и широчайшие проблемы. Монополистическая буржуазия стремилась выйти из глубокого кризиса, затормозить грозное развитие социальных, классовых процессов, вернуть утраченные позиции. Небывалая по своим масштабам перегруппировка классовых, политических, военных сил, противоборство двух мировых общественных систем, падение старых империй, начало революционных процессов преобразования в странах, ста-

новящихся на социалистический путь, и все в это — в начинающийся ядерный век — вот ни с чем не сравнимая в прошлом историческая ситуация, в которой империализм во имя интересов борьбы с социализмом ставит на службу подготовки войны все основные достижения научно-технической революции. Государственный секретарь США Д. Ачесон говорил в 1950 г.: «Есть только один путь разговора с Советским Союзом — это создание ситуации силы» [1]. Реакционные круги Запада усиленно стремятся к созданию картин «угрожающей мощи» Советского Союза. И вместе с тем трезвомыслящие деятели Запада достаточно полно отдавали себе отчет в ложности подобных искусственно создаваемых «моделей». Например, один из видных деятелей американского Центра по оборонной информации отмечал, что нередко разговоры насчет русской угрозы представляют собой уловку, призванную повергнуть в панику конгресс и заставить его согласиться на увеличение суммы военных расходов [2].

Военное использование достижений научно-технической революции постепенно приводит ко все большей милитаризации науки в развитых капиталистических странах. Только на протяжении 60-х годов американская промышленность увеличила численность научных кадров на 160 тыс. человек, из них 130 тыс. заняты выполнением военных заказов правительства [3]. Гражданская наука ощущает все большую нехватку кадров. «В военно-промышленном комплексе работает больше ученых, чем в любом другом секторе экономики», — пишет британский ученый Р. Кларк [4]. Известный американский специалист Дж. К. Гэлбрейт ставит вопрос: «Как могло случиться, что три силы [военно-промышленно-бюрократическая организация. — *Д. П.*] утвердили власть над десятой частью экономики и почти десятью десятыми нашего будущего?» [5]

По подсчетам западных специалистов, при современном темпе роста военных расходов они могут удваиваться каждые 15 лет. В начале будущего века мир будет направлять на военные цели количество ресурсов равное всемирному производству 1968 года. Статистика показывает, что

[1] *S. Serfaty.* The Elusive Enemy. American Foreign Policy since World War II. Los Angeles, 1972, p. 100.
[2] «Far Eastern Economic Review», 1974, May 6, p. 31.
[3] *R. Clarke.* Op. cit., p. 169.
[4] Ibid., p. 170.
[5] Ibid., p. 175.

в США каждый из двух ученых и инженеров занят научными исследованиями в военных целях. Министерство обороны оплачивает работу трети американских ученых и инженеров, занятых научными исследованиями. Они контролируют по меньшей мере одну десятую часть всей экономики. В 1968 г. в США более 50% средств, выделенных на научно-исследовательскую и проектную деятельность, были истрачены на военные цели, во Франции — 45, в Англии — 40%. Если же сюда добавить и космические исследования, то эти цифры достигнут: для США — 80% и более, для Франции и Англии — 60% [1]. Р. Кларк пишет: «Университеты, эти источники знаний, превратились в передовые посты оборонных министерств. Благодаря найденному новому источнику богатства, они стали процветать и их исследования приносят военные плоды. Общество еще должно подсчитать, чего стоит этот выдающийся феномен XX века» [2]. Огромная концентрация научных сил в области военных исследований, сокращение их масштабов в гражданской, социальной и других сферах — прямое следствие использования империализмом возможностей научно-технической революции прежде всего для повышения своей военной мощи.

Ныне использование империализмом научно-технической революции в военном деле, если рассматривать вопрос в широкой перспективе, охватывает две сферы гонки вооружений. Первая связана с усовершенствованием и модификацией существующих систем оружия на базе технических достижений, реальных для ближайшего десятилетия. Это прежде всего касается дальнейшего совершенствования стратегического ракетно-ядерного потенциала. Оно происходит за счет повышения мощи стратегического ядерного залпа, перевооружения стационарных ракетных комплексов, атомных подводных лодок, создания новых мощных подводных ракетно-ядерных систем, ввода новых атомных ударных авианосцев, авианесущих кораблей, стратегических бомбардировщиков, развития арсенала ракет с разделяющимися боеголовками, повышение точности их попадания в цель и пр.

Повышение уровней региональной военной мощи, прежде всего в Европе осуществляется на случай войны с применением обычного оружия и ограниченного ядерного

[1] *F.-F. Salomon.* Science et Politique. Paris, 1970, p. 26.
[2] *R. Clarke.* Op. cit., p. 182.

конфликта. Все больший акцент делается на модернизацию обычных вооруженных сил, развитие всех родов войск, главным образом сухопутных, с особым упором на совершенствование бронетанковых сил, авиационных ракет, систем управления, инфраструктуры и т. д.

На базе новейших научно-технических достижений осуществляются программы усовершенствования автоматизированных систем управления, средств космической разведки, систем раннего предупреждения. Идет стандартизация вооружений государств, входящих в «еврогруппу» путем совместных исследований, развертывания совместного производства вооружений в рамках международных военных монополий.

Однако определенные политические и военные круги империалистических государств, прежде всего США, рассматривают проблемы использования достижений научно-технической революции и в более широком, долговременном плане. Сторонники гонки вооружений видят в этих достижениях средство для приобретения новых возможностей к созданию военного превосходства, к нарушению, если это окажется политически выгодным, существующего равновесия военных сил двух общественно-политических систем, основанного в первую очередь на паритете ракетно-ядерной мощи СССР и США. Дж. К. Гэлбрейт, характеризуя позицию этих кругов, писал: «Устарелость техники в условиях соперничества в области техники означает почти то же, что истощение ресурсов на поле боя» [1].

Исследовательские программы, осуществляемые Пентагоном, включают ряд направлений в области создания принципиально новых средств ведения войны. Американский футуролог Г. Кан следующим образом характеризовал в общей форме эти направления. «Мы предвидим также возможность создания новых видов бактериологического и химического оружия, новых способов ведения психологической, вернее психической, войны путем оказания воздействия на мозг солдат противника; весьма вероятны и еще более сенсационные средства борьбы, например направленные изменения климата, способные нанести противнику катастрофический ущерб, искусственно вызываемые катастрофические землетрясения на территории врага, искусственные цунами, с помощью которых можно

[1] *Дж. К. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 386.

будет направить всесокрушающую волну к берегам вражеской страны» [1]. По-видимому, сторонники качественной гонки вооружений, создания в перспективе принципиально новых средств ведения войны, исходят из той предпосылки, что дальнейшие усовершенствования и открытия в этой области могут в будущем привести к весьма важным не только военно-техническим, но и общественно-политическим последствиям, дать империализму преимущества в противоборстве с революционными силами современности. Американский специалист Ф. Д. Дайсон писал еще в 60-е годы: «Болезнь, симптомом которой является водородная бомба, заключается в непрерывном и, по-видимому, непреодолимом развитии техники, которое облегчает и ускоряет любое усовершенствование оружия и делает его более смертоносным» [2].

Современные военно-политические концепции империализма направлены в весьма большой степени к тому, чтобы добиться тесной взаимосвязи между научно-техническим прогрессом и внешнеполитической, а также военной стратегией основных капиталистических государств. В одной из работ по теории внешней политики, изданной в США, подчеркивается: «Наука и техника со всей убедительностью оказали революционное воздействие на само существо всей американской внешней политики» [3]. Это проявилось прежде всего в милитаризации научных исследований и в теоретическом обосновании новых путей использования современных технических средств во имя целей внешней политики империализма. Процесс совершенствования стратегического оружия в США после второй мировой войны сопровождался постоянным уточнением внешнеполитических принципов и выработкой новых. Г. Киссинджер писал в конце 50-х годов: «Нет ничего важнее, чем дать оценку той «технической» революции, свидетелями которой мы стали за последнее десятилетие. Это необходимо во имя того, чтобы как можно точнее определить ее влияние на наши ставшие уже традиционными положения о внезапном нападении, сдерживании, политике военных союзов и тотальной войне» [4].

[1] Цит. по: *Ю. Н. Листвинов.* Первый удар. М., 1971, стр. 92.
[2] *R. Clarke.* Op. cit., p. 47.
[3] «Theory of International Relations». Ed by *A. Said.* New Jersey, 1968, p. 191.
[4] *H. Kissinger.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957, p. 61.

Весьма большое значение придается исследованиям в области использования космоса. В США работа над долговременными космическими проектами преследует, в частности, ряд военно-стратегических задач. Американские военные специалисты, рассматривая космос как потенциальный театр военных действий, изучают как его свойства, так и военные возможности космической техники. Р. Кларк в этой связи писал: «Самую большую опасность представляет военная космическая техника. То, что военная космическая наука все шире раздвигает границы своих достижений, заставляет предполагать, что однажды наступит день, когда она добьется чего-то невиданного...» [1].

Все большее внимание уделяется разработке вопросов «климатологической», «геофизической» войн. Изучаются возможности управления погодой. Так, Г. Макдональд, специалист из института оборонных исследований США, заявлял: «Независимо от того, насколько тревожна мысль о возможности использования изменения режима окружающей среды в национальных интересах, это будет сделано, если позволит техника, в течение нескольких ближайших десятилетий. Политические, юридические и социологические последствия сознательного изменения погоды могут оказаться настолько серьезными и далеко идущими, что наши нынешние ядерные проблемы покажутся пустяками» [2].

Представитель ВМС США У. Котч еще в 1960 г. провозглашал: «Умение управлять погодой и климатом станет ключом к тому, чтобы Америка и свободный мир выжили». Комментируя заявления такого рода, уже упомянутый выше Р. Кларк писал: «Это образец фразеологии, способный возбудить беспокойство в отношении любого нового направления науки, которое может иметь военное значение. Космическое оружие, смертоносные лазерные лучи, борьба с подводными лодками, морская техника — все это преподносилось в таком же виде. Удивительно, что кто-то принимает это всерьез. Тем не менее это так, и проблема управления погодой — не исключение» [3]. Ведутся исследования в области «экологической» войны, разрабатываются загрязняющие окружающую среду химические

[1] *R. Clarke.* Op. cit., p. 98, 99.
[2] Ibid., p. 163.
[3] Ibid., p. 161.

вещества, которые могут быть использованы непосредственно против человека. Исследуются возможности использования гибельных ультрафиолетовых лучей Солнца путем искусственного разрыва слоя озона в верхних слоях атмосферы и т. д. Стремление империализма широко использовать в военных целях результаты научно-технической революции таит громадные опасности для человечества.

Во-первых, ставка на постоянное совершенствование военной силы как на главный фактор международно-политического развития не отвечает современным потребностям мира, делу сохранения и надежного обеспечения международной безопасности, так как влечет за собой непрерывную, изнуряющую гонку вооружений.

Во-вторых, попытки наиболее агрессивных сил империализма добиться путем использования достижений научно-технической революции военного превосходства над социализмом направлены на создание условий для нарушения сложившегося «паритета сил» и на возникновение «военно-технического прорыва». Эти силы хотели бы использовать его для политических, военных кризисов и конфликтов во имя достижения целей своего глобального господства, что также чревато огромными опасностями.

В-третьих, эпоха научно-технической революции с особой остротой, выдвигая проблемы использования ее возможностей на благо людям, требует ограничения гонки вооружений. Л. И. Брежнев говорил на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве: «Разумеется, дальнейшее расширение подхлестываемой агрессивными кругами империализма гонки вооружений и начавшаяся разрядка международной напряженности — это два процесса, идущих в противоположных направлениях. Бесконечно развиваться, так сказать, на параллельных курсах они не могут. Если мы хотим, чтобы разрядка и мир были прочными, необходимо остановить гонку вооружений» [1].

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом, т. 4, стр. 333—334.

2.
Научно-техническая революция и военные доктрины империализма. Концепция «устрашения»

Развитие научно-технической революции представляет собой одно из важнейших слагаемых в сумме причин, вызывавших формирование и изменение общих военно-политических концепций и военных доктрин империализма.

Создание атомного оружия и короткий период монопольного обладания им США породили стратегическую доктрину «массированного возмездия». В начале 50-х годов она стала официальной стратегией НАТО, выражая собой прежде всего политику, направленную на установление глобальной гегемонии США.

Быстрый прогресс Советского Союза в ракетостроении, запуск первого искусственного спутника Земли ликвидировали представления о превосходстве США в средствах доставки ядерного оружия, о неуязвимости Американского континента и потребовали пересмотра стратегических концепций. Доктрина «гибкого реагирования», сложившаяся в начале 60-х годов, предусматривала в случае конфликта более широкий диапазон действий, чем это было возможно в условиях доктрины «массированного возмездия».

Появление и развитие этих доктрин было вызвано стремлением в условиях научно-технической революции приспособить методы ведения войны к динамичному процессу развития оружия и к изменению соотношения сил между двумя противостоящими друг другу блоками. Однако те же условия породили в более широком плане общую военно-политическую концепцию империализма, явившуюся основой не только тех или иных доктрин, но и своего рода военной философии милитаризма, — концепцию «устрашения». Она складывалась постепенно, начиная, вероятно, с периода, который последовал за взрывом атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, и стала ярким выражением военной политики и стратегии империализма в эпоху, когда научно-техническая революция, с одной стороны, казалось бы, открыла перед военной силой почти неограниченные возможности, а с другой — фактически сузила параметры ее реального применения.

«Целью стратегии НАТО является обеспечение устрашения, — подчеркивает Д. Шлесинджер, министр обороны

США. — И мы развертываем для достижения этой цели как ядерные, так и обычные силы» [1].

Идея «мира через накапливание оружия» не нова. Еще Альфред Нобель, изобретатель динамита, заявлял, что видит в своих заводах «великую надежду мира». Адвокаты современного варианта этой концепции — Б. Броди, М. Гальперин, А. Бакен и другие считают, что наилучшей гарантией мира и стабильности может быть взаимное устрашение ядерным уничтожением. Д. Гейвин считает, что в таких условиях может быть реализована «первая цель стратегии — сделать ненужными тактические сражения», т. е. военные действия вообще [2].

На такой основе сформулировал мысль о «стратегическом балансе» между СССР и США в 1972 г. президент Никсон в послании конгрессу. Тогда же в НАТО принимается военно-политическая формула «оборона — разрядка», впервые предложенная еще в 1967 г. в так называемом докладе Армеля [3].

Эта концепция стимулировала развитие двойственности военной политики основных капиталистических государств. С одной стороны, реализм, признающий необходимость переговоров и разрядки в отношениях с социалистическими странами. С другой — наиболее характерный для руководящих кругов США, НАТО, для Пентагона взгляд: только путем наращивания силы в превосходящих размерах можно осуществлять политику мирного сосуществования со странами социализма. При этом понятие «оборона» интерпретируется весьма широко. В него вкладывается весь комплекс проблем, связанных с наращиванием военного потенциала, всесторонним развитием и совершенствованием вооруженных сил и их использованием каждой из стран и блоком в целом. Министр обороны США М. Лэйрд во время слушания в одном из комитетов сената США вопроса о соглашении с Советским Союзом насчет сдерживания гонки стратегических вооружений прямо подчеркивал необходимость «сохранить технологическое превосходство над Советским Союзом» [4].

[1] «Report of Secretary of Defence to the Congress», 1974, March, p. 15.

[2] *J. M. Gavin.* War and Peace in the Space Age. London, 1959, p. 59.

[3] *H. A. Jacobsen.* «KSZE». Bonn, 1973, p. 34.

[4] «Die stategische Debatte in den Vereinigten Staaten». — «Europa—Archiv», 1974, folge 23, S. 787.

Концепция, провозглашающая установление мира через угрозу войной, в полной мере отражает господствующий в империалистических кругах взгляд на роль военной силы в международной политике в условиях научно-технической революции. Военная сила рассматривается в качестве главного средства внешнеполитического арсенала империализма. Ее общий абсолютный объем продолжает возрастать, хотя формы ее применения и воздействия на международные отношения меняются. Расширяется сфера воздействия военной силы на внешнюю политику в качестве фактора потенциальной угрозы, который правящие круги стремятся использовать для проведения выгодного империализму политического курса. Специалист по военно-политическим проблемам Шеллинг в книге «Стратегия конфликта» пишет, что существует «яркое сходство между, скажем, маневрированием при ограниченной войне и при уличных заторах... между современным равновесием страха и старой системой заложников» [1]. Призывая к «взаимным сделкам, желательным для обоих», он считает, что политическая гибкость может проявляться лишь на фоне силы.

Концепция «устрашения», согласно взглядам ее сторонников, базируется на следующих основных элементах: 1) на отсутствии у противоборствующих сторон «потенциала первого удара», в том смысле, что каждая из них «имеет и сохранит в своем арсенале в обозримом будущем средства, достаточные для ответного удара»; 2) на равновесии стратегических сил Советского Союза и США, создающем «равновесие страха»; 3) на сохранении военной мощи в глобальных масштабах, чтобы не допустить в тех или иных районах мира «вакуумов силы», которые будут «заполнены» другой стороной, что приведет к нарушению сложившегося «рационального» баланса сил.

Такой подход кладется в основу практической политики и служит критерием ответственных внешнеполитических решений, принимаемых США и их союзниками. Министр обороны США подчеркивал требование «...исходить из необходимости сохранения стабильного равновесия военной мощи. Минимальными условиями для этого, — продолжал он, — являются очевидный для всех баланс стратегических ядерных сил, наш вклад в равновесие сил общего назначения в Центральной Европе.., а также со-

[1] Цит. по: *R. Clarke.* Op. cit., p. 256, 257.

хранение совместно с нашими союзниками такого соотношения ВМС противостоящих сторон, которое может обеспечить свободу плавания и защиту наших морских коммуникаций в соответствии с давней традицией США» [1].

По мере развития военной технологии концепция «устрашения» модифицируется. Ее действие расширяется с точки зрения как масштабов предполагаемых конфликтов, так и географии охватываемых ее влиянием территорий. Круги Пентагона, занимающиеся планированием, стремятся, используя новейшие военно-технические достижения, распространить действие «устрашения» не только на высший стратегический уровень, но и на сферы вероятных более ограниченных конфликтов.

Примером попытки использовать развитие военной технологии для «совершенствования» концепции «устрашения» может служить доктрина, сформулированная в начале 70-х годов, когда среди милитаристских кругов США и НАТО стали развиваться взгляды, согласно которым дальнейшие успехи технологии ракетно-ядерного оружия могут сделать допустимым и его одностороннее, ограниченное или «селективное» применение в рамках «более гибкой стратегии». Создавалось впечатление, будто появляются возможности, не прибегая к «всеобщей ядерной войне», сделать реальной «малую ядерную войну» и тем повысить действенность «контрсилового» эффекта ракетно-ядерных сил США.

Борьба основных направлений военно-стратегической мысли в США и в рамках НАТО, которая велась в конце 60-х — начале 70-х годов, привела к преобладанию сторонников тех взглядов, которые считают, что должно быть достигнуто «качественное превосходство» ядерных вооружений США над СССР за счет прежде всего развития систем многозарядных боеголовок (МИРВ). Имеется в виду новый вариант теории «контрсилы», которая выдвинута в США еще в начале 60-х годов и согласно которой наличие потенциала «обезоруживающего» удара по ракетно-ядерным силам другой стороны, лишение ее возможности «ответного удара» может служить средством политического и военного превосходства.

Развитие системы МИРВ, упор, сделанный на повышение точности попадания боеголовок в цель, открыл, с

[1] «Report of Secretary of Defence to the Congress», 1974, March, p. 10.

точки зрения Пентагона, перед стратегией США именно эти новые возможности. Новый вариант «контрсиловой» концепции, выдвинутый в 1974 г., сделал акцент именно на технологических достижениях последнего времени. Они должны обеспечить гибкость выбора целей в противовес концепции «массированных ударов, наносимых непосредственно по городским центрам». В докладе министра обороны США за 1974 г. подчеркивается: «Обладание такими ясно видимыми для противника возможностями позволит нам, как мы надеемся, усилить устрашение» [1]. Это так называемое изменение концепции выбора целей представляет собой теорию, с помощью которой сторонники дальнейшей гонки вооружений стремятся обосновать ее необходимость особенно в качественном аспекте, придать больше надежности своим ядерным гарантиям Западной Европе; успокоить общественность США, понимающую неприемлемость и самоубийственность доктрины массированных ядерных ударов.

Тесно связана с теорией «выбора целей» общая установка военных кругов США на получение широких качественных преимуществ в технологии вооружений. Стремление к опережению в качественном аспекте гонки вооружений проявляется в принятии перспективных программ (создание подводного комплекса «Трайдент», бомбардировщика В-1, системы маневрирующих многозарядных боеголовок, перевооружение стратегических ракет на «кассетные боеголовки» и пр.).

Как можно оценить смысл и содержание концепции «устрашения»?

Порожденная стремлением военных и политических кругов империализма поставить на службу своей глобальной политике новейшие технические средства ведения войны, она ставит коренную проблему современности — проблему войны и мира в плоскость исключительно военной силы, отодвигая на второй план другие факторы, от которых в совокупности зависит решение этой проблемы, прежде всего политические.

Но научно-техническая революция не изменила общего соотношения между политикой и военной силой. Более того, она сделала связь между ними еще более взаимопроникающей. Фактор силы оказался еще более тесно

[1] «Report of Secretary of Defence to the Congress», 1974, March, p. 17.

связанным с политикой. Идея политической разрядки и мира, основанных на «взаимном устрашении», рассматривает соотношение между политикой и военной силой в искаженном виде. Но исторический опыт неопровержимо свидетельствует, сколь опасно для судеб государств и всеобщего мира менять местами политику и военную силу, отдавать примат второй в ущерб первой. Двадцатый век дает этому столь же убедительные, сколь и катастрофические примеры.

Бесспорно, необходимо видеть новые возможности и функции военной силы, как и усложнение ее связей с политикой. Равновесие сил военных блоков на определенном историческом этапе в тех или иных границах способствовало политической стабильности, но лишь в том смысле, что возросшая мощь социалистических государств поставила предел агрессивным устремлениям империализма, заставила его внешнюю политику приспосабливаться к новым условиям, порожденным историческими успехами революционных сил современности.

Империалистическая концепция «устрашения» несет на себе внешнеполитическую и внутриполитическую нагрузку. Она служит оправданием функционирования блоков. Их упразднение, согласно этой концепции, может произойти лишь в результате решающего изменения соотношения сил в пользу капиталистической системы, следовательно, путем ликвидации одной из главных закономерностей современной эпохи, путем поворота истории вспять.

Функции теории «устрашения» состоят также в оправдании империалистического вмешательства в систему политических взаимоотношений в любом районе мира с целью подавления революционных, национально-освободительных движений. Эта концепция стимулирует постоянное усиление и расширение современной военной системы империализма, способствует отчуждению народов, укреплению замкнутых группировок, она способствует гонке вооружений.

Поддержание необходимого «эффекта устрашения» требует постоянного совершенствования оружия. «Равновесие страха» в условиях научно-технической революции не может обеспечиваться сколько-нибудь длительное время одним и тем же уровнем вооружений в количественном и особенно в качественном аспектах. В более или менее длительной перспективе «забегание» одной стороны

вперед и «отставание» другой, а отсюда — нарушение «равновесия» становится весьма вероятным. Следовательно, мир, основанный на «равновесии страха», обречен на гонку вооружений. Он внутренне неуравновешен. Он таит опасность конфликтов, особенно в обстановке утраты «равновесия».

Империалистическая концепция «устрашения» направлена и «во внутрь». Она служит выполнению задач цементирования отношений между государствами внутри НАТО на основе военной силы, имеет в качестве одной из важнейших задач оправдание растущих военных бюджетов, повышение экономической и политической роли военно-промышленных комплексов, а также является средством «устрашения» против социальных, революционных движений, национально-освободительной борьбы. Таким образом, эта концепция имеет далеко идущую экономическую, политическую, военную значимость, социальные, психологические и иные аспекты. В широкой перспективе она не может быть гарантией прочного мира, такого, в котором воплощались бы принципы мирного сосуществования всех государств, независимо от их общественного строя.

Одной из основ концепции «устрашения» является стремление игнорировать классовые, политические, социальные, идеологические причины и обстоятельства современного мирового развития и свести его лишь к чисто военным факторам: соотношению сил, качеству оружия, организации и дислокации войск, возможностям подвода резервов, характеру театров военных действий и т. п. На этой основе решающее значение приобретает понятие «баланс сил» как фактора, определяющего мировую политику.

Но «баланс сил» — это военное противостояние и противоборство, а не подлинный мир и сотрудничество. В рамках «баланса сил», как отмечает один британский ученый, «политические лидеры, как правило, пытаются добиться известного преимущества для своих государств. Они стремятся, скорее, к отсутствию равновесия в силе, чем к равновесию» [1].

В какой степени «устрашение» способно надежно сохранить мир? При всех опасностях, таящихся в угрозе современной войны и неизмеримо возросшем риске, с ко-

[1] *K. T. Twitchet.* International Security — Reflections on Survival and Stability. London, 1971, p. 24.

торым связано развязывание конфликта, «устрашение» само по себе не может быть фактором прочного мира. Оно создает лишь кажущуюся стабильность на определенном отрезке времени в отношениях между государствами и может оказаться малонадежным средством в условиях кризисов. Угроза уничтожения не останавливала, например, борцов Сопротивления в их акциях против фашизма.

Тенденции разрядки международной напряженности внесли к середине 70-х годов ряд существенных изменений в схему «устрашения». Они позволяют говорить и о наличии другого, ныне более представительного направления буржуазной политической и военной мысли, складывание которого в конечном счете произошло под прямым влиянием борьбы СССР, всех стран социализма за мир и процесса научно-технической революции, более трезвой, чем в первом случае, оценки ее последствий. В рамках отношений между СССР и США это способствовало переговорам о сдерживании гонки стратегических вооружений. В рамках Европы — проведению общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству и переговорам в Вене.

Ряд буржуазных исследователей международных отношений, как и политических деятелей, опирающихся на собственную «философию мира», уже не считает, что в основе безопасности обязательно должна лежать военная конфронтация со странами социализма. Даже Международный институт стратегических исследований в Лондоне в 1973 г. отметил, что «политика устрашения становится все менее неоспоримой в связи с возрастанием невоенных отношений и интересов между Востоком и Западом». Это отнюдь не привело к отказу от «устрашения» как основы военно-политических представлений о существе безопасности. Речь идет о том, что новая оценка соотношения сил двух социальных систем привела западных теоретиков к мысли о неизбежности мирных отношений. На этой основе и появился в их представлениях такой элемент, как необходимость разрядки с социалистическими странами, как признание мира в качестве единственной альтернативы для современного международного развития.

Необходимость решения любых национальных задач с трезвым учетом изменившихся реальностей, признание ограниченных возможностей применения силы и угрозы ею стали логическим итогом общего уточнения и частичного изменения военно-политических представлений о

смысле международной безопасности. Один из исследователей этой проблемы, Д. Рэйзер, ставил вопрос: «Необходимы ли вообще все попытки устрашения; действительно ли какое-нибудь государство намеревается совершить какого-то рода агрессию, для предотвращения которой предназначены ядерные силы возмездия?» [1] Ответ был отрицательным. Американский ученый Г. Моргентау выдвигал этот вопрос еще более прямо: «За пределами Европы США приходится противостоять не угрозе русской военной мощи, а надежде, которую несет новый строй коммунизма» [2].

Главная задача, которая стоит сейчас перед человечеством, состоит в предотвращении и полном исключении ракетно-ядерной войны. Научно-техническая революция сделала эту задачу особенно неотложной. Необходимо освободить людей от грозной опасности, вызываемой использованием достижений науки и техники в целях уничтожения. На протяжении 60—70-х годов в этом направлении сделаны важные шаги. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.); Договор о нераспространении ядерного оружия (1970 г.); международные договоры, ограничивающие сферу возможного размещения ядерного оружия и других средств массового уничтожения в космосе, на дне морей и океанов, в недрах; существенный сдвиг в деле сдерживания гонки стратегических вооружений СССР и США и ряд других договоров, соглашений положили начало созданию международной системы регулирования и ограничения вооружений, которая может иметь неоценимое значение для будущего. Завершение работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписанием Заключительного акта представляет собой начало нового этапа в международной политике, который ознаменуется утверждением принципов мирного сосуществования.

Успешно претворяя в жизнь историческую Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, Советский Союз последовательно и неизменно выступает за мир, дружбу между народами, за исключение войн из жизни человечества, за всеобщее и полное разоружение.

[1] Цит. по: *R. Clarke.* Op. cit., p. 265.
[2] *H. Morgentau.* The Purpose of American Politics. New York, 1960, p. 188.

Адамс У. — 144, 145
Альбрехтскиршенгер Г. — 155, 157
Аржирис К. — 187, 197, 200
Арндт Х. — 143
Арон Р. — 6, 26, 27, 28, 46, 99, 135, 167

Бакен А. — 259
Барансон Дж. — 242, 244
Барбер Р. С. — 33, 113, 115
Бейн Дж. — 143, 144
Белл Д. — 6, 30, 31, 42, 45, 46, 47, 49, 50, 56, 61, 63, 66, 67, 106, 107, 112, 113, 115, 116, 117, 127
Беннис У. — 197
Берли А. — 38
Бернштейн Э. — 96, 123
Бжезинский З.—6, 16, 42, 46, 49, 50, 62, 114, 115
Бигелоу Дж. — 95
Блау П. — 189
Блаунер Р. — 188, 189, 195
Бойд Р. — 170, 171
Бон Ф. — 86, 87
Боулдинг К. — 36, 99, 167
Браун Л. — 228, 229, 230
Брежнев Л. И. — 6, 11, 122, 123, 234, 257
Броди Б. — 259
Брей Дж. — 14
Брюс-Бригз Б. — 33
Бэрнс А. — 21, 22
Бэрнхэм Дж. — 6, 38
Бюрнье М.-А. — 86, 87

Ванкерберген Ж. П. — 179
Вебер М. — 67, 209
Веблен Т. — 111, 148
Вестоп Ф. — 150, 158
Вилсон Т. — 146
Винер Н. — 103, 108, 245, 246, 247
Винер Э. — 43, 44, 106, 116, 117
Вудворд Дж. — 186, 187, 188, 189, 193, 194

Галтунг Ю. — 179
Гальперин М. — 259
Гароди Р. — 6, 45, 85, 121, 125, 126, 127, 128, 129, 134, 135
Гейвин Д. — 259
Герцберг Ф. — 197, 198, 199, 200
Голдсмит Е. — 167
Голдторп Дж. — 191, 194, 199
Грамши А. — 204

Гьюлик Л. — 211, 212
Гэлбрейт Дж. — 6, 27, 28, 29, 49, 111, 112, 113, 115, 141, 149, 150, 252, 254
Гюнтер Г. — 49, 67

Дабин Р. — 199
Дайсон Ф. Д. — 255
Дарендорф Р. — 6, 38
Деламотт И. — 199, 201
Демсетц Г. — 150, 151
Дженкс К. — 167
Джонс Г. — 239
Джэкс Э. — 193
Диболд Дж. — 106
Дирлем Дж. — 145
Драйблатт Д. — 246, 247
Дракер П. — 32, 33, 36, 115, 200, 201, 213, 214, 216
Дьюи Дж. — 97
Дюркгейм Э. — 113

Зимэн М. — 188, 189, 191
Зингер Г. — 243, 244

Йорк Г. — 101, 102

Калачек Е. — 155
Калдор Н. — 244
Кан Г. — 6, 33, 43, 44, 100, 101, 254
Картрайт Д. — 202
Каутский К. — 15, 96, 123
Кернкросс А. — 244, 245
Керр К. — 114, 115
Кирхер П. — 100
Киссинджер Г. — 255
Кларк К. — 38
Кларк П. А. — 187, 190, 193, 194, 195
Кларк Р. — 252, 253, 256, 257, 260, 266
Клемент Н. — 167
Корног У. — 99
Крозье М. — 73, 74,

Лалл С. — 161, 162
Ландсберг Г. — 166, 167
Лебер У. — 135
Левенталь Р. — 124
Ленин В. И. — 10, 15, 21, 55, 59, 96, 120, 123, 139, 140, 142, 148, 175, 190, 208
Леонтьев В. — 245, 246, 247

Лефебр А. — 6, 86, 90
Ликкерт Р. — 197, 214
Линг Дж. — 219, 220, 221
Лэйрд М. — 259
Лэш Ч. — 44, 49

Макгрегор Д. — 194, 197, 200, 201
Макдональд Г. — 256
Маклюэн М. — 99, 109, 110
Маленбаум Д. — 226
Мансхолт С. — 167, 179
Марек Я. — 121, 125, 135
Маркс К. — 13, 14, 15, 19, 20, 31, 44, 45, 46, 47, 53, 54, 55, 59, 96, 98, 103, 107, 109, 111, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 166, 172, 173, 181, 188, 189, 190, 192, 193, 202, 203, 224
Маркузе Г. — 75, 76, 90, 108, 125
Марч Дж. — 214, 219
Маршалл А. — 141
Марше Ж. — 70
Маслов А. — 197, 198
Медоуз Г. — 29, 168, 169, 170, 171, 181
Мейер М. — 189
Мейерс Г. — 56
Минз Г. — 105
Минз Д. — 38
Мишэн Э. — 167, 168
Моргентау Г. — 266
Мэмфорд Л. — 75, 76, 97, 108
Мэнсфилд Э. — 155
Мюллер Д. — 160
Мюрдаль Г. — 232

Нелсон Р. — 155, 156
Нобель А. — 259

Огборн У. Ф. — 97
Ойкен В. — 143
Олдак П. — 174

Пек М. — 155
Петер Т. А. — 208
Пил М. — 240
Полак Ф. — 36
Пребиш П. — 248

Ревель Ж. Ф. — 90, 91, 92
Реддин У. — 197, 198
Ричардсон Г. — 143, 151, 152, 167, 168
Ростоу У. — 6, 26, 28, 38,
Рэйзер Д. — 266
Рэйтиенс Г. У. — 102

Саймон Г. — 212, 214, 219
Северский А. де — 100
Сей Ж.-Б. — 243
Серван—Шрейбер Ж. Ж. — 91
Сесси С. — 217
Симмонс Дж. — 238
Слоун А. — 213
Смит А. — 13
Спенсер Г. — 97
Стил Г. — 100
Стинберген Б. ван — 106, 114
Струве П. — 96
Суханов Н. — 96

Танненбаум — А. 214
Тейлор Г. Р. — 167
Тейлор Ф. — 32, 184, 204, 208, 209, 210, 211, 212, 213
Тинберген Я. — 230, 231
Тиоболд Р. — 41, 105
Тойнби А. — 99, 167
Тортра Р. — 106
Тоффлер О. — 6, 10, 42, 49, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 86
Трист Э. — 193, 196
Турен А. — 6, 27, 41, 56, 68, 85, 200, 217, 218
Тюдор Б. — 191

Уайт Л. А. — 97
Уокер Ч. — 189
Урвик Л. — 211, 212
Уэлес Д. — 167
Уэллс Г. — 21

Файоль А. — 209, 211, 213
Фишер Дж. — 166, 167
Фишер Э. — 121, 125, 131, 132, 133
Фишман Л. — 166
Флоренс П. С. — 162
Фонс У. — 189
Форд Г. I. — 184, 204, 215
Форм У. — 189, 191, 192, 193, 199
Форрестер Дж. — 6, 29, 167, 169, 170
Фридмен М. — 33, 141
Фримэн К. — 156
Фромм Э. — 76, 108
Фуллэн М. — 188
Фурастье Ж. — 6, 26, 28, 39, 42, 45, 51, 56, 61

Хальштейн Н. — 143
Хамберг Д. — 63, 155
Хардести Д. — 167
Хейер М. — 212
Хейлбронер Р. — 167, 173
Херимен В. Л. — 167, 168
Хиггинс Б. — 226, 244
Хиршман А. — 226

Чайлд Дж. — 194
Чендлер А. —34

Шеллинг Т. — 101, 111, 260
Шепард Х. — 199
Шлезингер А. — 135, 136
Шульц Д. — 34
Шумпетер Й. А. — 38, 148, 149

Эберхард Ф. — 136
Эйдельман М. А. — 143
Элгози Ж. — 46
Эллюль Ж. — 75, 76, 77, 107, 108
Эмерсон Р. У. — 97
Энгельс Ф. — 13, 14, 19, 44, 45, 53, 96, 98, 109, 111, 127, 128, 129, 132, 166, 173, 175, 189, 190, 193, 203, 224
Эндрюс П. — 143, 151
Эрлих П. — 167, 168

Якобсен Г. А. — 259

Оглавление

Предисловие 5

Глава первая 9

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1. 9

Необходимость идеологической борьбы в современном мире

2. 13

Непримиримость методологических основ марксистско-ленинской и буржуазной теорий научно-технического прогресса

3. 19

Идеологические и социально-политические аспекты экономического соревнования двух систем в условиях научно-технической революции

4. 25

Научно-техническая революция и банкротство буржуазных моделей общественного развития

Глава вторая 38

КРИТИКА ТЕОРИЙ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

1. 38

Генезис теорий «постиндустриального общества»

2. 42

Общие черты и методологические принципы

3. 50

«Экономика услуг»

4. 55

Социальная структура «постиндустриального общества»

5. 61

Ложные концепции: от финансовой плутократии и меритократии к технократии

Глава третья 71

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. 71
Место понятия «революция» в современной буржуазной апологетике
2. 74
Теория «супериндустриальной революции»
3. 84
Проблема революционных сил в буржуазной и ревизионистской социологии
Глава четвертая 95
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ БЕССИЛИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА
1. 95
Эволюция концепций
2. 98
«Военно-технологический детерминизм»
3. 103
«Компьютерный детерминизм»
4. 111
Злоключения «эры технократии»
Глава пятая 120
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕВИЗИОНИЗМА
1. 120
Попытки подрыва марксизма-ленинизма
2. 126
Искажение Марксовой политэкономии и роли научно-технического прогресса
Глава шестая 139
МОНОПОЛИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: КРИТИКА ДВУХ БУРЖУАЗНЫХ ПОДХОДОВ
1. 141
Неоклассическая постановка проблемы и ее современные разновидности
2. 148
Апологетика роли крупной капиталистической корпорации
3. 153
Эмпирические исследования взаимосвязи концентрация — технический прогресс
4. 158
Новейшие формы монополистической концентрации и несостоятельность буржуазных теорий
Глава седьмая 164
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

1. 165
Концепция «нулевого роста»
2. 175
Проблемы окружающей среды и «качества жизни»
Глава восьмая 183
КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
1. 185
Направление «технологического детерминизма»
2. 193
Концепция «социотехнической системы»
3. 196
Прикладные буржуазные концепции организации труда
4. 204
Государственно-монополистический маневр и борьба рабочего класса за освобождение труда
Глава девятая 208
КРИТИКА ТЕОРИЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ
1. 208
Современные системы организации и управления производством
2. 211
Модернизация «классической» теории буржуазной науки организации и управления
3. 213
Буржуазные теоретики в поисках решения проблем управления
4. 219
Предложения новых организационных схем. Конгломераты
Глава десятая 226
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ
1. 226
Научно-технический прогресс и «взаимозависимость наций»
2. 237
Буржуазные экономисты о роли частного предпринимательства в техническом прогрессе
Глава одиннадцатая 249
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРИАЛИЗМА
1. 249
Использование научно-технической революции в целях реализации военно-политических программ империализма
2. 258
Научно-техническая революция и военные доктрины империализма. Концепция «устрашения»
Именной указатель 267

КРИТИКА
БУРЖУАЗНЫХ
КОНЦЕПЦИЙ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

СОВРЕМЕННЫЙ
КАПИТАЛИЗМ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА

Заведующая редакцией
Т. А. Воскресенская
Редактор
И. С. Додолева
Младший редактор
Л. А. Книна
Художник серии
А. Б. Бобров
Художественный редактор
Е. А. Якубович
Технический редактор
Л. П. Гришина
Корректор
Ч. А. Скруль.

Сдано в набор 10 апреля 1975 г. Подписано в печать 20 января 1976 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Усл. печатных листов 14,28. Учетно-издательских листов 14,93. Тираж 14000 экз. А03614. Заказ 3063. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.